

The image is a book cover for a collection of stories. It features a man in a dark jacket and vest standing in a rainy, dimly lit restaurant, looking out a window at a man sitting at a table. The scene is atmospheric, with rain falling and warm lights from the restaurant and street lamps. The text is overlaid on the top and bottom of the image.

Пробуждение в «Эмпти Фридж».
СБОРНИК РАССКАЗОВ

Д. И. ВОРОНЦОВ

Денис Игоревич Воронцов
Пробуждение в «Эмпти
Фридж». Сборник рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70599769

SelfPub; 2024

Аннотация

Жизнь или смерть? Сон или реальность? Правда или вымысел? Девять историй – девять совершенно разных измерений, связанных между собой лишь одной тонкой красной нитью – тягой героев во что бы то ни стало пробудиться, сделать шаг навстречу неизвестности и вопреки правилам судьбы вырваться из ее пут победителем, пусть даже ценой собственной жизни.

Содержание

Пробуждение в «Эмпти Фридж»	4
Свидание со Смертью	43
Вдохнови меня, крошка	62
Контракт	67
Ночной самокопатель	86
Красный кафель	130
Оазис	143
58 метров над землей	229
Синие цикады предвещают смерть	241

Денис Воронцов
Пробуждение в
"Эмпти Фридж".
Сборник рассказов

Пробуждение в «Эмпти Фридж»

Несомненно, все это скоро кончится –
быстро и, видимо, некрасиво.

Мозг – точно айсберг с потекшим контуром,
сильно увлекшийся Куросиво.

И. Бродский

I

«Можно ли жить абсурдом, или эта логика требует смерти?». Раньше я видел в этих словах лишь красивую цитату, которую можно было бросить в копилку памяти, чтобы при

удобном случае извлечь и блеснуть начитанностью где-нибудь на музейной выставке или в суде. Теперь я понял, что имел в виду Камю.

Я закрываю глаза и откидываюсь на сиреневую спинку кресла, избавляясь от визуального потока информации, но продолжая видеть кафе в мельчайших деталях. Несколько мгновений хватает, чтобы это место навсегда отпечаталось в моей памяти, как картина художника-гиперреалиста: тридцать два матовых плафона, в двадцати одном из которых лампочки теплого света, в девяти – холодного, в трех – мигают, в двух – выкручены. Двадцать три белых столика, семнадцать из них – заняты, два – бронированы, один – не убран, один – сейчас займет дама в зеленом. Всего в мое поле зрения попало тридцать семь посетителей, и я могу до последнего заусенца описать любого из них. Двенадцать фотографий на стенах – это двенадцать черно-белых окон, в каждое из которых я продолжаю заглядывать, точно зная количество парящих над Тауэрским мостом птиц, или марки автомобилей в ночной пробке на Фламинго-роуд. Я помню каждую шероховатость пола, каждую трещину в асфальте тротуара, царапину на приборной панели в машине, крупницу облупленной краски в уборной на заправке... Я помню, как ехал сюда, зависнув на час в невообразимой пробке, от моста до Ривер-стрит, и перебирая в уме события последних дней, которые мало чем отличаются от эпилога к невероятно реалистичному ночному кошмару.

Но при этом я не могу вспомнить, когда последний раз ложился спать.

Еще я не могу вспомнить, чтобы Мэри была когда-то так же прекрасна, как сейчас. То, что произошло между нами, рано или поздно должно было произойти. Кровь брызжет во все стороны, зал замирает. Она бледнеет, хватается за шею и падает на пол, после чего стилинга за крайним столиком машинально вскакивает. Через мгновение в его руке уже поблескивает пистолет. Не похоже, чтобы этот парень был в таком же шоке, как остальные. Видимо, у него голове сработало нечто, что принято называть внутренним чутьем, благодаря которому он заранее знал, чем все кончится. Или может это обычный коп, а меня выдало что-то вроде непроизвольных жестов или микровыражений лица, которые позволяют с точностью определить, что человек собрался пырнуть кого-то вилкой. Не знаю. И не уверен, что хочу знать, находясь теперь под дулом пистолета.

Забавно вспоминать, как все начиналось. Генри сидел в кресле посреди бумажного бедлама с таким видом, будто в самом деле совершает прорыв в медицине. В действительности же это был лишь эксперимент, причем с самыми скудными исходными данными, которые только можно вообразить.

– Делает несколько надрезов здесь и здесь, – он сгребает в сторону бумаги и кладет снимок передо мной, шариковая ручка в его руке превращается в указку, – после этого

вживляем около ста... «микроигл», которые будут взаимодействовать с нейронами. И только потом перейдем к глазам.

Я хоть и не слеп, но вижу лишь черно-синее пятно, так как ничего в этом не смыслю. Похоже, он понимает это, потому что после моего взгляда кладет ручку обратно в карман.

– Неужели все так плохо? – Спрашиваю и проматываю в уме все, что известно об этой «новейшей разработке». Со слов Генри она безвредна и эффективна, и у меня нет поводов не доверять ему. Но сама мысль о сотне микроигл в голове каким-то странным подсознательным образом настораживает. Хоть это и не является чем-то сверхъестественным, если подумать.

Генри открывает шухляду и начинает перебирать бумаги. Создается впечатление, будто он ищет аргументы, подтверждающие его слова насчет разработки, в которой он и сам до конца не разобрался. Или это страх заставляет меня так думать – нелогичный, но вполне естественный страх перед неизвестностью, из-за которого я начинаю высматривать в старом приятеле нотки подвоха. Он достает синюю папку и откидывается на спинку, как если бы нашел, что искал:

– В противном случае, зрение будет постоянно падать.

– Насколько лучше я стану видеть? – Пытаюсь сфокусироваться на этикетках склянок у него за спиной, и понимаю, как это бесполезно при моем уровне близорукости.

– На все сто. Или почти. – Генри открывает папку, достает калькулятор и приступает к отчету. Похоже, никаких ар-

гументов в ней не содержится, – Как бы там ни было, про очки сможешь забыть.

Звучит слишком хорошо, чтобы быть правдой. Но откуда у Генри такая уверенность, что это сработает?

– Разве в моем случае такое возможно? – Начинаю жалеть, что не доучился на медицинском хотя бы до второго курса. Для общего развития.

– С этой разработкой – да. – Он отодвигает все бумаги на второй план, достает таблетку и наливает себе стакан воды. – Есть, конечно, и другие варианты, но при той болезни, что у тебя, ни один из них не способен вернуть всей остроты зрения.

Генри глотает таблетку и у меня создается впечатление, что это какой-то психостимулятор. Возможно, он стал бы точной копией Хантера Томпсона, будь у него очки вроде моих. Но иллюзия быстро рассеивается, когда вспоминаю, что он страдает от приступов мигрени.

– А эта штукавина безопасна? – Спрашиваю и понимаю, что страх перед неизвестностью хоть и не покидает меня, но уже начинает казаться неразумным.

– С чего ты взял, что нет?

Генри продолжает что-то считать, словно мои опасения предсказуемы и вовсе не удивляют его. Мне показалось, в его папке мелькнул старинный чертеж авторства Леонардо да Винчи. Но похоже это просто усталость.

– Ты говорил, что она совсем новая. Такую операцию уже

делали кому-то?

– Да. Но с меньшим уровнем вмешательства в заднюю часть коры головного мозга. Твой случай потяжелее.

– Значит, в этом плане я буду первым?

– Это ни о чем не говорит. – Он прерывается и полный уверенности смотрит на меня, как будто сам приложил усилия к новейшей разработке. – Будь она небезопасна, столько времени, сколько с ней возились в лаборатории, хватило бы, чтобы это заметить. Так что опасаться нечего, можешь быть уверен.

За дверью встречает Мэри, и мы вместе направляемся по белому коридору к лифту. Вокруг творится черт знает что, будто находимся в Тонтоне. Или мне только так кажется? От мыслей о предстоящей операции и взвешивания всех «против» и «за» разболелась голова. Шорохи, скрипы, шаги, голоса – все начинает раздражать, и хочется поскорее оказаться дома, чтобы налить себе бренди, сесть в кресло и хорошенько все обдумать.

Но разве у меня есть выбор? Болезнь уже год постепенно отнимает зрение, и если ничего не предпринять, это продолжится. Мэри считает, что быстро растущая близорукость связана с моей деятельностью и постоянным напряжением для глаз. Но я не единственный искусствовед в мире – никто не слепнет от этой работы, тем более так резко.

Не проронив ни слова, выходим на еще более шумную улицу. После грозы пахнет озоном и мокрым асфальтом, а

лужи смотрятся как отпавшие от неба куски краски. В машине Мэри решает спросить:

– Так что он тебе сказал?

– Сказал, что зрение станет как прежде, – шелест магнитолы кажется настолько отвратительным, что тут же ее выключаю, – даже лучше.

Она достает сигарету и закуривает. Мне всегда нравилась ее привычка держать сигарету большим и указательным пальцем – курение это единственная вещь, при которой теряется ее грациозность. А все потому, что курит Мэри раз в год, и только ради того, чтобы напустить в негативные мысли сладкого туману. На меня эта магия действует обратно пропорционально. Опускаю стекло.

– Это реально? – Мэри в отличие от меня доучилась до второго курса, поэтому кое в чем разбирается. Но видимо не во всех тонкостях нейрохирургии.

– Там какая-то новейшая штукавина с вживлением микроигл. Я знаю о ней не больше, чем ты. Но я доверяю Генри.

– И ты сможешь вернуться к своей работе?

– Да.

Берет паузу. То ли подбирает слова, то ли на перекрестке сложная развязка.

– А ты не думал найти себе другое занятие?

Закрываю глаза и запрокидываю голову – она снова за свое.

– Мы ведь уже обсуждали это.

– Я ничего не хочу сказать, но твоя работа отнимает у тебя слишком много сил и времени. – По тому, как изменилась манера езды, понимаю, что нервничает. Впрочем, это было ясно еще с того момента, как она закурила. – Может, из-за нее у тебя и упало зрение.

– Работа здесь ни при чем. Это все болезнь.

– Твои ночи напролет с изучением микротрещин вполне могли этому поспособствовать.

Она завернула за угол и заглушила двигатель. Приехали.

– Есть разница, Ричард: выполнять норму и отдавать себя работе целиком.

Уже через неделю я действительно вернулся к своей работе. А через месяц Мэри меня бросила, сказав, что ей осточертели мои постоянные зависания с микроскопом в лаборатории. Но разумеется, проблема не в том, что я фанат своего дела. Ей просто нужен был спусковой крючок, на который она смогла бы меня подловить. Как бы там ни было, расстались мы еще быстрее, чем сошлись. И я не сказал бы, что рад этому: в космической пустоте две черные дыры вполне могли бы слиться в одну.

II

Давно не видел бар таким красочным и одновременно

мрачным, как в тот вечер: «Полуночники» в исполнении Юриана ван Стрека, не иначе. Тогда, всматриваясь в царапины на липком столе, я впервые задумался, не являюсь ли персонажем невероятно проработанной картины. И похоже я даже озвучил эту мысль бармену: тот начал смотреть на меня так, словно вертел ментальным пальцем у виска.

– У нас появился новый коктейль, называется «Лимоны Дали». Не хочешь попробовать?

Я с прищуром художника изучаю его ухмылку и пытаюсь понять, не издевается ли он. В итоге утвердительно киваю.

– Должен предупредить, убойная штука. Но я так понимаю, это именно то, что надо?

Снова киваю:

– Завтра пойду на работу, как слон на спичках.

– «Я не сюрреалист, я сюрреализм».

Не помню, как вернулся домой и заснул, но помню, как проснулся, и это был далеко не сюрреализм. Сквозь жалюзи просачивался свет, и то, что он не лунный, а солнечный, я понял только исходя из времени суток. Повсюду погром, как в мастерской творческого сноба, искавшего вдохновение среди рубашек, носков, книжек про искусство, коробок от пиццы и таблеток аспирина. Просачиваюсь сквозь горы вещей в ванную, обретаю человеческий вид и направляюсь в богадельню.

Не успеваю ступить за порог кабинета, как появляется вертлявая пронира в клетчатом пальто. И откуда только взя-

лась эта серая ворона с тубусом вместо сыра? В голову просачивается мысль, что ей на носу не хватает огромного треснувшего пенсне. И желательно с темными стеклами – взгляд у нее невыносимо острый. И вот она влетает с полотном в руке и говорит:

– Необходима кое-какая помощь, если вы понимаете, о чем я.

Показываю, чтобы закрыла за собой дверь, так как понимаю, что предстоит разговор не для коридорных стен.

– Что нужно?

– Это оригинал. Нужно заключение, что копия.

– Зачем? – Удивляюсь собственному любопытству. Не все ли мне равно, на кой черт ей это. Чтобы понимать все риски, мне достаточно изучить только историю картины.

– Не важно. Знаю, что это рискованно, и готова заплатить любую сумму.

Разворачиваю полотно и смотрю на сиреневый череп с цветами, растущими из глазниц. И все это выглядит не хуже, чем детские шедевры с выставки под названием «дверца холодильника». Под лупой присматриваюсь к мазкам подписи и понимаю, отчего столько шума:

– Пьер Шарло.

– Он самый. Название «Душа».

– Где взяли?

– Досталась в наследство.

– Откуда знаете, что оригинал?

– От самого Пьера. Он мой прапрадедушка.

– Решили обесценить творение прадедушки?

– Прапра...

– А если серьезно – для чего вам это?

– Я же говорю – не важно. Заплачу, сколько скажете. Так вы в деле или нет?

– Если только это не «игра в бисер». – Говорю и думаю, что выражение «игра в бисер» вроде как здесь не подходит. Так можно было бы сказать про что-то сложное и непонятное, но уж точно не в ситуации, когда собеседник темнит. И почему мне захотелось перед ней поумничать? – Я хочу знать, что мне предлагают. Или вы раскрываете все карты, или ищете другого эксперта. – Смотрю на ее пальто. – Но с рубашками наружу вряд ли найдете.

– Переезжаю в другую страну и хочу взять ее с собой.

– Разобраться с минкультом вам будет дешевле и проще. Разве что за срочность раскошелитесь, потому что тягомотина та еще. Это же семейная реликвия, насколько я понял.

– Не совсем так.

Как легко можно заинтриговать всего тремя словами, думаю.

– Она краденная?

– Это было давным-давно, – смотрит в потолок, словно разглядывает фреску, – ее украл мой предок.

– Прапрадедушка?

– Пра...

– С этого и стоило начинать. Почему сразу не сказали?

– Вам бы стало легче, если бы вы узнали про мои преступные корни?

– А вам не все равно, что я об этом думаю?

– Вы бы тогда решили, что здесь какой-то подвох.

– Вообще-то я и сейчас в этом не сомневаюсь.

Вздыхает, как перед исповедью. Похоже, сейчас раскроет карты.

– Хоть эта картина и краденная, она мне дорога как память, и я не хочу расставаться с ней только потому, что у меня нет на нее прав.

– И я должен поверить?

– Это чистая правда.

– А почему так резко переезжаете?

Она могла сказать, что это не мое дело, но знала: теперь только честность и открытость главные ее козыри.

– Не резко, просто долго решалась. Не так-то легко начать все с нуля, знаете ли.

Вот это уже больше похоже на правду. Хотя не нравится мне вся эта история с двойным дном. Подкупает тот факт, что нужно признать не подделку оригиналом, а наоборот. Такого в моей практике еще не было, и уж тем более это показалось мне не такой рискованной махинацией, чем те, что я совершал до этого, и из которых в итоге вышел сухим из воды.

Недолго думая, озвучиваю клетчатой проныре сумму.

Она соглашается, и в моем ментальном музее махинаций появляется еще один экспонат. И я вовсе не считаю себя негоде-дем. Руки в крови у меня после этого не стали. А покой-ный Пьер Шарло не обеднеет, если кто-то на таможе сочтет его шедевр подделкой. Все равно потом пересечемся в од-ном сюжете, в загробном квадрате Малевича. И все станет на свои места.

Дальнейший рабочий день проходит как по накатанной: несколько визитов, а после – сплошная бумажная волоки-та. На протяжении дня замечаю странную штуку: в голове почему-то остаются детали, на которых даже не фокусиро-вал внимания. Например, цвет глаз охранника в музее, кри-вой шов на пиджаке одного из коллекционеров или засохшие капли кофе на ступеньке парадной лестницы. Списываю на обычную усталость, потому что другого объяснения в конце рабочего дня не нахожу. Какое бы дерьмо вокруг не твори-лось, под вечер всему виной усталость. И точка.

На следующее утро я снова не смог вспомнить, как лег спать. И тем более – как успел навести в комнате порядок. Можно рассуждать сколько угодно, но пьяный до беспмят-ства человек не способен на сортировку книг по алфавиту, а рубашек в шкафу – по цветам радуги. Даже жалюзи дышали свежестью и блестели, как если бы кто-то отважился протер-еть их от пыли. На мгновение в голову прокралась мысль, что вернулась Мэри. Но как бы мне этого не хотелось, реаль-ность оказывается иной: в доме никого нет, кроме меня. И

скорее всего, в двух ипостасях.

А что если это в самом деле раздвоение личности? Никто не застрахован от шуток разума, тем более при раскладе вроде моего. Нельзя знать наверняка две вещи: на что способен человеческий мозг и для кого подготовлено койка-место в Тонтоне. Ставлю в голове пункт, что нужно будет с кем-то на этот счет поговорить, и иду на работу.

Во второй половине дня пришлось ехать в гости к почившему двойнику Влада Цепеша, чтобы оценить его нескучную коллекцию картин. Поллок, Хокусай, Брюллов, Курбе, Арчимбольдо, Гоген – все сплошные оригиналы. И откуда у вампира такая тяга к искусству? Имение не хуже: повсюду гобелены, кресла с бархатной обивкой, столы из красного дерева, шелковые шторы и все в таком духе. Словом, загородный дом Дракулы, погрязший в загробном полумраке и под завязку набитый картинами. Понимаю, что зависну здесь надолго, может даже на целый день – только для того, чтобы оценить объем работы.

Дохожу до второго этажа и глазам не верю: взору предстает не что иное, как оригинал «Души» Пьера Шарло! Мысль, что это невозможно быстро отсеивается осознанием, что это действительно так: мой глаз достаточно наметан, и я могу отличить один и тот же сюжет от точной копии, до последнего штриха повторяющей уже изученную мной картину. И есть только один человек, который может объяснить это. Достаяю из кармана телефон и тут же набираю Серую Ворону:

– Я тут на окраине города, решил провести старого приятеля, и не поверите, что у него нашел.

– Что?

– Вашу семейную реликвию, с которой еще вчера вы собирались махнуть за границу.

– Не понимаю о чем вы. Моя картина сейчас при мне, а не где-либо... у каких-то там ваших знакомых. Может, это...

– Это не копия, и не подделка. Это именно она.

– Вы уверены?

– Абсолютно. Я хорошо изучил ее. Это та самая картина, которую вы вчера приносили и которая, как вы говорили, называется «Душа».

– Какая еще «Душа»?

– Сиреневый череп с цветами. Пьер Шарло.

– У меня «Зеленый закат» Дика Эмильсона и только.

– Не знаю ни о каком «Закате». Вы вчера приходили с «Душой», за что ручаюсь. Так и думал, что у вас какая-то гребаная махинация.

– Я хочу уехать из страны с картиной, на которую у меня нет прав, я все вам вчера рассказала. И приносила «Закат». Он и сейчас у меня, стоит свернутый в углу комнаты. Других картин у меня нет, и никогда не было.

Странную штуку затеяла, думаю. Еще более странно, насколько быстро я на нее повелся. В мрачном поместье мне больше делать нечего с воспаленной опухолью в голове под названием «какого черта?». Прощаюсь с родственниками

умершего коллекционера и как можно быстрее добираться до богадельни, чтобы узнать одну простую истину – не съехал ли я с катушек.

III

С кабинетом за время моего отсутствия метаморфоз не произошло, что уже хороший знак. Неоновые лампы несколько раз потрескивают, моргая, после чего начинают жужжать холодным синим светом, делая помещение похожим на плохо освещенную операционную. Следов взлома или чего-то похожего нет: к фанерному шкафу никто не при-трагивался с того самого момента, как его здесь поставили, а стол пуст и даже успел покрыться налетом пыли. Все под-чистую спрятано в сейф, без каких-либо распределений на «ценное» и «не очень» – сила привычки.

Сажусь за стол и включаю компьютер. Пока он разогрева-ется, проматываю в голове все повадки и движения Серой Вороны: она изучила обстановку кабинета и могла расшиф-ровать код от двери. А по зубам ли ей взломать сейф или компьютер? И зачем ей приходить с одной картиной, чтобы в итоге провести махинацию с другой? Видимо, она вчера обращалась не только ко мне, поэтому и запуталась, что ко-му говорила и какую картину показывала. И тут меня посе-

щает мысль, и я удивляюсь, почему сразу не догадался – это проверка. Про одну из таких я знал не по наслышке, закончилось аннулированием лицензии и пищей для газет на целую неделю вперед. Если это действительно так, и Ворона приходила с удочкой за спиной, тогда я влип по-крупному.

Захожу в электронный архив, нахожу последнее экспертное заключение. Машинально перематываю до конца и вижу то, что повергает меня в ступор: экспертиза сделана по картине «Зеленый закат».

– Как? – Само вырывается в пустоту кабинета, и даже лампы заморгали в нервном тике.

В голове появляется ощущение нереальности всего вокруг. Фотография картины издевательски зависает на экране, и мне ничего не остается, кроме как всматриваться в изумрудное небо и салатовые холмы. Я уверен, что вижу ее впервые, хоть мне и известен такой художник, как Дик Эмильсон. По крайней мере, в этот момент я мог с точностью сказать, что никогда раньше не сталкивался с «Закатом». Но так ли это на самом деле? Может, я сплю?

Перевожу взгляд на столешницу, всматриваюсь в ее обшарпанную шероховатость, провожу по ней рукой. Затем смотрю на стены и потолок, как психопат в больничной палате, которого только что заселили. Вспоминаю хитрость Кастанеды и снова смотрю на экран – картина никуда не делась, и ничего в ней не поменялось. Будь это сон, все вокруг преобразалось бы, не успевая за моим взглядом. А будь ре-

альность – я бы не подверг ее сомнению, по крайней мере в здравом уме. Что-то со мной не так. Причем с тех самых пор, как я обрел новое зрение и снял с глаз повязку.

Нужно вспомнить остальные хитрости. Если посмотреть во сне на собственные руки, то количество пальцев будет постоянно меняться. Еще всевозможные странности творятся с циферблатом часов и другими точными источниками информации, если в них всматриваться. Все потому, что сны состоят из цельных образов, и мозг не в силах долго удерживать картинку, построенную на аналитических деталях. Как бы там ни было, руки, часы и даже текст экспертизы на мониторе выдерживают проверку. Я абсолютно уверен, что нахожусь в реальности...

...пока вдруг не просыпаюсь в собственной комнате!

Что произошло? Невероятно реалистичный сон, или я снова забыл, как вернулся домой и лег спать? Сны не бывают настолько реальными, чтобы на утро они вспоминались как нечто прожитое. Может и бывают, но остаются где-то в другой, в сновидческой памяти. И при пробуждении обычно срабатывает тумблер, позволяющий с уверенностью сказать, что это сейчас не сон, а реальность. Конечно, случаются и ложные пробуждения. Но разве могут сны состоять из таких деталей, как, например, точный текст «Краткой истории живописи» или «По ту сторону гиперреализма», с которыми вот уже четверть часа не происходит никаких метаморфоз? Мне срочно нужен специалист, способный разложить

мое состояние по полочкам. Но сперва хочу повидаться кое с кем, кто вполне мог быть виновником этого моего состояния.

– Похоже на гипермнезию вкупе с дереализацией. – Генри опрокидывает шот и закусывает лаймом. Странно видеть его без халата, да еще и в пестрой рубашке.

Бар заполнен кальянным дымом, который словно сам по себе материализовался в воздухе или спустился как туман, потому что никого кроме нас в зале нет. Скорее всего это такая фишка заведения – часть стимпанковского интерьера, и дым поступает откуда-то из вентиляционных прорезей или отверстий в декоративных медных трубах. Это место следовало бы оживить, а лучше сделать капитальный ремонт, поскольку трещины в стенах, облупленная обивка на стульях и затертость столов вряд ли замышлялись как штрихи к художественному оформлению. Зато у меня появилась пара лишних якорей, удерживающих меня в состоянии сознательности – ни одна из трещин и царапин не поменялись за все время, с тех пор, как я ступил на порог. Значит, я нахожусь в реальности.

– Ты говорил что-то про область, которая отвечает за сны. – Напоминаю и смотрю, как он меняется в лице.

Официантка в костюме викторианской эпохи ставит передо мной стакан апельсинового сока, а перед Генри – еще один шот текилы.

– Не думаю, что операция как-то на это повлияла.

– Но это началось сразу же после нее. Я уже неделю не могу вспомнить, как хотя бы раз ложился спать. – Ставлю стакан и снова присматриваюсь к царапинам. Похоже, проверка на реальность превращается в привычку. – Разве такое можно объяснить гипермнезией?

– Выборочной. – Он расправляется с очередным шотом и снова приступает к лайму. – Как минимум... реалистичность снов... точно следствие гипермнезии.

– Если не операция, тогда что могло к этому привести? – Спрашиваю и знаю, что он сейчас приведет сколько угодно факторов, не связанных с его поприщем.

– Стресс, наследственность, вещества... – Он откидывается на мягкую шестеренку вместо спинки. – Да я же не знаю всей твоей подноготной!

– Какие вещества? Я даже с алкоголем завязал. – Допиваю сок и смотрю, нет ли поблизости официантки. Вместо этого слышу шипение и замечаю истинный источник дыма – декоративные самовары по углам. – Еще был случай пассивного курения, но от никотина так крышу не сносит. А психопатов у меня в роду нет.

– А стресс?

Какой к черту стресс он имеет в виду? Я не настолько расдосадован расставанием с Мэри, чтобы на почве этого тронуться умом. Да ему и не обязательно знать всех подробностей моей биографии.

– Брось. Всему виной штукавина из микроигл в моей го-

лове, и ты это знаешь.

Генри достает из портмоне несколько купюр и кладет на стол, после чего встает с места и накидывает пальто.

– Менять что-либо поздно, можно только еще больше навредить. – Он берет телефон и начинает листать длинный список контактов. – Я знаю одного психиатра, который может помочь.

Я пытаюсь понять, шутит ли он, и похоже что нет, потому что с таким серьезным видом последний раз он говорил еще до операции – о ее рисках. Тогда точно было не до шуток.

– Психиатр? Ты серьезно?

– Не сомневайся.

Спустя полминуты в моей записной книжке появляется еще один номер.

– Дакота Браун. Скажешь ей, что ты от меня, она сыграет Морфеуса в юбке и это решит твою проблему.

Так вот, думаю, откуда он черпает жизненные силы. Я всегда подозревал, что человек вроде него не может после рабочего дня выглядеть и вести себя, как журналист с «Вудстока». Но это все не для меня: мне хватает приходов со сновидениями наяву.

– Хочешь посадить меня на какое-то дерьмо?

Генри останавливается у выхода. Замечаю, насколько сосредоточенным он выглядит и понимаю, что речь не о каком-нибудь таразине или метадоне.

– Можешь обратиться напрямую в дурку. Там «дерьмо»

комбинируют с сеансами электрошока. А у тебя в голове почти тостер, который осталось включить в розетку.

«Хоть бы это не оказались препараты, превращающие человека в овощ», думаю. Но не хуже ли находиться в постоянном сомнении и на каждом углу задавать себе вопрос: реален ли мир вокруг? Видимо, за все приходится платить. Всю жизнь любовался искусством? – пришло время расстаться с четким зрением. Хочешь снова хорошо видеть? – попросишься с психикой. Не нравится дереализация? – получай зависимость от колес и почечную недостаточность в придачу. Или еще что-то. Вообще закономерность можно найти в чем угодно, если как следует присмотреться к вещам. Слишком уж большой поток информации вокруг, и выудить подтверждение своим домыслам – как завалить тест на шизофрению, проводя параллели между мухомором, скарабеем и штакетинной заборой. Так что к черту все эти аргументы в пользу неведомых законов вселенной. Мир абсурден, как набор треугольников, оцененный в миллионы долларов. И все на этом.

В кабинете Дакоты Браун царит почти болезненная педантичность. Книжки на полках не просто упорядочены, а словно приобретены по нескольким параметрам сразу: буква алфавита – оттенок – длина – ширина. Дубовый стол натерт до блеска и отражает все изгибы потолка, как поверхность озера. Паркет чист и гладок, как будто в кабинет никогда не ступала нога человека. Все вокруг настолько идеально, что похоже на охраняемую достопримечательность, типа «каби-

нет самого доктора Фрейда», в который можно заглянуть, но ни в коем случае не заходить внутрь и уж тем более – ничего не трогать. Словом – ни одной зацепки, которая позволила бы мне понять, сплю ли я.

Дакота выглядит как пожилая актриса – красотка в прошлом, которую сейчас пригласили для роли докторши только ради звучного имени в титрах. Хотя впервые увидев ее у окна со спины, я поначалу решил, что она старше меня максимум лет на десять – так хороши ее прическа и осанка.

– Вы от Генри? – Дакота садится в огромное кресло, достаёт из шухляды очки.

– Он вам обо мне говорил?

– Нет, просто догадалась, – на ее лице появляется нечто похожее на улыбку, – по тому, с какой ноги вы ступили в кабинет.

– Я в последнее время не могу отличить сон от реальности, – без приглашения сажусь на стул, все еще не поймав глазами ни одной шероховатости, – Генри сказал, что вы сможете помочь.

– Как вы думаете, сейчас вы в реальности или во сне? – Она приподнимает рукав блузки и смотрит на часы, как будто дает мне время подумать. На синем циферблате поблескивают «жневские волны», и это уже кое-что, потому что всматриваться в морщины на ее лице не хочется.

– Думаю, сейчас я в кабинете психиатра.

Дакота снимает очки, словно это жест того, что она меня

изучила и готова вынести вердикт.

– Вам нужно лечь на стационар и пройти курс лечения, а не закидываться колесами.

Я начинаю недоумевать, на кой черт Генри вообще направил меня к ней. Так мог сказать любой психиатр, и мне не пришлось бы ехать через весь город в «Персомниум Клиникс».

– В чем разница, если я буду принимать те же лекарства, только на дому?

– В том, что в стенах больницы вы будете постоянно под присмотром, и не убьете кого-нибудь на улице просто потому, что этот кто-то решил испортить ваш сон.

Нет, Генри не мог подсунуть мне кого попало. Тем более, он уже созвонился с ней и объяснил всю ситуацию, в которой и сам играет не последнюю роль. И долго она собирается изображать честного доктора?

– Я не убийца и не какой-нибудь псих.

– Вот как? – Дакота рисует на лице фальшивое удивление. – В таком случае докажите, что это не сон. И если у вас получится, тогда и препараты мои вам не нужны.

Я окидываю взглядом помещение, чувствуя, что она смотрит на меня, как на обычного пациента.

– Все не так просто. Мои сны ничем не отличаются от реальности. Детали никуда не пропадают и остаются на месте до последней буквы в книге. А все дело в гипермнезии.

Она встает с кресла, медленно подходит к полке и берет

книгу. Скорее всего, наоборот.

– Вы читали «Пробуждение» Эндрю Ричардсона?

– Нет.

Садится обратно в кресло, открывает на случайной странице и кладет передо мной:

– Прочтите любой абзац и запомните его.

– Я уже это делал.

– Вы делали это дома и с теми книгами, которые читали раньше. Я же предлагаю вам нечто новое.

Читаю, передаю книгу ей, мельком глядя на показавшиеся из-под рукава «женевские волны». Она надевает очки, смотрит на тот же абзац, и я с точностью повторяю его.

– А следующий?

– До следующего я не дошел.

– И никаких идей?

Смотрю на потолок и понимаю: эта игра начинает мне действовать на нервы.

– Он начинается со слова «Если», насколько я успел заметить.

– Если это сон, и вы только что придумали один абзац из книги, почему точно так же не можете придумать следующий?

– Потому что это убедило бы меня, что я во сне.

Она захлопывает книгу, снимает очки.

– Вы ищете опровержение сна, а не подтверждение реальности.

Удивленно смотрю на нее, и как-то само собой вспоминается, что говорят о психиатрах – постоянно работая с полумными, они и сами становятся не от мира сего.

– Есть разница? – Спрашиваю и чувствую, что мы махнулись ролями. Но докторский взгляд Дакоты мне не переплюнуть.

Она встает с кресла и снова подходит к окну.

– Опровергнув один сон, вы попадаете в другой, чтобы точно так же опровергнуть и его.

Меня забавляет, насколько серьезно она рассуждает на тему моего бреда. От этого чувствую себя еще более умалишенным.

– Хотите сказать, мне нравится это состояние?

Ее голос становится сухой и сиплый, словно она резко постарела на сотню лет:

– Хочу сказать, что это сейчас не сон...

Дакота поворачивается, и меня бросает в ужас от того, что предстает моему взгляду: из ее пустых глазниц выпадают опарыши, а покрытая трещинами серая кожа осыпается песком, обнажая кости скул и гнилые зубы. Появляется запах подвальной сырости, и я замечаю, как поедаемые короедами стены начинают быстро превращаться в труху. Пол становится вязкой болотной жижей, в которой я оказываюсь погрязшим по колени. И мне ничего не остается, кроме как проваливаться дальше вниз, осознавая до жути простую истину: бежать невозможно.

III

Я просыпаюсь в холодном поту. Не сразу приходит понимание, что нахожусь в собственном кабинете, и что за окном поздняя ночь. Электрический свет дрожит, как будто в лампы забились мотыльки, а на экране монитора мерцает зависший сиреневый череп с цветами. И мне уже плевать, как он называется. Единственное, что меня теперь волнует – с какого момента начинается точка отсчета этого безумия.

Возвращаюсь домой и обнаруживаю на книжных полках «Пробуждение», к которому в жизни не притрагивался, но сюжет которого мог пересказать, и даже повторить наизусть любой абзац. Просто как данность. Захожу в спальню: хаос не упорядочен, и в этом заключается главная подлость сновидческой реальности. Ни одна вещь не выдает какой-либо закономерности, которая позволила бы мне поставить точку в вопросе, сплю ли я.

Иду в ванную, смотрю в зеркало. Вы когда-нибудь смотрели на себя в зеркало во сне? Так вот, при гипермнезии никаких пластилиновых метаморфоз не происходит, можно пялиться хоть до следующего пробуждения. Паутина трещин только добавляет правдоподобности. Неужели я настолько глуп, чтобы хоть на минуту предположить, что удар кулаком

разобьет всю иллюзию реальности? С руки начинает течь кровь, как еще один художественный штрих к самой искусной подделке в моей жизни. Забавная штука: еще месяц назад я мог установить подлинность любой картины, но теперь не в силах отличить даже реальность от сна.

Следующая идея, которая приходит в голову, кажется еще более нелепой, чем все мои проверки вместе взятые. От этого появляется уверенность, что должно сработать, и я тут же приступаю к делу: включаю ультрафиолетовую лампу и начинаю искать вокруг себя следы подделки. Прямо как на картине, с тем лишь отличием, что и сам являюсь ее персонажем. Стены, столешница, полка с книгами, жалюзи, постель – в синем свете все смотрится сотканным из одного материала. Не вижу в этом ничего странного, потому что свежих слоев краски нет. Но разве это о чем-то говорит?

Включаю свет, вглядываюсь в стену. Каждая шероховатость выглядит как мазок на холсте, и я не уверен, что так было всегда. «Никогда не поздно увидеть что-то новое в привычных вещах», думаю. Постепенно приходит понимание, насколько все это глупо, и когда в руках оказывается увеличительное стекло, замираю как оглушенный от собственного безумия. Что я рассчитываю разглядеть? черновой набросок моей жизни, или подпись мошенника?

Нужно взять себя в руки и хорошенько подумать. На глаза попадает корешок бордовой книги с полустертыми оранжевыми буквами «История живописи». И тут я понимаю, в

чем моя ошибка: все это время я пытался распознать, во сне ли нахожусь, всматриваясь в детали вещей. Я подходил к попыткам разоблачить фальшивую реальность так же, как делал это в лаборатории с картинами. Но ведь есть и другие методы, такие как... углубление в историю полотна. Вот на чем необходимо было сосредоточиться с самого начала, и что нужно сделать сейчас.

Приступим.

Мэри бросила меня, и это правда, потому что воспоминание об ее уходе перетекает из одного сна в другой. С разлагающейся докторшей я точно не виделся, следовательно, и с Генри в стимпанковском баре тоже. Дальше, превращение «Череп» в «Закат» не может быть частью моих гиперреальных снов, в которых остаются неизменными даже царапины на столах, не говоря уже об остальных деталях. Значит, Серая Ворона в самом деле морочит мне голову, осуществляя какую-то махинацию, в которую я не посвящен. При первой встрече она была с картиной «Череп», и сейчас на мониторе я видел именно ее. А сомнения начались с того момента, как я наткнулся на это полотно в поместье Дракулы. Нужно ехать туда прямо сейчас, чтобы убедиться, не померещился ли мне череп, и понять, в реальности ли я.

Сажусь в машину, завожу двигатель, магнитола включается сама по себе. «Как в фильмах про призраков», думаю, и становится не по себе от такой странной мысли, особенно на фоне гитарного соло Робби Кригера. У Дорз атмосфера, буд-

то находишься в замке с привидениями при тусклом мерцании свечей. Но шелест помех смазывает всю картину и только действует на нервы. Тем более, в голове сейчас черт знает что, а любой лишний шум как лезвием по стеклу. Выключаю радио и поднимаю стекла. Так-то лучше.

Заворачиваю за железнодорожный переезд и вливаюсь в ночную артерию города, кишащую янтарными огнями. Вспоминаю, как выглядит дворцовый лабиринт изнутри, продумывая детали своего безумного плана. Допустим, через полчаса я прибуду на место, а как проникну в дом? Заберусь по коряге на балкон, сразу на второй этаж. Или самым варварским способом выбью камнем окно. Может даже фасадное. Не все ли равно? Это же гребаный сон с вероятнос...

Визг тормозов, вспышка света, удар – и машина покати-лась кубарем вдоль обочины, разлетаясь на металлические лохмотья. Я успел осознать это в одно мгновение. В следующее наступила сплошная тьма.

Пахнет лекарствами. Не знаю, какими именно и действительно ли лекарствами, но этот больничный запах ни с чем не спутать. Сквозь сон просачивается пульс аппарата, считывающего сердцебиение. В голове поселяется странная мысль, что это он контролирует мое сердце, диктуя ритм, а не наоборот. Открываю глаза, и как только взгляду предстают очертания палаты, автоматически начинаю искать зацепки: стены и потолок идеальны, как чистый лист, что уже подозритель-

но. На мониторе подпрыгивают зеленые зигзаги, полка забита упаковками с препаратами, а в окно заглядывают квадратные соты противоположного крыла. Понимаю, что гипермнезия никуда не делась, когда в уме начинают всплывать десятиэтажные названия с упаковок, в которые я даже не вчитывался. Но как насчет того, реальность ли вокруг?

– Не лучшая новость, когда выходишь из комы, но считаю, ты должен знать, – у дверей появляется Генри с газетой в руках. Весь его вид говорит о том, что он мой лечащий врач, хоть это и не так, – твою Ворону поймали на границе с ложным выводом.

Откуда он знает прозвище мошенницы, о которой я никому не рассказывал? Такое возможно только во сне, так что вывод напрашивается сам. Но стоит мне развернуть черно-серый сверток, как моя уверенность рассеивается – «Грэйс Кроу и Белокурая Смерть, или как одним камнем убить двух птиц». Кроу это ее фамилия. Создается впечатление, что заглавие придумывал сам Генри, в перерывах между эфиром и мескалином.

– «Череп» или «Закат»? – Спрашиваю, лихорадочно листая газету в поисках фотографии.

– Ты о чем? – Он смотрит на меня, как будто я тронулся умом. Или вернее, как будто узнал об этом.

– С какой картиной ее поймали?

– «Смерть Дакоты». Кажется, так называется. – Говорит, и я замираю на последней странице, видя то, что в глуби-

не души рассчитывал увидеть: меж колонок мелкого шрифта красуется черно-серый «кабинет доктора Фрейда», посреди которого стоит скелет с пышными белокурыми волосами. В памяти всплывает оригинал в полном буйстве красок, куда мне не так давно посчастливилось погрузиться с головой.

– Черт бы меня побрал. – Бросаю газету на столик, осознавая горькую истину насчет своей карьеры – лицензии я лишился. Но гораздо больше донимает то, насколько далеко зашла моя шизофрения. – Давно я в коме?

– Почти месяц. – Отвечает и смотрит на часы, будто засекал секундомер с того самого момента, как я провалился в небытие. Замечаю, как на сером циферблате блеснули «парижские гвозди», но не верю больше ни в какие зацепки – только контекст может дать ответ, сплю ли я. И в данный момент контекст так себе, что говорит в пользу реальности.

– Я говорил, что у меня проблемы с психикой? – По реакции Генри понимаю, что мой вопрос сбил его с толку, и ответ становится очевиден.

– Да. – Он заглядывает в коридор, словно хочет убедиться, что нас никто не слышит. – Кстати, ты ходил к психотерапевту, про которого я тебе говорил?

– Дакота Браун?

На лицо Генри наползает удивление.

– О, похоже, все действительно плохо. – Он садится на стул и наливает стакан воды, чтобы запить таблетку от мигрени. – Я давал тебе номер Криса Хантера.

– И ты думаешь, психотерапевт мне поможет?

– Психотерапевт – нет. А вот Крис вполне.

Я беру со столика телефон и начинаю листать список контактов. «Крис Хантер» среди последних вызовов мелькает чаще, чем «Серая Ворона», и меня это уже не удивляет. А еще... есть пропущенные от Мэри.

– Ты не знаешь, Мэри не появлялась?

Генри озадаченно смотрит на меня, будто я спрашиваю самоочевидные вещи. Похоже, он до сих пор не в курсе, что мы с ней расстались. В следующий момент признаюсь:

– Мы сильно повздорили.

– Скажем так, я с ней не пересекался.

Вот она, обыденная реальность: у меня нет ни жены, которую я потерял из-за работы, ни работы, из-за которой я потерял жену. «Белое на белом». Холст, масло. Наконец-то можно начать жизнь с чистого листа, в полной уверенности, что это не сон.

Хорошее тоже есть: за всю неделю с тех пор, как я очнулся, не произошло ни одного ложного пробуждения. Похоже, авария пошла на пользу, если конечно это действительно была авария. Возвращаюсь домой и начинаю планировать, чем буду заниматься дальше. Но сперва решаю навеститься к психотерапевту, несмотря на то, что чувствую себя целиком выздоровевшим.

Кабинет Криса Хантера оказывается полной противоположностью того, что изображено на картине «Смерть Дакоты».

ты»: обшарпанный пол похож на карту мира с черными материками облезлой краски, стол исцарапан и завален бумагами, а кожаное кресло покрыто кракелюрами, как пустыня в засуху. Посреди выцветшей серой стены красуется бежевый прямоугольник, как если бы когда-то в том месте висела картина. Крис в дорогом костюме и идеально уложенными волосами выглядит так, словно агент секретной службы готовился к миссии на Каннском кинофестивале, но забрел не туда.

– Не думал, что вы так быстро вернетесь. – Он вскакивает с кресла и протягивает руку. Я жму ее и сажусь на стул, слыша, как за окном гремит гром. – Что скажете, красные пилюли помогли?

– Я не помню ни одной встречи с вами. – Отвечаю и вижу, как он заинтригованно кивает, словно у него наконец-то появился интересный для изучения пациент. – Что за препарат вы мне давали?

– Релизергин. – Он достает сигару с ароматом вишни, и я понимаю, что за запах стоял все это время в кабинете. – Вы не против, если я закурю?

– Нет. – Взгляд невольно цепляется за царапины на столе. Благо есть за что зацепиться, думаю. Хотя от этих проверок все равно толку нет. – Так что это за пилюли?

– Нейролептики. – Вспышка молнии словно появляется от того, что он струшивает пепел. – А вы перестали видеть сны наяву?

– Я как раз пытаюсь это понять.

– Значит, уже не все так гладко. – Он встает и подходит к полке с книгами, берет одну, и мне почему-то кажется, что я знаю, какую именно. – Вы читали «Нереальность» Дика Эмильсона?

Нет, не то. Но Дик Эмильсон – писатель? что за чушь?

– Я думал, это художник.

– Это психиатр. – Крис кладет книгу передо мной, на обложке красуется сиреневый череп с цветами. – Он долгое время изучал дереализацию, и в своей книге описывает клинический случай вроде вашего.

Кажется, я вижу ее впервые, но судя по всему это не так.

– И что же он говорит?

Я открываю книгу и пытаюсь найти, кто отвечал за художественное оформление обложки – не Пьер ли Шарло? Крис облакачивается о подоконник, делает затяжку:

– После комы пациент целиком выздоровел.

III

Какие бы странные вещи из реальности не вплетались в мои сны – от черепа с обложки до целого сюжета картины «Смерть Дакоты» – сейчас я точно не сплю. Все стало логичным и последовательным с того самого момента, как я оч-

нулся в больнице после аварии. Дерезализация перестала будоражить мой ум, хотя привычка делать проверки на реальность еще осталась. Одну из таких проверок я провел сразу после звонка Мэри, всматриваясь в потертости корешков книг и думая, что пора отделаться от этой дурацкой навязчивой идеи.

Она позвонила с утра и, казалось, была искренней. Не могу сказать, что я по одному только голосу в трубке сумел бы различить притворство и настоящие чувства, но что-то в этом было: едва не сквозь плач она убеждала встретиться, а сегодня как раз день нашей годовщины. И уж конечно в глубине души я желал этого. Мы договорились пересечься вечером в нашем любимом кафе под названием «Эмпти Фридж», как в старые добрые времена. А там недалеко и до того, чтобы вернуть все на круги своя.

Почти сразу после Мэри мне позвонил Генри и предложил работу. Не знаю, насколько разумно с его стороны обращаться к психопату вроде меня, но его не смутило даже отсутствие медицинского образования в списке моих достижений. Все необходимые знания можно наверстать непосредственно на рабочем месте, а вопрос с документами лишь вопрос денег – таковы были его слова. Во время нашего разговора я впервые подавил в себе желание искать признаки того, что нахожусь во сне. Иду на поправку.

Вечером кафе переполнено, чего и следовало ожидать. Вешаю у входа пальто и сажусь за столик, почти в центре

ярко освещенного зала. Сквозь звон тарелок и шум голосов слышу мотивы «Мунлайт Драйв». Закрываю глаза и переносюсь из разноцветного помещения в мрачный замок, покрытый паутиной и обставленный тусклыми свечами. Если и существует на свете магия, то в песнях Дорз заключена сильнейшая магия Вуду.

– Привет, – открываю глаза и вижу напротив себя Мэри, с буклетом меню в руках.

И она безупречна.

Раньше я не замечал этого. Раньше все было по-другому. Глядя на нее я видел лишь фальшивый абстрактный образ в своей голове. Я не видел крохотного шрама на пальце, который она пытается спрятать под кольцом. Не видел ребристости ногтей. Не видел тонких капилляров в уголках ее глаз, мельчайших морщинок, крохотных штришков косметики. Теперь я смотрю на нее как на картину художника-гиперреалиста, скрупулезно отразившего все детали, чтобы подчеркнуть несовершенство реального мира. И в этом несовершенстве она безупречна. Как и все вокруг – во всей своей сложности и завершенности... Как если бы это был не сон.

Рука сама хватается вилку, и в следующее мгновение она уже торчит из шеи моей жены, выпуская алые струи крови. Или лучше сказать – охристой краски, которая штрихами абстракциониста заливает белую скатерть, кресло, шахматную плитку под ногами... Мэри с хрипом хватается за шею

и падает на пол. Зал с ужасом замирает, после чего раздаются женские крики и растерянные голоса. Я откидываюсь на спинку кресла и понимаю, что наконец-то в этой затянувшейся фальшивке реальности сделал хоть что-то настоящее. Теперь осталось лишь ждать пробуждения и надеяться, что оно будет не ложным.

Разумеется, я сразу распознал подделку. Но не по штрихам, кракелюрам или слоям краски, а по контексту: так не бывает, чтобы в один день вернулась жена и тут же появилась новая работа. И уж конечно реальность слишком тривиальна и предсказуема, чтобы я смог посреди кафешки убить Мэри. Вот он, последний аргумент в пользу того, что я сейчас сплю.

Безумие крепчает, и спустя полминуты я уже сижу под дулом пистолета. Кажется, этот тип с зализанными волосами кричит что-то вроде: «Только тронься с места! Ты у меня под прицелом, гнида!», но это не точно. В любом случае, мне все равно. Мое пробуждение произойдет раньше, чем он успеет нажать на свой искусственный спусковой крючок. И пусть хоть задохнется потом от ненависти к себе, когда сюжет поменяется и меня не станет.

Впрочем, почему бы мне не приблизить переход в реальность? Стиляга сам в жизни не сделает этого, полиция тоже, пока я безоружен. Нужно брать инициативу в свои руки. Одно ловкое движение, и пистолет уже у меня. Все, кто на расстоянии шага, ахают и пятятся назад. Но я не собираюсь шмалить по сторонам в десятки собственных ипостасей. За-

чем поедать пешек, если есть король?

Мэри давно заждалась в другом сне. Надеюсь, там сюжет получше. Я иду.

Свидание со Смертью

Смерть должна быть непременно женского рода, по причине всеобъемлющей своей жестокости или – если угодно – непреходящей символики лона, земли, как дополнение и развитие, с иной стороны, принципа жизни, плодородия, материнской почвы и так далее.

Патрик Зюскинд. «Контрабас»

– Похоже, мои часы спешат. – Пока Марк рассматривал интерьер мексиканского ресторана, сочетавший в себе мрачную загробную атмосферу храма ацтеков с забавными деревянными кактусами в сомбреро, незнакомка в красном повесила на спинку стула пальто и бесцеремонно бросила на стол сумочку. – Не подскажите, который час, Марк?

Читая лекции по психологии в Морриганском университете, кроме манеры всегда носить дорогие классические костюмы и делать интеллигентный вид всезнающего профессора (причем даже в обыденной жизни), ассистент кафедры Марк подчеркнул для себя одно важное правило – нужно быть готовым ко всему. Но появление этой дамы настолько удивило его, что с полминуты он был способен лишь недоуменно разглядывать ее внешний облик, навеянный филь-

мами нуар.

– Этот столик занят, – наконец произнес Марк, – я жду жену.

– О, lo siento¹, я не представилась, – незнакомка приподнялась и протянула молодому человеку руку, – я Смерть.

В этот миг парень решил, что перед ним либо какая-нибудь остроумная сыщица, которой известна вся его подноготная и которая пришла по его душу, либо сбежавшая из психбольницы сумасшедшая, которая, тем не менее, знает его по имени. Марк стал прокручивать в голове моменты, где и когда мог ее видеть, кроме поствоенных черно-белых кинолент. Решив, что перед ним все-таки душевнобольная, Марк язвительно произнес:

– Ну, наконец-то, – он встал с места и обеими руками взял девушку за руку, – я уже заждался. Рад встрече, сеньорита. А теперь – вы не могли бы подыскать себе другую жертву на вечер? А то мне охота еще немного пожить.

– Непременно. – Девушка выхватила руку и опустилась на стул. – Как только закончу с вами. – Она достала из сумочки сигарету. – Дадите даме прикурить? Или ваша зажигалка работает так же, как и ваши часы?

Марк не курил, но зажигалка при нем имелась – это была раритетная модель «Zippo» его коллеги, забытая вместе с пачкой «Грин Кастл» на корпоративе в кафе. Марк прихватил ее, чтобы при случае вернуть. Но как незнакомка могла

---

¹ «Прошу прощения» (пер. с исп.)

об этом знать? Слова дамы заставили парня посмотреть на часы – стрелки застыли, причем показывали время на полчаса вперед.

– Вот и на моих четверть десятого. – Девушка пожала плечами и поднесла к пунцовым устам сигарету. – Так вы дадите мне огня?

Ошеломленный, Марк все же достал с кармана зажигалку и поднес к сигарете девушки тусклый огонек.

– Что ж, должен признать, вы удивили меня своим фокусом. – Сказал он, щелкнув крышкой зажигалки и пытаюсь вернуть самообладание. – А теперь я попрошу вас немедленно освободить это место.

– А вы с женой договорились на девять?

– Послушайте, Диана придет с минуты на минуту, и я не хочу, чтобы...

– Добрый вечер. – Джентльмен в черной жилетке положил на стол два пестрых буклета. – Прошу – наше меню.

– Нет, вы не поняли. – Возмутился Марк. – Эта дама не со мной и уже уходит, а я...

– Сеньор, не подскажите, который час? – Прервала объяснения Марка девушка.

Официант посмотрел на часы:

– Без четверти девять.

– Gracias². – Незнакомка улыбнулась. – Она не скоро еще, Марк. Может, пока закажете себе что-нибудь?

---

² «Спасибо» (пер. с исп.)

– Кажется, я попросил вас обратиться, разве не так? – Взвелся парень, выходя из себя.

Незнакомка пододвинула к себе пепельницу и, будто обидевшись, резко потушила сигарету, после чего Марк ощутил острую боль и схватился за сердце. В ресторане тут же повисла тишина. Кто-то из посетителей ахнул. Девушка изобразила испуг, вскочила с места и подбежала к парню:

– Что такое? – Ее взгляд перевелся на растерявшегося официанта. – Принесите воды!

Официант замешкался:

– Может, «скорую»?

– Просто воды. – Незнакомка сделала вид, что она медработница – ослабила парню галстук и расстегнула верхние пуговицы рубашки. – Ему сейчас полегчает.

Джентльмен в жилетке быстро направился на кухню, и как только он скрылся за дверью, парню и правда полегчало. Зал снова наполнился голосами и звоном тарелок. Спустя полминуты официант принес воду. Девушка взяла стакан и дала его Марку, причем вода в нем резко обрела темный цвет, словно превратилась в вино.

– Вот, выпейте. – Дама села на место, и черт знает откуда у нее в руке появился бокал вина. Между тем Марк и не заметил, как вместо стакана и сам держал точно такой бокал, а на столе стояла начатая бутылка полусухого «Casa Manego». – Вы ведь не думаете, что я хочу вас отравить?

Именно так парень и думал, ставя бокал на стол. Однако

после слов девушки эта мысль стала казаться ему наименее логичной. Вообще какое-либо привычное понимание логики вещей рушилось, и Марк начал полагать, что сходит с ума.

– Бросьте, – сказала дама, – хорошее вино.

Марк глянул на бокал и подумал, что стоит ему сделать глоток, и собеседница растворится в воздухе, как марево. А если и нет – он просто объяснит все жене как есть, и этой душевнобольной даме в красном останется если не уйти, то уехать отсюда прочь в белой карете с алым крестом. Он взял бокал и поспешно его осушил, глядя, как девушка едва коснувшись устами вина, поставила бокал на стол.

– Не чокаясь пьют лишь за упокой усопшего... – Обиженным тоном произнесла незнакомка.

– Значит, можете считать, что мы выпили за мой упокой! – Ответил парень. – Мне ведь скоро на тот свет, раз уж вы здесь. Кстати, не скажете, куда меня определяют?

– Вы ведь были атеистом.

– И все же?

– Ну, хотите в Миктлан, в лучших ацтекских традициях?

Марк откинулся на спинку стула.

– Это все какой-то бред. Если вы и правда та сущность, которой себя возомнили, к чему эти игры с перевоплощениями? Зачем вот так брать и мерещиться мне посреди ресторана в этом... непонятном киношном образе из... хичкоковских лент столетней давности? Зачем тянуть время? Чего вы ждете?

– Я ведь уже говорила вам, – утомленным тоном произнесла дама, – у меня спешат часы.

– Остроумно! – Фыркнул Марк. – Смерть, которая следует графику, но не удосуживается сверить время.

– Знаете, как трудно каждый раз менять часовые пояса? – Она посмотрела в окно и неправдоподобно вздохнула. – Я просто устала и хочу немного посидеть в ресторане.

– Может, вам стоит взять отпуск? – С ухмылкой спросил парень.

Она достала косметичку, открыла зеркальце и начала поправлять прическу.

– Боюсь, без меня все развалится.

Марк снова в замешательстве откинулся на спинку стула.

– Все-таки это какая-то чушь. – Выпалил он. – Истинная смерть не стала бы церемониться.

– Советую вам устроить пышную трапезу напоследок. – Она захлопнула зеркальце и лукаво глянула на парня. – Расплачиваться не придется.

У столика снова появился официант:

– У вас все хорошо?

– Можно мне мескаль. – Раздраженно попросил Марк, испытывая желание выпить каплю чего-нибудь крепкого, чтобы прийти наконец в себя.

Официант утвердительно кивнул и обратился к девушке:

– А вам что-нибудь еще принести?

– Мне, пожалуйста... – Далее девушка, как в голливуд-

ском клише, перешла на чистый испанский язык. Вернее, на его латиноамериканский вариант. Джентльмен в черном записал в блокнот отдельные слова, после чего неумело произнес «bien³» и удалился.

За окнами вспыхнула молния – началась гроза. Ливень струнами бился в широкие окна, стекал по водосточным трубам и смешивался с пылью тротуаров. Ещё вспышка – и разорванное молнией небо вновь срослось. Дрогнули мокрые стёкла.

– И что вы заказали? – Спросил парень.

– Он не знает испанского. – Ответила дама. – Я описала официанту картину его смерти, а он увидел в ней названия блюд.

Марк задумался и по привычке глянул на часы, стрелки которых, в свою очередь, никуда не сдвинулись. Затем достал телефон и включил дисплей: «20:51».

– Вы должно быть забыли, – хмуро произнес он, – я жду супругу.

– Наберитесь терпения. – Спокойно сказала собеседница. – Анна еще только на полпути.

– Ее зовут Диана. – Нервно поправил незнакомку Марк.

Официант поставил возле молодого человека рюмку мескаля и, сообщив даме, что ее заказ будет готов через пять минут, ушел.

– У меня есть немного мескалина, – девушка открыла

---

³ «Хорошо» (пер. с исп.)

кольцо, отцепив от него маленький рубин в форме капли, – можно подсластить напиток. Хотите?

– Нет, спасибо. – Парень заслонил рюмку рукой. – Меня не покидает чувство, что вы уже подсластили вино.

– Кстати о мескаLINE – вы должны меня помнить. – Сказала девушка, прикрепляя рубин обратно.

И Марк помнил ее. Вернее, Марк знал, что она имела в виду. Три года назад, на первых порах своей преподавательской деятельности ему захотелось воочию увидеть места, историческому изучению которых он посвящал диссертацию. В один из зимних отпусков он отправился в штат Чьяпас, чтобы посетить остатки архитектуры майя неподалеку от руин города Паленке. И последний день поездки превратился для него в настоящий психоделический ад. Посещая местные заведения, он имел неосторожность попробовать какой-то напиток с древним названием, содержащий сок пейота. Марк считал его легким слабоалкогольным пуншем и выпил несколько рюмок. В обрывках воспоминаний того вечера у него перед глазами всплывало только бесконечное нагромождение залитых кровью пирамид, мостовые из черепов и толпа восставших из мертвых туземцев, которые пытаются затащить его в распахнутую пасть бездны. Позже в больнице парню поведали, что несколько местных жителей едва удержали его от прыжка с утеса.

Но что-то еще, связанное с тем злосчастным путешествием, копошилось в его голове. Что-то ужасное. Что-то, что

мозг наотрез отказывался вытаскивать из глубин памяти...

– Сегодня вас снова могут спасти. – Девушка налила себе еще вина. – И если так, то могу сказать одно – в этот вечер вашим ангелом-хранителем будет точно не Диана.

– При чем здесь Диана? – Возмутился Марк. – И с чего вы взяли, что это не может быть она? – Парень подумал, что случись с ним в самом деле сегодня в этом ресторане беда, никто не смог бы оказать ему первую помощь лучше, чем это сделала бы его жена, которая вот-вот должна была появиться и для которой носить белый халат, казалось, было настоящим призванием.

– Сейчас она сама вам все скажет. – Ответила незнакомка.

После этих слов по ресторану поплыли ноты одной из ранних песен The Doors, и Марк опрометью погрузил руку в карман, доставая мобильный. Спустя мгновение в его руке блеснул серебристый корпус, мелодия стала ярче:

– Марк, извини, что задерживаюсь, – донесся слегка электронный женский голос, – я попала в аварию на Мид-найт-стрит.

– Ты как? Все в порядке?

– Да, но... придется менять зеркало, – сказала Диана.

– Черт с ним. С тобой все в порядке? – Встревоженно повторил Марк.

– Не волнуйся, все хорошо. Я лишь слегка зацепила машину. – С некоторой дрожью в голосе ответила она. – С водителем туры я уже договорилась, так что скоро буду.

– Ты хотела сказать с водителем фуры?

– Что? – Диана удивилась собственной странной оговорке. – Нет. Просто у него изображение ладьи на запасном колесе и...

Связь оборвалась – телефон Марка сел.

Ему захотелось поскорее увидеть Диану. Он хотел перехватить ее у входа и немедленно уйти в «Мун Лайтхаус», или в «Эмпти Фридж» – куда угодно, только бы избавиться от бредового видения, которое настигло его в стенах мексиканского ресторана. Парню казалось, что его галлюцинация привязана именно к этому месту, напоминавшему ему о поездке в окраины Паленке и о том, что ему довелось там пережить. Он подумал, что стоит сменить обстановку – и она исчезнет. Без сомнения – незнакомка лишь порождение его подсознания. И сейчас она сделает глоток вина и скажет что-то вроде...

– Миднайт-стрит в тридцати минутах езды отсюда.

– Тем не менее, вы говорили, что меня могут спасти. – Сказал он.

– Видите мужчину за крайним столиком возле окна? – Незнакомка указала на рослого человека средних лет в сером пиджаке и с густой щетиной. – Это доктор Блэк. Весьма одаренный хирург. – Молвила девушка и, вздохнув, как бы сочувственно прибавила. – Бедняге грозит несчастный случай.

– А как же обычная «скорая помощь»? – Спросил парень.

– Их остановит фура на дэ-три. – Собеседница посмотрела на перечницу, затем ее взгляд перевелся на даму в синем платье, сидевшую за столиком у входа.

– А там – юридическая консультантка Грейс. – Продолжила незнакомка. – Она хоть и не врач, но у нее есть то, что может вам помочь. Иными словами, Грейс сейчас похожа на пешку – в одиночку против короля слаба, но, к примеру, в паре с офицером может стать решающей фигурой. Любите шахматы?

– А офицер – это официант? – С улыбкой спросил Марк.

– Нет, офицер сидит за столиком в другом конце, – незнакомка посмотрела на пожилого мужчину, протирающего очки, – в белом костюме.

– Никогда не понимал эту игру. – Сказал парень, сделав глоток мескаля.

– Уверяю вас, она проще, чем шахматы.

Джентльмен в черном принес тарелку крупно нарезанной морсильи, стейк с кровью и какой-то бардовый соус с зеленью, после чего, пожелав приятного аппетита на привычном английском языке, ушел.

– Какая же смерть его ждет? – Удивленно спросил Марк, глядя на заказ.

– Голодная. – Улыбнулась девушка и подвинула тарелку со стейком парню. – Угощайтесь, я не люблю кровь.

Парень опрокинул до дна рюмку мескаля и произнес:

– А что, если я просто уйду отсюда?

За окнами вспыхнула молния.

– Вот так внезапно? – Удивилась дама. – Как доктор Блэк?

Марк оглянулся в сторону крайнего столика – человек в сером накидывал пальто.

– Нет... – Он поднялся с места и поспешно направился к доктору.

Девушка достала из сумочки сигарету, взяла оставленную Марком на столе зажигалку и стала рассматривать нацарапанный на ее корпусе пацифик, который напоминал Эйфелеву башню. Ей вспомнились слова «увидеть Неаполь и умереть».

– Прошу прощения, вы доктор Блэк? – Заговорил с врачом Марк, на что тот вопросительно глянул на парня и сказал что-то на языке, показавшемся молодому человеку немецким.

– Вы понимаете по-английски? – Осведомился Марк, и доктор, мотая головой, произнес еще что-то, но парню хватило отрицательного жеста.

– Черт! – Выругался он.

Незнакомка, сделав очередную затяжку и струсив пепел в пепельницу, как бы устало посмотрела на вернувшегося парня и молвила:

– Забыла сказать – он швед.

Не садясь за стол, Марк схватил со спинки стула пальто и нервно сказал:

– Что ж, аста луэго⁴! Приятно было поболтать.

Накидывая пальто на ходу, он достал с кармана телефон, чтобы позвонить Диане, но тотчас вспомнил, что аккумулятор его сел.

– Не забудьте отыскать вора. – Молвила вслед удаляющемуся парню незнакомка.

Слова эти заставили Марка остановиться. Он обернулся:

– Какого еще вора?

– Который только-что украл с вестибюля вещи сеньориты Грейс. Среди них был ваш спасательный круг.

Марк тут же выбежал на улицу и стал лихорадочно осматриваться по сторонам. Ливень усилился. Ураганный ветер срывал с деревьев листья и отламывал гнилые ветки, швыряя их в лужи с обрывками газет, пестрыми упаковками, целлофановыми пакетами и прочим мусором. Потоками сновали толпы прохожих. Со всех сторон доносились автомобильные гудки, сирены, визг, грохот и черт знает что еще. Минутная стрелка висевшего на столбе бледного циферблата медленно коснулась отметки «II». Какой-то подозрительный тип, размахивая руками, поймал такси. Марк успел заметить, что при нем не было ни сумки, ни пакета, ни чего-либо еще, что могло бы быть добычей из вестибюля. Другой тип, с узнаваемой эмблемой конного спортклуба «Вестерн» на кожаной куртке и сумкой через плечо, тревожно озираясь, завернул за угол. Еще один, держа синий плащ в руках, зачем-то рез-

---

⁴ «Hasta luego» – «Увидимся позже» (пер. с исп.)

ко сменил направление. Парень не знал, кого ловит. Он не знал, что ищет. В этот момент он напоминал себе какого-то психопата в приступе сыщика.

И тут, остановившись и собравшись с мыслями, Марк вдруг понял, что ему нужно попросту связаться с Дианой. Узнать, по какой из улиц она добирается от «Миднайт-стрит», взять такси и ехать ей навстречу.

Одалживать сотовый у кого-либо из прохожих казалось бессмысленным. Он тотчас побежал к ближайшей телефонной будке. «Ноль, семь, три... Нет! Ноль, три, семь... шесть... один... черт!» – Марк не понимал, что значат короткие гудки – ошибся ли он в номере, или телефон Дианы был отключен?

Наконец парень швырнул трубку в стекло, за которым находилась какая-то выцветшая цирковая афиша со ставшим на дыбы слонем, и по полу с шелестом рассыпались осколки. В голове у него промелькнула идея взять такси и, рассчитывая на везение, ехать по любой из улиц до «Миднайт-стрит». Затем он подумал о том, чтобы найти аптеку. Но что ему грозит? И что за препарат ему нужен?

– Эй, вы там долго еще? – В будку постучали.

Когда Марк вернулся в ресторан, незнакомка была уже в черном и сидела за шахматной доской. С вестибюля начали доноситься крики – консультантка скандалила с гардеробщиком, говоря что-то о лекарствах.

Марк сел за стол и озадаченно посмотрел на незнакомку,

пытаясь увидеть в ее облике нечто потустороннее, загробное, такое, что раскрыло бы всю ее сущность во всем пугающем естестве. Но вместо этого лишь поймал себя на мысли, что теряет остатки рассудка, поскольку ничего такого в ее облике не было и быть не могло. Ведь это в сказочном фольклоре хтоническую сущность выдает змеиная кожа, кошачьи глаза или черные перья в волосах. Его же смерть не была похожа на смерть из каких-либо сказаний, древних мифов или верований. Она не напоминала образы из религиозных культов, не имела при себе божественных и прочих атрибутов, будь то коса, коптский крест или юбка из гремучих змей. Она скорее походила на Лору Хант или Китти Коллинс, которая сошла с экрана и обрела все краски видимого спектра. И эта ее подчеркнутая, дорисованная, припудренная и приукрашенная правдоподобность пугала Марка больше всего. Вот она – смерть, какой он ее видел. Вот она – жизнь, какой он ее воспринимал.

Парень пододвинул к себе тарелку со стейком, отрезал тонкий кусок:

– Значит, я умру от инфаркта?

– Непременно. – Ответила дама, надпив вина.

– В четверть десятого, то есть через две минуты?

– Именно. Вам трудно принять поражение?

Марк запил стейк вином и поставил пустой бокал на стол.

– Мне трудно смириться с тем, что последние мгновения моей жизни были самыми абсурдными. – Парень отодвинул

стейк и вытер салфеткой рот.

– Вам не нравится идея абсурда?

– Знаете, что Камю сказал по этому поводу? – Он разбил бокал об край стола.

Зал замер. Повисшую тишину наполнили раскаты грома и треск дрожащих окон. В памяти Марка начали всплывать напуганные лица мексиканцев... И как кто-то тянет его за рукав, пытаюсь оттащить от края... И как латинос в пестрой рубашке беспомощно размахивает руками, теряя равновесие... Это он в галлюциногенном бреде толкнул парня в пропасть. Это он низверг латиносо в распахнутую горловину червоточины, в которую и сам сейчас падал. Да, все тогда решили, что это был несчастный случай, и никто не принялся винить Марка. Быть может, так и есть. Быть может, память снова играла с ним злую шутку, а на самом деле он и не тронул поскользнувшегося на камне мексиканца. Ведь иначе он бы сейчас гнил заживо за решеткой, а не сидел в ресторане, распивая напитки. «Но никто бы не оказался на краю утеса в тот день, если бы не я» думал Марк, и окровавленные пирамиды перед его глазами распадались, а груды черепов развевались как пепел, оставляя после себя лишь сердцебиение бездонной пустоты. На этот раз настоящей.

– Хотите убить меня? – С насмешкой спросила Смерть, глядя на кусок стекла в его руке.

– Вы не хуже меня знаете, что я хочу. – Марк выбрал осколок поострее. – Я хочу поставить слона на же-семь.

– Вы ничего этим не добьетесь! – Занервничала девушка.

– Я выиграл, не так ли? – Парень оттянул рукав, поднес осколок к руке и что есть силы полоснул себе по запястью. Брызнула кровь.

Дама вскочила с места. Раздался чей-то крик, и зал в ужасе встрепенулся. Несколько человек, побросав салфетки и приборы, тут же устремились к бледнеющему парню. Марк рухнул на пол. По каменным плиткам с изображениями ацтекских богов начала расползаться багровая лужа. «Скорую!» – горланил кто-то из подбежавших...

Запах смолы просачивался сквозь приоткрытое окно в больничную палату – где-то неподалеку ремонтировали дорогу. Но помимо отбойных молотков и сигналов машин, в городском шуме Марк отчетливо слышал духовые инструменты и барабанную дробь. Это был оркестр, выступавший на праздновании выпускного в колледже, который располагался в нескольких кварталах от больницы. Марк понял, что находится не в загробном, а в привычном ему мире. Хотя первой его полусонной мыслью было то, что ад поразительно похож на обыденную реальность. Он подумал – если умерев ему предстоит очутиться в каком-нибудь из потусторонних мест, предназначенных для посмертного в них пребывания, такой мир мало чем будет отличаться от того, который раскинулся в закоулках его памяти. Ведь в конечном итоге, отправляясь в любое трансцендентное путешествие, он будет

обречен прихватить с собой свои воспоминания.

Марк открыл глаза – на краю койки сидела жена. Диана тут же бросилась к парню и обняла. Вернувшееся к нему ощущение реальности никогда еще не было так обострено, как в этот миг – когда он осознал, что нетрезвый кошмар развеялся, и он снова может обнять ее, забыв про застывшее на часах время, и про метания в поисках лекарств, и про приближающееся дыхание пейотской преисподней. Он посмотрел на перебинтованное запястье, чтобы убедиться, что это был не сон. Диана взяла его за руку и, улыбнувшись со слезами в уголках глаз, спросила:

– Ты ведь так и хотел, да? – В голове ее вертелись слова доктора. – Ты сделал это, чтобы понизить давление?

Марк и сам до конца не понимал, зачем он это сделал. Видимо, настигшие его в тот вечер воспоминания не оставляли иного выбора. Или же, в отчаянном порыве безнадежного смертника, ему хотелось поставить в развернувшемся театре абсурда логичную точку. Но глядя на встревоженную жену, он лишь сказал «Конечно».

– Но как ты мог знать? – Удивилась она, вспоминая то, что сказал ей хирург...

«Когда-то кровопускание было одним из методов лечения. В нужный момент резкое понижение кровяного давления может предотвратить сердечный приступ. Правда, угадать такой момент крайне сложно. Но вашему супругу это удалось».

Марк посмотрел на календарный плакат с картиной «Собаки играют в покер», висевший на стене, и ответил:

– Видимо, у смерти была плохая позиция.

Он заметил, что календарь показывает явно не наступившую еще дату...

Сгустились тучи, и под причалом с брызгами забились сильные волны. Ветер трепал паруса яхт и флажки прибрежных кафе. Низко кружившие в небе чайки с криками превратились в ворон. Девушка в темно-зеленом жакете и такого же цвета платье спрятала зеркальце в сумочку и подошла к мужчине, который стоял у фонарного столба и тщетно пытался зажечь сигарету нерабочей зажигалкой.

– Увидеть Неаполь и умереть. – Молвила она, глядя на чернеющее море.

– По-моему, там было про Париж. – Хриплым голосом поправил незнакомку мужчина и закашлялся, затем стал шарить по карманам пальто.

– Это ваше? – Девушка протянула ему «Zippo» с нацарапанным на корпусе пацификом...

Вдохнови меня, крошка

Экстази мертв. ЛСД мертв.
Героин мертв. Иисус мертв.
(Корек. «Love is dead»)

Эви из последних сил заперла дверь и приникла спиной к стене, чтобы перевести дыхание. Она понимала: ржавый засов долго не выдержит – скрепя и лязгая, железная пластина крошилась как хлебный сухарь, с каждым ударом разваливаясь на куски. С потолка сыпалась труха штукатурки, стены трещали, словно иссохшая глиняная скорлупа. В дверную щель просачивался запах гнили, а царапанье когтей возрождало в голове Эви картину, которой она не верила, но которая, тем не менее, минуту назад действительно предстала ее глазам: существо из покрытой гноем и опарышами плоти, похожее на полуразложившийся человеческий труп со звериной прытью, огромными когтями и сохранившимися чертами лица... Элвиса Пресли.

Эвтерпа поймала себя на мысли, что это никак не могло быть ожившее тело «короля». Скорее, существо проникло к ней в голову и извлекло из недр памяти образ старого знакомого, примерив его на себя. Что бы это ни было, ей меньше всего хотелось верить, что в ее покойного приятеля все-

лилась неведомая свирепая сущность, желающая разорвать ее на куски.

Эви оторвала край туники, перевязала кровоточащее запястье и окинула взглядом помещение: повсюду валялись предметы театрального реквизита, почти превратившиеся в труху, а посеревшие стены, покрытые трещинами и тряпьем паутины, казалось, рухнут раньше, чем это случится с дверным засовом. Она стащила с головы венки из цветов, который едва не сполз ей на глаза, и швырнула в угол, где подобно зеркалу сверкал обломок бутафорных римских доспехов. Только теперь Эви заметила, что на лице у нее несколько царапин, а в перьях крыльев копошится паук. Она тут же стряхнула его, подняв волну пыли и зацепив крылом едва не лопнувшую от удара лампочку.

Существо за дверью исторгло из недр своей гниющей плоти что-то похожее на рев, после чего где-то дальше откликнулось нечто, казалось, еще более отвратительное. По скрежету и цоканью когтей, по шороху и плюханью конечностей Эви поняла, что жутких хтонических отродий сползло не меньше дюжины. На глаза ей попался сундук в противоположном конце комнаты, зарытый под грудой фигур из картона, которые некогда были разукрашены в яркие цвета и служили на сцене штакетинами забора, тучами, кустарниками и черт знает чем еще (в этот момент Эви подумала, что больше всего ей сейчас не хватало теста Роршаха). Она метнулась к сундуку, сбросила с него картонные вырезки и под-

няла крышку – кроме кучи платков и других фокусных приспособлений она нашла то, о наличии чего с самого начала ей подсказывала какая-то неведомая, не поддающаяся логическому объяснению сила: на дне сундука лежала флейта.

– Хотите вдохновения, чертовы ублюдки? – Эви схватила инструмент и захлопнула сундук. – Вы его получите!

Засов рухнул, и дверь отворилась. Взгляду Эви предстало то, что она меньше всего ожидала увидеть: толпа обычных на вид людей, ничем не отличавшихся от умерших когда-то певцов и музыкантов. От процесса разложения не осталось и следов, как если бы он был запущен в обратном порядке, и тела к этому времени достигли нормального состояния. Заметив в руке музы флейту, они так и застыли перед проемом, словно вход перекрыла невидимая электрическая сетка.

– Эви, детка, это же я. – Заговорило нечто, выглядевшее точь в точь как король рок-н-ролла.

– Думаешь, я поверю? – Эви сдула с лица прядь волос и направила оружие прямо на «короля». – До Элвиса тебе, как Чарльзу до Монро.

– Убери флейту, милая. – Дружелюбным тоном продолжил «Элвис». – Не видишь, мы с приятелями просто дурачимся.

– С каких пор Леннон твой приятель? – Она посмотрела на сущность в образе человека с длинными волосами и в круглых очках, стоявшего у «короля» за плечом. – Насколько помню, ты Битлов терпеть не мог.

– Это чушь. Верно, Джон? – Существо с внешностью Пресли улыбнулось и мельком глянуло на своего собрата по перевоплощениям. – Весь шоубиз такой. Не делай глупостей, положи флейту и мы спокойно поговорим.

– Как бы не так! – Муза вспоминала настоящего Пресли, Гатри, Леннона, Тэйна и всех тех, с кем когда-либо имела дело, все больше убеждаясь, что эти жалкие бледные подобиия, стоявшие перед ней, как свора вампиров перед священником, не имели ничего общего с теми, за кого так усердно пытались себя выдать.

– Горите в творческих муках, чертовы упыри!

Первая радужная трель влетела прямо в рожу, голова взорвалась, серая гниль брызнула во все стороны. Существа метнулись нападать на Эви, но она ловко их отстреливала. «Ин йо хэнд май хат из клэй⁵», – выстрел, визг, черные брызги по всей стене, – «Ту тэйк э холд эз ю мэй», – Эви начало казаться, что расправа с тварями даже доставляет ей удовольствие, – «Ай-м уот ю мэйк ми, ю-в онли ту тэйк ми», – она расправилась с копией «Леннона», стерла с лица кровавые подтеки и тут же почувствовала, как кто-то выдернул из ее крыла перо. Она замерла.

– Энд ин йо армс ай уилл стэй. – «Пресли» вертел в руке перо, с кончика которого капала кровь. – Bravo, Эви. А теперь я поставлю точку в этой затянувшейся истории.

Муза сделала шаг назад. Бежать было некуда. Она ощути-

---

⁵ Здесь и далее – строки из песни Э. Пресли «Any Way You Want Me»

ла себя загнанной в клетку, которая вот-вот могла оказаться ее могилой. Эви подумала, что умереть в театральной подсобке было бы не так иронично, как на сцене. Но смерть на сцене являлась слишком красивым, слишком поэтичным финалом, а обшарпанная и наполовину погребенная под слоем пыли кладовая – прозаичной реальностью. Она в ужасе попятилась назад, задевая окровавленные коробки с хламом и вздрагивая от их шороха.

– Кажется, я придумал, чем все это... – но не успел «Элвис» договорить, как вдруг прозвучал выстрел, и существо разлетелось на куски. На мгновение Эви показалось, что оно по какой-то причине взорвалось само по себе. Но затем она заметила в конце коридора свою сестру с ружьем в руках.

– Истории – это уже мой профиль. – Мельпомена сложила крылья и опустила оружие, глядя на остывающие останки непонятных свирепых тварей. – Ты как?

Наверху послышалось копошение сотен когтей и суставов, словно все отродия мира сползли в театр, почувствовав гнилую кровь братьев.

– Еще бы немного, и можно было бы сказать «да здравствует король». – Эви подобрала свое перо, переломив его пополам.

– Сколько же их там? – Пэм подняла глаза к чудовищному шуму и перезарядила ружье...

Контракт

Еще в коридоре Лиззи почувствовала неладное. И дело было не в том, как смотрел на нее агент Митчелл – этот напыщенный тип с острым носом, в костюме, поблескивающем как акуляя кожа. Он щурился и морщил лоб, поглядывая на Лиззи так, словно она сектантка или какая-нибудь экзорцистка, которой не место в полицейском здании и от которой необходимо как можно скорее избавиться. Нет, к таким взглядам она давно привыкла, и сейчас ей было совершенно наплевать на предвзятых новичков, понятия не имеющих ни о ней самой, ни об организации, в которой она работает.

Но она никак не могла понять, что именно насторожило ее с самого порога. Что-то странное таили в себе холодные шершавые стены, будто вели не к комнате допросов, а куда-то в темное прошлое – туда, куда она зарекалась никогда больше не возвращаться, но теперь обречена была снова попасть.

Белая плитка под ногами на миг сменилась обшарпанным линолеумом, и Лиззи поймала себя на мысли, что проваливается в сон. Еще немного – и она действительно отключится, так и не узнав, на кой черт ее подняли в четыре часа утра и вызвали на допрос к какому-то психопату. Она даже не успела толком привести себя в порядок: взъерошенные во-

лосы кое-как были собраны в жмут, а на лице красовались остатки вечернего макияжа. Из-под черного пальто выглядывал наспех накинутый шарф, на одном из ботильонов поблескивали зубцы недозастегнутой змейки. Весь ее вид говорил о том, что собиралась она наспех, будто кто-то *сверху* поторопил ее. А значит, вызов был не таким пустяковым, каким казался на первый взгляд.

Оставалось надеяться, что проклятый псих не отнимет у нее много времени, и совсем скоро она снова окажется дома, усевшись в кресле у камина и забывая всю эту нелепую вылазку как дурной сон.

– Что это за тип? – Спросила Лиззи у агента, когда они остановились у лифта. Она не знала, хочет ли услышать от Митчелла ответ. Ей вполне хватило того, что сообщил по телефону помощник агента: какой-то ненормальный отказывается говорить с кем-либо, кроме «самой госпожи Найт». И точка.

– Это мы и пытаемся выяснить. Он называет себя чертом. – Митчелл кисло улыбнулся, будто прощупывал, уместна ли вообще здесь улыбка. Но увидев, что Лиззи никак не отреагировала, неловко пригладил волосы, поправил очки и снова обрел серьезный вид. – Мы поймали его на заправке «Грин-Оил», в семи милях от Сильвертауна. Он вырезал продавцу глаза и сжег бедолагу заживо.

«Бедолагу» – повторила в уме Лиззи и подняла взгляд к мигающим в лифте лампам, – «Точно новичок».

– А причем здесь я?

– У него было это. – Агент протянул Лиззи пакет со старинным пергаментом. Она взглянула сквозь целлофан на латинский текст и отдала пакет обратно Митчеллу:

– И что?

– Подпись, – он прижал пальцем бордовую закорючку в углу листа, которая показалась Лиззи похожей на ее собственную, – она выполнена кровью.

– Вот как? – Лиззи сделала вид, будто удивилась. – И вам что, ни разу не попадались психи, которые подделывают контракты с Дьяволом?

Агент Митчелл озадаченно на нее посмотрел. В тусклом свете его морщины казались неестественно глубокими.

– Кровь принадлежит вам, мисс Найт.

Лиззи взяла у агента пергамент и внимательнее всмотрелась в текст, который выглядел совсем свежим, но искусно стилизованным под старинный. Такой почерк мог подделать только тот, кто знаком с истлевшими трудами времен охоты на салемиких ведьм. Но кому, черт возьми, понадобилась ее кровь?

Они вышли из лифта и направились вдоль коридора, мрачного и холодного, как в давно пустующей больнице. Лиззи захотелось остановиться и застегнуть ботильон до конца, но стена была слишком пыльной, чтобы можно было на нее опереться.

– Прошу, сюда. – Агент открыл дверь и сделал пригла-

шающий жест. За столом сидел худощавый тип с острыми чертами лица и длинными засаленными волосами. Пыльный фрак словно сыпался в труху при каждом его движении. Парень казался невозмутимым и всем своим видом давал понять, что целиком контролирует ситуацию, несмотря на то, что его руки были прикованы к металлической столешнице.

Лиззи включила освещение на полную, но комната все равно походила на холодильную камеру, узкую и дешевую, в которой свет нужен был только для того, чтобы разглядеть, не пусто ли внутри.

– Лиззи Найт? – Парень сделал круглые глаза, после чего тут же нахмурился и посмотрел на собственные руки: будто хотел встать и обнять ее, но оковы не позволяли. – Не знал, что ты найдешь время прийти. Мартини? Виски?

– Выкладывай, что тебе нужно от меня! – Она бросила перчатки на стол и села напротив. Послышался щелчок, будто ножка стула соскочила с плитки.

– Контракт нарушен и подлежит аннулированию. – Протянул он таким тоном, словно говорит самоочевидные вещи.

Девушка холодно взглянула на него.

– Я не заключала никакой «контракт».

– А это тогда что? – Он достал из рукава пергамент, который минуту назад был у агента Митчелла. На его лице заиграла ехидная улыбка.

– Дерьмо! – Вскочив с места, Лиззи выхватила бумажку у него из рук. – Неужели типы вроде тебя способны на чело-

веческие выходки?

– Ты что, в самом деле ничего не помнишь? – Он запрокинул голову, словно начал погружаться в транс. Девушка оторвала взгляд от пергамента и удивленно посмотрела на него.

– Что я должна помнить?

– Тысяча шестьсот семьдесят седьмой. Контракт на шестнадцать поколений вперед. – Парень поднял голову. – Думаешь, у тебя просто так зажигалки вместо рук?

Щелчок повторился, и стало ясно, что это отрываются болты расшатанной столешницы.

Она отошла в другой конец комнаты, скрестила руки:

– Я убила гребаного демона, вот за что мне такой дар...

Он хмыкнул и скривился, будто слышал эти слова уже сотню раз.

– Ну да, ну да...

У Лиззи возникло желание испепелить бумажку. Но это было бы так же бесполезно, как порвать на глазах официанта счет, чтобы не оплачивать его.

– Я не отвечаю за необдуманные действия своих предков. – Наконец выпалила она и швырнула сверток на стол.

Парень поднял указательный палец кверху, насколько позволяла цепь:

– В последнем абзаце сказано другое.

Стиснув кулаки, девушка едва нашла в себе силы сдержаться, чтобы не врезать ему. Но она понимала, что перед ней лишь пустая оболочка.

– Мне плевать, что там сказано. Отправляйся обратно к Дьяволу и передай, пусть забирает свои дешевые зажигалки. Мне ничего от вас не нужно, а поправку о свободе воли никто не отменял.

Он покачал головой:

– Придется нам кое-куда прогуляться.

Лиззи знала, что рано или поздно недосып сыграет с ней злую шутку. Поэтому дрожание словно мираж стены, которые прямо на глазах стали покрываться плесенью и серой плиткой, удивили ее не так сильно, как могли бы. И только когда завибрировал пол, а с потолка посыпалась вполне ощутимая шелуха штукатурки, она поняла – все это происходит по-настоящему: комната для допросов стала медленно превращаться в туалет, такой же загаженный, обшарпанный и пыльный, как в каком-нибудь придорожном кафе.

Все это время парень продолжал сидеть к ней спиной. В какой-то момент Лиззи показалось, что у него неестественно отвисла челюсть. Но скоро она заметила еще большую странность, которая повергла ее в настоящий ужас: с дряхлеющей на глазах макушки стали быстро выпадать волосы, а голова сухо надломилась. Тело качнулось и начало издавать звуки, похожие на то, как если бы из дырявых мехов выходили остатки воздуха. Через полминуты за столом уже сидел не человек, а обтянутый кожей скелет в лоскутах истлевшего фрака.

– За него не беспокойся, – голос откуда-то сверху заставил

ее вздрогнуть, – в таком виде я и брал его напрокат.

Дрожь прекратилась. В помещении запахло ни то серой, ни то подвальной затхлостью. Лиззи и не заметила, как от страха прижалась к холодной стенке, покрытой пыльным тряпьем паутин. Она ошарашенно смотрела в оба и не могла поверить собственным глазам: вокруг нее возникли стены общественного туалета, настолько старого и разбитого, что казалось, здесь уже много лет никто не появлялся.

– Что это значит? – Крикнула она в пустоту, так как ни от стола, ни от превратившегося в мумию парня не осталось и следа: вокруг были только пустые раскрытые кабинки, сухая раковина и исписанное маркером зеркало. «Нулевой круг. Дэмо-версия ада», гласила надпись.

Конечно, она сразу узнала это место. Но какого черта демон швырнул ее сюда? Да, задание провалено. Да, кассирша погибла. И бессонница до сих пор время от времени терзает ее, возрождая в голове картину произошедшего. Но разве это имело значение сейчас, когда речь шла о ее сверхспособностях?

За окном одна за другой проезжали фуры, поднимая над заправкой пыльные вихри и заставляя стекло дребезжать. Сквозь тучи прорезались лучи солнца, но даже знойная духота не сразу убедила Лиззи, что это все реально. Только взглядываясь в детали она поняла, что действительно попала в прошлое. А именно – в то самое июльское утро, которое она вряд ли сможет когда-то выкинуть из головы.

И вдруг у Лиззи перехватило дух от мысли, мелькнувшей в ее уме: перед ней шанс, самая настоящая возможность, которой нельзя пренебрегать! Она в прошлом, а значит, МОЖЕТ... Или нет – здесь ведь явно все было не так просто... Наверняка что-то другое сказано в том проклятом контракте, который она не успела прочесть.

Она ДОЛЖНА изменить ход событий.

Почти инстинктивно Лиззи схватилась за пояс – пистолета не было. «Точно как в тот день», подумала она и осознала, что нельзя терять ни минуты: в зале зазвенел отпугиватель духов, а значит «смерть» кассирши была уже на подходе.

Лиззи бросилась к двери – заперто. Недолго думая, она стала ковырять замок ржавыми ножницами, которые нашла на полу. Пока не раздался щелчок – лезвие сломалось. «Черт» фыркнула девушка, и хотела было постучать или позвать на помощь, но тут же отпрянула от двери и замерла: нельзя было привлекать к себе внимание. В этот миг ей представилось, как бандит медленно приближается к кассе с пистолетом в кармане.

Она метнулась к окну, взобралась на бак и коснулась стекла, чтобы проверить, можно ли бесшумно снять его. Стекло тут же выпало наружу и зазвенело где-то внизу. Сердце Лиззи так и екнуло. От страха она чуть не соскользнула с бака и не упала в обломки кафеля, но вовремя поймала равновесие. И в этот самый момент бак треснул, причем с такой силой, что в другом конце комнаты эхо повторилось несколько раз.

В зале наверняка услышали ее. А придали ли значение?

Опершись о стену, она прислушалась: из-за двери доносился шорох и звуки шагов, где-то в центре зала. Как если бы бандит продолжал расхаживать между стеллажами, делая вид, что выбирает товар. Похоже, обошлось.

Скинув пальто, Лиззи стала протискиваться в окно. На улице было еще жарче, чем в помещении. Внизу стояли пустые ящики, ни то от пива, ни то от фруктов, и это только мешало ей спуститься вниз. Пришлось вслепую нащупывать твердую поверхность, чтобы не опрокинуть деревянную пирамиду и не поднять еще больше шума – словно все играло против Лиззи, чтобы как можно дольше продержат ее в плену прошлого.

Наконец, она смогла отпустить раму и твердо стать на землю. Времени оставалось все меньше: в помещении уже слышался мужской голос, и похоже даже началась потасовка. Лиззи собралась с силами, ворвалась в зал:

– Сто-ой!

Она хотела вбежать в помещение и тут же испепелить негодяя. Сжечь его голыми руками, не оставив от живого факела и следа на прилавке. И это был действительно хороший план, который наверняка сработал бы в любой другой ситуации. Но... Когда речь заходит о путешествиях во времени, всегда появляется какое-то «но».

Кассирша застыла с побледневшим как полотно лицом, посреди пестрых упаковок, показывая грабителю ладони. И

это было последнее, что увидела Лиззи, думая о том, куда делась ее сверхъестественная сила. А еще – о синем треугольнике посреди пачки «Эс-эн-Ди». И о пятне на линолеуме в форме Техаса. Перед смертью в голову лезет все что угодно, только не «вся жизнь в обратной перемотке», как об этом привыкли говорить. Нет, все гораздо прозаичней. В последний момент думаешь о какой-нибудь ерунде вроде странных сигарет, которые никто никогда не пробовал, или живописно загаженного пола. Только потом – об адской, невыносимой боли, которая наверняка должна пройти, стоит тебе опереться на что-то или прилечь. А она только нарастает.

Грабитель снова и снова давил на спусковой крючок, крик кассирши заглушали непрерывные звуки выстрелов. Лиззи чувствовала, как все вокруг плывет, и как серая пелена начинает застилать глаза. Ей казалось, она всем телом ощущает вонзающиеся в нее куски свинца: в плече, в животе, в бедре, снова в животе...

Потом наступила сплошная тьма.

«Думаешь, все так просто?» – Гласила теперь надпись на зеркале. Но это был уже не туалет.

Колонны из коричневого мрамора казались на первый взгляд деревянными, но стоило присмотреться, и взгляд тут же цеплялся за тонкие струи каменных прожилок, которые сразу навеивали ощущение холода. Плитка отражала все изгибы потолка, как если бы состояла не из гранита, а из натер-

тых до блеска медных зеркал. Едва открыв глаза, Лиззи сразу поняла, где находится. Такое шикарное фойе могло иметь только одно место из закоулков ее памяти – Морриганский драматический театр. И стоило ей вспомнить само название этого места, как мгновенно пришло понимание, почему она здесь: это был еще один кошмар из прошлого, о котором она никогда не хотела бы вспоминать.

Через минуту начнется антракт, и когда пожилая дама в сиреновом платье подойдет забрать пальто, гардеробщик накинется на нее с ножом. Нет, не потому что он грабитель, маньяк или что-то вроде того. В него просто вселится демон, и все это произойдет «забавы ради». Вот только бледнеющее тело женщины, лужа крови и нечеловеческий смех убийцы – это мгновение навсегда отпечатается в памяти Лиззи как одна из самых ужасных ошибок, которых можно было избежать.

– Что теперь? – Она нервно засмеялась и посмотрела куда-то вверх. – Что на этот раз мне сделать? броситься на нож?

Объявили антракт, и толпа ринулась в буфет. Некоторые пошли за верхней одеждой, чтобы выйти на перекур или просто уйти. Почти сразу возле гардеробной появилась дама в сиреновом.

У Лиззи осталась половинка ножниц из туалетной комнаты. Выхватив ее из кармана, она бросилась сквозь толпу к гардеробщику. На счету была каждая секунда. Пожилая дама уже протягивала мужчине номерок. Еще мгновение и...

Кто-то врезался в Лиззи с такой силой, что она выронила лезвие из рук.

– Нет! – Ее крик затерялся в шуме голосов. Толпа казалась кучей кишаших лейкоцитов, которые норовили вытолкнуть ее прочь из этого места. Лиззи изо всех сил метнулась к женщине в сиреновом, чтобы сбить ее с ног. Демон замахнулся, в его руке блеснуло лезвие. Но на этот раз он и не думал убивать свою клиентку – вместо этого со звериным ревом бросился напрямиком на Лиззи.

Кровь брызнула во все стороны, толпа замерла. Кто-то в ужасе закричал, кто-то выругался. Искривившись от боли, Лиззи схватилась за бок и рухнула прямо в руки одного из зевак. Сначала ей даже показалось, что гардеробщик ударил ее не лезвием, а рукояткой: боль была тупой, как от удара молотком или железным прутом – очень сильного удара, проломившего ребра и заставившего все нутро разгоряченно пульсировать. Но в следующий миг она поняла, что это не так. Красные ручьи просачивались сквозь пальцы и заливали пол настолько быстро, что не оставалось сомнений – лезвие действительно вонзилось ей в тело и распоролло брюшную полость. Она попыталась сделать вдох и изогнулась, ощутив еще большую боль. Потом закашлялась кровью и почувствовала, как начало темнеть в глазах. Потом снова наступила тьма.

«Что теперь?»

На этот раз надпись была розовой, и не на зеркале, а на стекле.

Кран капал в пустую раковину, как будто отмерял неестественно долгие секунды. На столе стояла стопка вымытых тарелок, пара чашек, блюдец и столовых приборов. В плафоне ползала мошкара, и от игры теней создавалось впечатление, будто посреди кухни стоит бассейн, а на стенах отражаются блики водной ряби.

За розовой надписью прорезался свет от дальних домов, а в отражении собственного лица Лиззи увидела того, кого меньше всего хотела бы видеть в своих ночных кошмарах – это была Сюзан Уайтмор.

В жизни любого агента, проработавшего в отделе убийств хотя бы год или два, происходит событие, которое навсегда оставляет свой след. Ты приходишь и устраиваешься на работу, считая себя психологически подготовленным к чему угодно, потому что за годы учебы успел насмотреться на все, что только можно – в моргах на вскрытия, в музеях – на чудовищные трофеи, типа перчаток из кожи или коллекции законсервированных частей тел Эда Гейна. Ты посещаешь ферму трупов в Теннесси, чтобы изучить все стадии разложения человеческих тел в естественной среде. Наконец, тебе лично поручают присутствовать на местах преступлений и фотографировать жертв или только их фрагменты, гнилые конечности и внутренности, разбросанные по всему подвалу самодельной бомбой. А когда учеба остается позади, и ты

начинаешь самостоятельно проводить расследования, от начала и до конца... рано или поздно случается это – твоя первая настоящая причина бессонницы. Твое первое проваленное дело.

Сьюзен Уайтмор жила с маленькой дочкой. Пьяница Дэйви (Лиззи так и не поняла, имя это или фамилия) бросил ее и исчез в неизвестном направлении. Кажется, он ударился в наркоторговлю или что-то вроде того. Это было не так важно в истории, которую со слезами рассказывала Сьюзен. А важно было другое. Она работала медсестрой в городской больнице Сильвертауна, в двух часах езды от дома. Дочку приходилось оставлять с сиделкой, хорошо зарекомендовавшей себя всеми, с кем только Сьюзен общалась. И однажды, вернувшись со смены, она застала картину, которую Лиззи теперь видела и сама: среди комнаты лежали угли, отдаленно напоминающие человеческие очертания, а от сиделки не осталось и следа.

Но самое удивительное было то, что кроме черных углей никаких признаков пожара не наблюдалось. Словно Сьюзен выдумала эту историю, притащив останки девочки из печи и кое-как рассыпав по ковру. И Лиззи должна была догадаться об этом, увидев почерневшую лопату в углу прихожей или любые другие детали, которые опровергали слова свихнувшейся дамы. Дьявол ведь всегда кроется в деталях.

Но этого не случилось.

А все потому, что к тому времени Лиззи начали посещать

видения, и она стала понимать – мир не так прост, как кажется. Существуют неведомые космические силы, нет-нет да приводящие к чему-то вроде полтергейста или самовозгорания. Ее мировосприятие целиком перестраивалось и еще не было сформировано до конца. Поэтому единственное объяснение, которое подобрала она в тот момент – девочку испепелила неведомая сущность.

Конечно, в ходе расследования истина рано или поздно всплыла бы наружу. Но если бы Лиззи сразу поняла, что к чему, и на месте арестовала психопатку, возможно тогда все сложилось бы иначе, и выехавший вместе с ней стажер – неловкий паренек лет двадцати в деловом костюме и с постоянной тревогой в глазах – остался бы жив. Потому что дальше произошло то, чего никто из присутствующих не ожидал: Сьюзен схватила раскаленную кочергу и проломила стажеру череп.

Глухой удар. Шипение. Сдавленный крик. Именно так начинался ночной кошмар Лиззи, снова и снова. Она постоянно думала об этом, и никогда не прекращала винить себя. Мысли терзали ее, как стая хичкоковских птиц, раз за разом швыряя в стены этого дома и прокручивая один и тот же сюжет. Все от начала и до конца было гораздо ужаснее в этой истории, чем в любой другой. И сейчас все целиком повторится, но уже в *реальности*.

Обессиленная, она направилась к печи. Посреди комнаты уже лежали угли, но никого из криминалистов еще не было.

Словно кошмар начался раньше, чем должен был – с пепла и зловещего затишья. Лиззи подумала, что ничто другое не вселяет такого ужасного ощущения безысходности, как тишина. Особенно когда знаешь, что сейчас произойдет.

Стоя посреди комнаты, девушка посмотрела в зеркало и снова увидела вместо себя Сьюзен. Прямо как в тот день – в ситцевом платье и с растрепанными волосами. Словно призрак из прошлого, с той стороны на нее таранилась настоящая психопатка. И как только она могла не заметить этого безумия в глазах?

Похоже, теперь роль убийцы была уготована ей самой. Будто это еще один ракурс – последний и самый важный, с которого нужно было рассмотреть все случившееся в тот вечер, и на который она все это время не решалась.

И вдруг Лиззи поняла: сколько бы не проматывала она эту пленку в голове, сколько бы не всматривалась в детали убийства, пусть даже глазами самой убийцы – пытаюсь увидеть себя со стороны и понять, могла ли она что-либо предпринять в тот роковой момент – все позади, и теперь ничего не изменить.

Она почувствовала, как прошлое отпускает ее. И не для того, чтобы вернуться с еще большей силой, терзая жуткими видениями и еще более жутким осознанием того, что одной смерти можно было избежать. Нет, на этот раз прошлое действительно отпускает ее. Как если бы ей наконец открылись глаза и она увидела до ужаса простую истину – все произо-

шло слишком быстро, чтобы можно было что-либо предпринять. И как бы там ни было, теперь уже все позади.

– Я не собираюсь снова проходить через это! – Крикнула Лиззи в звенящую пустоту и бросила кочергу. Стены задрожали, мебель стала ходить ходуном, дребезжа сервизами и треща, как толпы костлявых мертвецов.

– У тебя нет выбора. – Послышался сверху голос, настолько низкий и зловещий, что казалось, земная дрожь от него усилилась. – Ты должна в точности повторить то, что сделала Сьюзен. Контракт есть контракт.

– Нет никакого контракта! – Она все-таки схватила кочергу. Но только для того, чтобы разбить зеркало. – Хочешь, чтобы я кого-то убила? Тогда покажись!

Стекла лопнули. В комнату ворвался сквозняк, растрепав занавески и взметнув клубы праха. Недолго думая, Лиззи открыла печь и достала горящий кусок полена.

– Мне жаль тебя расстраивать, но ты не учел кое-что, – она начала поджигать занавески и отслаивающиеся обои, – это платье мне не идет!

Пламя быстро охватило комнату. Настолько быстро, что Лиззи даже показалось, будто все вокруг пропитано горючим. Совсем скоро жар добрался и до нее. Но языки пламени не вызывали у Лиззи больше ни страха, ни боли. Она знала – это лишь подлая иллюзия, которую нужно было разрушить еще с самого начала. И она наконец сделала это.

«С вами все в порядке?»

Голос агента Митчелла донесся словно откуда-то из ко-
лодца. Сквозь сон Лиззи даже показалось, что это не голос, а
очередная надпись на зеркале. Она открыла глаза и увидела
очертания кабинета. Потом услышала шаги – к ней прибли-
жался Митчелл со стаканом воды.

– Что произошло? – Лиззи подняла голову и посмотрела
на агента.

– Вы потеряли сознание в лифте.

Она потеряла сознание? Нет, Лиззи конечно чувствова-
ла, что засыпает на ходу – двое суток бессонницы давали о
себе знать. А тут еще и вызов посреди ночи, причем не са-
мой первой важности. Откровенно говоря, если бы не Микт-
лантекутли, она послала бы помощника Митчелла ко всем
чертям. Станный тип, странные обстоятельства – все дава-
ло о себе знать и сказывалось на ее самочувствии. Но чтобы
Лиззи Найт когда-то просто так теряла сознание? Здесь явно
произошло что-то другое...

И тут Лиззи догадалась, в чем дело. Или ей только так по-
казалось? В любом случае, проверить стоило: она вытянула
руку перед собой и попробовала испепелить мусор в ведре
под столом. Получилось.

– Что... – Митчелл ошарашенно отшатнулся и захлопал
глазами. – Что за ерунда? Это какой-то фокус?

Лиззи тоже удивилась, но конечно не так сильно, как он.
Сверхъестественная способность не покинула ее. Более того

– она чувствовала необычайную легкость, словно очнулась от кошмара, детали которого даже не могла вспомнить. Как если бы увидела его в последний раз.

Она снова взглянула на агента:

– Пергамент еще у вас?

Митчелл вынырнул из состояния ступора и пустился открывать окно, после чего поставил ведро на подоконник и начал вытаскивать дымящиеся бумажки. Потом вспомнил про вопрос девушки, достал из пиджака сверток и протянул ей:

– Только не... не проделывайте то же самое с ним. Это вещдок.

Почти машинально Лиззи развернула сверток и прочитала последний абзац, который появился только сейчас:

«Ты права – нет никакого контракта. Я просто хотел поразвлечься. А вообще ты должна сказать спасибо – бессонница не лечится всего в три сеанса. Демон Лапласа.

Постскрипtum: напрасно ты так с ведром. Оно же теперь дырявое, как твои воспоминания».

Она запрокинула голову и закрыла глаза:

– «Демон Лапласа». Как бы не так.

Пергамент сам сгорел в ее руках.

Ночной самокопатель

1

Перемахнув через забор, Ник даже забыл о зубной боли. Голова гудела так, словно он оказался на месте преступления. Только сейчас затея начала казаться ему бредовой. Но разве у него есть выбор? Разве не он «вырыл себе яму, из которой теперь придется выбираться»?

Земля под оградой была рыхлой. Настолько, что Ник решил, будто топчется по свежей могиле. Включив фонарик, он понял, это не так: ближайšie решетки и надгробия отсвечивали шагах в ста от него, между тонкими деревцами и покрытыми паутиной кустарниками. То, что в темноте выглядело, как покосившийся гнилой крест, оказалось куском ветки. Холм же, на котором он стоял, вполне мог сойти за место захоронения хирургических остатков или чего-то в таком роде. В любом случае, Ника эта насыпь волновала сейчас меньше всего.

А больше всего он думал о том, чтобы взять себя в руки. От волнения можно было натворить глупостей: оставить

после себя кучу следов (как этот чертов кусок капюшона на прутьях), упустить важную деталь или вовсе попасться сторожу на глаза. И тогда придется объясняться в участке, а это не только поставило бы точку в его невообразимой затее...

Ветер усилился. Вдалеке закрипела калитка, а шелест деревьев наваял Нику ощущение, что сейчас пустится дождь. Внутренний голос начал убеждать его вернуться к машине и уехать обратно в город, пока дорога не превратилась в грязь. Но в следующее мгновение Ник понял: эту мысль нашептывает ему страх, и если он не сосредоточится на том, ради чего приехал, мозг продолжит генерировать сотни поводов сбежать. А этого парень позволить себе больше не мог.

Он спустился с холма, достал из кустов брезентовый чехол с лопатой. Издалека его можно было принять за наркомана, ищущего закладку. Но стоило подойти ближе, и такое впечатление сразу развеялось бы – не считая истрепанного плаща, вид он имел ухоженный. А если бы не грязная ссадина на щеке, мог сойти за банкира или даже дипломата, возвращающегося с работы. По крайней мере, внешне. И уж точно не при таких странных обстоятельствах.

Не теряя ни минуты, Ник устремился к нужному участку кладбища. Времени было в обрез: следующий обход сторож сделает в четыре утра, причем независимо от смены. Значит, в его распоряжении всего три часа. Конечно, разрытую могилу мало кто заметит сразу, поэтому можно рискнуть и переждать обход прямо в яме, а затем продолжить копать. Но

кто знает, какой черт дернит сменщика на этот раз – его проклятые маршруты еще более запутаны, чем тропы меж могил. Придется полагаться на удачу.

Кладбище было старым. Свидетельствовали тому его огромные размеры и множество рассыпающихся в труху надгробий. Минуя одно из них, Нику даже показалось, что за калиткой из земли торчат засохшие человеческие останки. Хоть это было маловероятным, он все же направил туда луч света, чтобы убедиться: это лишь проржавевшие насквозь прутья, оторвавшиеся от ограды и обросшие тряпьем паутины.

Свежие места захоронения попадались не реже. Одно из них Ник чуть было не принял за то, которое искал. Но как только свет фонарика скользнул по надгробной плите, стало ясно – это не оно: с блестящего камня на него глядел грубо вытесанный портрет старика, лицо которого напоминало обтянутый кожей череп.

Миновав еще несколько рядов, Ник наконец остановился перед новеньким серым камнем. Действовать нужно было быстро. Он развернул лопату, отбросил чехол в сторону, прикрепил фонарик к могильной ограде так, чтобы луч падал прямо на бугор земли.

Но как только вонзил лезвие в клубистую зыбкую почву, тут же замер как оглушенный: у него за спиной замелькал пучок света.

– Эй! с лопатой! Какого черта ты там делаешь?

Холодный озноб пробежал по его спине. Голос явно принадлежал сторожу. Да и кому еще, черт возьми, он мог принадлежать?

Луч света быстро приближался, качаясь из стороны в сторону. Ник слышал шорох шагов и позвякивание ни то застёжек, ни то ключей. От ступора он ничего не мог придумать, кроме как «держать руки на виду», не упуская при этом лопату. Нужно было что-то предпринять.

– Слушай, это не то, на что смахивает... – Он развернулся и встретился взглядом с коренастым мужиком лет пятидесяти, в бушлате и штанах цвета хаки, – Я покажу...

– Что покажешь? – Сторож нервно сунул руку в карман, доставая телефон. – Покажешь, как хорошо умеешь копать? Может, еще предложишь разделить добро поровну, Клинт мать твою Иствуд?

Ник сделал шаг в сторону, чтобы типу в бушлате стало видно надгробие:

– Это моя могила.

Сторож отшатнулся, но быстро вернул самообладание:

– В смысле, твоя? Ты что, псих?

– Нет, это в самом деле моя могила. – Он отложил лопату, достал с внутреннего кармана бумажник. – Я попал в аварию, и меня посчитали погибшим.

– Что за хрень ты городишь?

– Вот... – он протянул сторожу пластиковую карточку, – мое удостоверение. А теперь сравни с надгробием.

Тип в бушлате посветил на карточку, потом на покрытую слоем пыли плиту. Глубоко врезанные закорючки все еще читались и совпадали, а портрет не оставлял сомнений – парень говорит правду.

– Ну и на кой ты приперся сюда ночью? – Приподняв брови, он вернул удостоверение «мертвецу». – Знаешь, на что это похоже?

Сменщика звали Финн Долан. Его имя чернело на бирке, но из-за тусклого света Ник не смог ее прочитать. Зато он сразу уловил ирландский акцент, который чувствовался в каждом произнесенным им «р», а еще – проглатываемом «г» в начале слов. Такое ни с чем не спутать.

В руках сторожа мелькнула пачка сигарет, и Ник принял это за хороший знак. Он взял лопату в руки и воткнул в землю, глядя на реакцию «блустителя законов». Кажется, пронесло.

– Я уже решил, что ты грабитель или чертов маньяк.

– Ты прав. – Ник отмахнулся от предложенной сигареты, отбросил грудку земли в сторону. – Ты прав на все сто: выглядит это, наверное, охренеть как странно. Но тут ситуация... – Он почувствовал, как боль в зубе вернулась небывало сильным импульсом. – Черт, понимаешь ли, я не хочу, чтобы меня заметил кто-то из знакомых. Я конечно не страдаю завышенной самооценкой, но мне кажется, кто-то может навестить мою могилу. И вряд ли он станет делать это ночью.

Сделав очередную затяжку, Финн облокотился о калитку.

– А зачем тебе от всех прятаться?

– Я порвал с прошлым. – Он продолжал отшвыривать в сторону сырые комья земли. – Точнее, собираюсь порвать.

– Тушуешься от кредиторов? – Тип в бушлате ухмыльнулся, и стал виден его серебряный зуб. Это делало его похожим на корсара, лицо которого только начало покрываться морщинами. – Так бы сразу и сказал. Но все равно не возьму в толк – зачем тебе понадобилось лезть в собственную могилу? – Он посмотрел вниз и сдвинул брови. – А кстати, что внутри?

– В этом-то все и дело. – Дыхание Ника сбилось, и он остановился передохнуть. – Когда меня официально признали умершим, жена и знакомые решили устроить самые настоящие похороны. Каждый из них положил в гроб какую-то вещь, которая ассоциировалась у них со мной. Думаю, это всякая дребедень вроде пластинок, фотографий, чашек, зажигалок... Короче, весь тот мусор, что я им когда-то дарил.

– И ради этой «дребедени» ты решил так заморочиться?

– Нет, все это дерьмо мне даром не нужно. – Скинув плащ, он снова принялся копать.

– А я бы так не сказал... – Сторож ухмыльнулся, и серебряный зуб снова сверкнул в свете фонарика.

– Как видишь, у меня нет с собой мешка или пакета, чтобы выгребать все то, чем набит гроб. Мне нужна всего одна вещь. – Лопата стукнула об что-то, но до гроба было еще далеко. Через мгновение парень выковырял кусок камня, по-

хожий на засохшую печень. – И я готов щедро поделиться, если сохранишь мой секрет. Никто в этом городе не должен знать, что я жив.

Финн затушил окурок о калитку и бросил его в кучу земли. Ник вытащил из ямы обрубленный кусок корня, кишащий кородами.

– Неужели в гробу что-то настолько ценное?

– И да, и нет. – Он протер лоб рукавом. – Моя «вдовушка» скорее всего кинула туда диск Сида Барретта, в котором я обычно прячу... прятал траву. По крайней мере, на полке его нет.

Глаза сторожа сделались круглыми, словно все это время он говорил с идиотом.

– Так ты здесь ради пакета дури?

Ник разрубил лопатой ком земли, который мешал продвигаться вглубь. Затем посмотрел на «надсмотрщика» так, словно тот не улавливал самоочевидных вещей.

– К черту дурь. Уверен, Эмми давно ее скурила вместе со своим мозгоправом, к которому сразу же укатила.

Пытаясь свести концы с концами, Финн достал еще одну сигарету.

– Сейчас мне самому понадобится мозгоправ. – Он щелкнул крышкой зажигалки. – Ты можешь наконец объяснить, какого хрена роешь могилу?

– Я и так слишком много наговорил. – Парень воткнул лопату в землю, как жест того, что хватит с него вопросов.

Затем немного замаялся, понимая, что закон сейчас не на его стороне, и что его собеседник прекрасно это знает. – Просто наберись терпения и дай мне все закончить, пока не рассветло. Сказал же, часть куша твоя.

– Нет уж, подожди, – сторож почувствовал, как из его пытаются втянуть в какую-то аферу, и начал выходить из себя, – ты впутываешь меня в свои мутные махинации, и я даже не буду знать, ради чего?

Стараясь казаться спокойным, Ник пожал плечами.

– Ради денег.

– Мне это надоело, – он выбросил сигарету, не докурив, и снова вытащил телефон. Ему с самого начала не нравилась вся эта ерунда с липовым надгробием и куда более странным «гробовщиком». А теперь этот жулик еще и вздумал водить его за нос. Так не пойдет.

Ник замер. Понимая, что у него нет другого выхода, кроме как выложить все карты, он швырнул лопату и признался:

– Хорошо, черт бы тебя побрал! На диске нацарапан код от моего личного сейфа, который желательно открыть по-тихому. Точнее на обложке, внутри. Без него никакого тебе вознаграждения.

«Блюстителю закона» хмыкнул, самодовольно ослабилась и сунул телефон обратно в карман. Теперь он знал: даже если парень лжет, он в любой момент может покончить с этим.

– Ладно уж. Посмотрим, что ты там нароешь. – Он бы снова закурил, не будь предыдущая сигарета последней. Вместо

этого пришлось кинуть в рот жвачку. – А знаешь, от травы я бы тоже не отказался.

Ветер подул с такой силой, что вдалеке послышался скрип гнущихся деревьев. Ветви вязов заскрежетали по заплаткам забора, как сотни смычков в каком-то дьявольском оркестре. Что-то похожее испытывал на душе Ник, но решил во что бы то не стало не подавать виду. Если и изливать душу, то уж точно не этому типу.

– Не уверен, оставила ли заначку Эмми. – Фальшиво улыбнувшись, он снова взялся за работу. – Зная свою жену, скорее всего она посчитала, что в загробной жизни трава мне не понадобится. Она вообще не верит во всякие штуки вроде жизни после смерти. Вот и нашла себе работенку по духу.

– И кем она работает? – В тоне сторожа не чувствовалось вовлеченности. Складывалось впечатление, будто он просто ждет, пока парень выроет гроб, чтобы убедиться в его адекватности или в том, действительно ли ему что-то светит. Если же в гробу окажется труп или что-то вроде того, он задержит отморозка на месте и вызовет копов. А пока, пустая болтовня – неплохой способ скоротать время.

– Судебным экспертом. – Ник накинул плащ обратно, чувствуя, как с каждым дуновением становится все прохладней. – Впрочем, я бы не сказал, что есть работа для атеистов, а есть для агностиков или верующих. – Он осекся, но не потому, что сказал ерунду (ему было точно так же плевать, что говорить, как и его слушателю – что слушать) – внезапно по-

гасший фонарик сбил его с толку. Показалось, будто мистическим образом его задул поток ветра. Но куда больше его смутила сама эта мысль, словно мрак начал играть с его рассудком злую шутку.

Сняв фонарик с ограды, он несколько раз щелкнул кнопкой – тщетно. Тогда сторож включил и протянул ему свой, который успел заметно потускнеть. Но все же это было лучше, чем ничего.

– Не думаю, что род занятий играет роль в том, веришь ты во что-то или нет. – Сказал парень, вешая фонарик за шнурок к прутьям.

– Если только ты не священник.

– Тоже мимо. Сомневаюсь, что священники сами верят в то, что говорят.

Ник ухмыльнулся, но Финн этого не заметил. Он смотрел в беззвездное небо и ловил себя на мысли: все это не к добру. Нет – в том, что не видно звезд, не было ничего странного. С самой его бездонной мглистостью, казалось, было что-то не так: словно она стала продолжением непроглядного липкого мрака, обволакивающего это место со всех сторон. А еще – словно от него точно так же начало веять могильной сыростью.

– А кем ты работаешь, если не секрет? – Прервал минуту молчания сторож и подумал: возможно ему в самом деле интересно узнать, какой род занятий у этого парня с железными нервами.

– Тоже судебный... эксперт... – Вдохнув клубы пыли, он закашлялся. Затем поправил перчатки и продолжил. – Вернее, был им. Жена помогла устроиться. А теперь весь стаж и пригретое местечко в трубу.

– Значит, копались с женой в трупах?

– Нет, – отбросив еще одну тяжелую глыбу, он снова остановился перевести дыхание, – судебный эксперт не то же самое, что судмедэксперт. Многие путают эти понятия. И больше всего меня добивало их приравнение на встречах выпускников. Ну знаешь, когда каждый встает из-за стола и говорит, чего успел добиться. А потом все напиваются, и к концу вечера ты понимаешь, что все твои объяснения никому нахрен не сдались, когда один из них говорит: «Эй, судмед, сфоткай, типа я живой!».

Финн несколько раз кашлянул, но не от пыли, а потому что «пересохло в горле» – так он любил говорить жене, когда его, как и любого курильщика со стажем, одолевали приступы кашля. Он решил: как только все закончится, сразу же навестит ее в противоположном конце этого места, которое чем-то напоминало ему гигантский пруд – продуваемый ветрами снаружи, но тихий внутри.

Такое сравнение всегда казалось ему чересчур сопливым, но Сюзен оно нравилось. Однажды, сидя на крыльце и читая гороскоп (ее знак зодиака был «Рыбы»), Сюзен в шутку попросила кремировать ее после смерти, «чтобы не идти на корм своим собратьям». И хотя он не сразу уловил всю соль

шутки (гороскопы занимали далеко не первое место в мировоззрении Финна), его ответ оказался как нельзя в точку: «Знаешь, погасшие звезды не горят».

Теперь она осталась там, на крыльце его памяти, где все так же светло и тихо. А он – здесь и сейчас, в сыром полумраке кладбища, между тухнувшим фонариком и каким-то хитрым сукиным сыном, который даже его сумел подкупить. Знать бы только, что он говорит правду...

– Хорошо, а как ты так сделал, чтобы все посчитали тебя мертвым? – Сторож пытался держаться непринужденно, но все равно казался подозрительным. – Вдруг я тоже так захочу.

Ник этой подозрительности не уловил, поэтому списал вопрос на простое любопытство. Продолжая отшвыривать куски земли, он ответил:

– Я и сам не рассчитывал на такую удачу. Меня отправили в командировку в Сильвергарден, на подтверждение допуска к работе. Не люблю поезда, а самолеты не люблю еще больше. Но не потому что это опасно или еще что-то в таком духе... Говорят, вероятность погибнуть по дороге в аэропорт в сто раз больше, чем разбиться на самолете.

– И ты выбрал поезд.

– Да, и скоро пожалел об этом. Точнее не пожалел, а... в общем, до меня не сразу дошло, что это нереальная удача. Мне жаль всех тех людей, которые погибли во время аварии и все такое. Но с другой стороны, катастрофа на Скитсе –

мое спасение по жизни.

Финн посмотрел в пустоту, как если бы проматывал что-то в голове. Нику показалось, будто он пытается понять, куда вдруг делся ветер, который резко затих. От внезапно нависшей тишины ему начало становиться не по себе – словно пространство за оградой сжалось и стало плотным как вода, напоминая о недавно пережитом кошмаре.

– Это когда пара вагонов слетело в реку, да? – В памяти сторожа стали всплывать вырезки из новостей. – Кажется, погибло одиннадцать человек или около того.

– Четырнадцать, не считая меня. – Тогда, вчитываясь в каждую сводку, парень узнал про еще четверых, которые скончались в реанимации. – Ты даже не представляешь, с какой скоростью я сообразил залечь на дно. Говорят, в стрессовых ситуациях мозг работает быстрее. Думаю, это было именно оно.

Помотав головой, Финн замолчал. Затем, не отрывая взгляда ни то от прутьев ограды, ни то от черной мглы за ними, снова заговорил:

– Но что же заставило тебя так поступить с близкими?

Лопата уткнулась в крышку гроба. Ник понимал, что не сможет проломить такой массивный кусок дерева. Но и рыть траншею по всей его длине не собирался: поперечная щель, в которую сразу угодило острие, говорила о том, что крышка двустворчатая. А значит, оставалось немного продлить яму по направлению к надгробной плите, и сделать ее не меньше,

чем в метр шириной – чтобы было куда откинуть створку.

– Никто не плакал по мне, будь уверен. – Постучав кончиком лопаты по крышке, продолжил Ник. – У меня не осталось близких, которых мой уход тронул бы до глубины души.

Шагнув вперед, сторож нагнулся, чтобы посмотреть, сколько еще осталось. Его тень проплыла по могильной плите, как облако по лунному диску.

– А жена? – Вернувшись к ограде, он оперся о калитку.

– Я уже упоминал про мозгоправа? – Парень искривился от очередного импульса боли, затем ухмыльнулся.

– Ты их застукал?

Шуршание лопаты дополнилось глухим царапаньем крышки. Наблюдая за движениями «гробовщика», Финн подумал: тяжелым трудом тот занимался редко, может даже впервые. С другой стороны, его неловкость могла объясняться усталостью. Да и много ли кому приходилось среди ночи копать могилу?

– Не просто застукал, – прокашлявшись, он продолжил, и теперь ухмылка исчезла с его лица, – долгое время я планировал похоронить их живьем вместо себя. Прямо как в той киношке про поехавшего владельца строительной компании. Помнишь?

Не понимая, о каком фильме идет речь, сторож тем не менее кивнул. А когда представил сюжет чего-то такого, что было бы похоже на ситуацию бедолаги (или счастливица – он все-еще не мог решить, как к этому относиться), улыб-

нулся и добавил:

– Идеальное убийство – это то, которое совершено «мертвецом».

Взглянув на собеседника, парень натянуто улыбнулся в ответ:

– Вот именно.

Фраза эта прозвучала одновременно с грохотом вдалеке, словно что-то гигантское ударило в забор. Не подавая виду, Финн решил: рухнул старый клен, который уже давно стоял иссохший до глубины корней. Ник же подумал, что это сорвался с ручника и влетел в ограду его «форд», который он оставил примерно в том районе. Но каждый поймал себя на мысли: на самом деле это могло быть что угодно. Может даже нечто такое, о чем они и не подозревают...

– Я сразу понял, что ты псих. – Нарушил повисшую тишину сторож, возвращаясь к их разговору. – Мне бы и в голову не пришло ничего такого, а ситуации бывали разные.

– Будь я псих, ты застал бы меня с парочкой расчлененных трупов. Как видишь, здравый ум возобладал.

Оба поглядывали теперь в ту сторону, откуда донесся звук. Долг предписывал Финну сходить и проверить, что послужило источником шума. И наверное он бы так и сделал, если бы не «держал сейчас под арестом» этого парня. Так и есть: подозрительный тип сбежит, стоит ему отвлечься, а за периметром не произошло ничего такого, что стоило бы его внимания. По крайней мере, так он себя убеждал.

– Но неужели измены жены достаточно, чтобы полностью перечеркнуть свое прошлое, забыв о друзьях, коллегах и всем том, чем ты раньше жил? – Не прекращая быть на чеку, продолжал выпытывать сторож.

– Разумеется, нет. – В тоне Ника ощущалось, как он ожидал подобного вопроса. – Еще я задолжал одним типам, которые живого из-под земли достанут. А вот мертвого не тронут.

Ветер снова подул, и на этот раз сильнее. Брезентовый чехол вместе с ветками потащило в другой конец решетки, где гнилыми лохмотьями свисали остатки сорняков. Фонарик на прутьях задрезбезджал и несколько раз моргнул, почти так же зловеще, как свет в иллюминаторе тонущего корабля.

Финн поймал себя на мысли, что меньше всего хотел бы, чтобы грохот вдалеке повторился. Случись это снова, он больше не смог бы подобрать ему рационального объяснения. И тогда придется идти прямо туда, чтобы во всем разобраться. А кто знает, что за напасть ждет его за забором...

– А кстати, зачем так ухищряться, скрывая сейф даже от жены? – В голосе сторожа чувствовалась отстраненность, словно он продолжал прислушиваться к темноте за забором. – Ты ведь поэтому не хочешь взламывать его в открытую?

– Тебя действительно это волнует? – Ник казался не менее взвинченным с того самого момента, как услышал удар. Но куда больше его заботило другое... – Говорю же, ты гаранти-

рованно получишь свою долю хрустящими и ничем другим. Если, конечно, будешь держать язык за зубами.

– Я хочу быть уверен, что ты не втягиваешь меня в какое-то отбитое дерьмо. – Финну пришлось говорить громче и отвернуться от сильного порыва ветра, взметнувшего облако трухи и пыли: кусочки ветоши закрутило и подбросило вверх, словно пух истлевшей перины.

Дождавшись, когда пылевой вихрь стихнет, парень произнес:

– В сейфе хранится фамильная ценность, слишком личная, чтобы я поделился ею с женой. Я собираюсь ее продать, вот и все.

Спустя минуту Ник закончил расчищать одну из створок. Но та все еще не поддавалась, и скоро он догадался, почему: за время, сколько гроб пролежал в земле, железные петли крышки наверняка закостенели, проржавев насквозь. Предстояло их расшатать.

Парень выбрался из ямы и обтрусился. Затем снял фонарик с прутьев, чтобы посветить поближе и посмотреть – быть может, причина кроется в другом. И как только тот оказался в его руках, пучок света погас.

Звук повторился.

Чувствуя, как шевелятся волосы на затылке, и как мгновенно пересохло во рту, Финн понял: оно стало ближе. Что бы это ни было – пусть даже упавшее сухое дерево или какая-нибудь опора столба – сама сущность, стоявшая за эти-

ми проявлениями, явно приближалась...

Он снова подумал о Сюзи. Перед тем, как ее убило током, с домом начала твориться всякая чертовщина: сперва с потолка в гостиной сорвалась люстра, которая провисела ни много ни мало шесть лет. Затем от урагана надломилась и рухнула ветка тополя, проломив крышу и разбив окно на мансарде. И хотя Финн всегда пытался мыслить рационально, в те дни ему подумалось: все это происходит не просто так. Словно какая-то не поддающаяся логичному объяснению сила витала в воздухе, предупреждая о грозящей беде.

Казалось, так было и сейчас.

Ника этот звук поверг в не меньший ступор, заставив проматывать в уме самые зловещие причины его возникновения: от угоняющих машину ублюдков до аномалий природы или даже неведомых сил. Но желание завершить начатое было куда сильнее, чем страх потерять машину или что бы там ни было еще...

– У тебя на телефоне есть фонарик? – Он постучал по батарейкам, прекрасно зная, что это не сработает.

Финн достал телефон, и через мгновение могилу осветил холодный яркий свет. Ник еще раз осмотрел крышку, и не заметив ничего странного, принялся выламывать ее лопатой.

Видя, как долго парень возится со створкой, и понимая, что так они проторчат здесь до утра (*если только останутся живы*), сторож выхватил лопату и шагнул в яму. После нескольких налеганий и ударов он почувствовал, как крыш-

ка стала податливой. Тогда, отложив лопату, он зажал телефон под подбородком и начал отгибать ее руками.

– Давай я посвечу. – Недолго думая, Ник взял у него телефон и направил пыльный луч света в яму.

До этого момента Финн был уверен, что ему показалось. Но нагнувшись к гробу, он теперь ощущал отчетливо: из-под крышки несет гнилью. Похожий запах он чувствовал, когда нашел в подвале дохлую крысу, которая залезла в старый холодильник и из-за захлопнувшейся дверцы не смогла выбраться обратно. Все стенки были исцарапаны когтями, но злой рок беспощадно держал ее в своих тисках, обрекая на смерть.

Сейчас, уловив трупный запах и складывая всю картину воедино, он ощущал себя в таком же холодильнике, дверца которого вот-вот захлопнется...

«И это не потому, что ты идиот. Ведь только идиот мог повестись на всю ту хрень, которую заливал тебе в уши падалыщик. И пока на твоих глазах он рыл твою же собственную могилу, ты развешивал уши, слушая про деньги, и строил дворцы из песка. Хотя нет – «песочные замки» из дерьма. Вот что ты делал – переминал дерьмо, которое лилось тебе прямо в мозг. Да еще и потусторонние силы приплел, от страха. Ведь чем еще объяснить собственную глупость, как не копошащимися на подкорках демонами? А сейчас ты спрашиваешь себя, почему ты такой идиот? Да по той простой причине, что даже эта мысль тебе слишком сложна. По

той простой причине, что ты даже не можешь переварить такую плоскую, как двери, такую сплюсненную, как твой жалкий умишка, мысль: все кончено.»

В руках Ника теперь был не только телефон, но и лопата. А когда сторож оказался в яме и замер в ступоре, маньяк понял: удобнее случая не представится. Сейчас или никогда.

В такие моменты его сердце начинало колотиться как перегретый поршень, ладони потеть, а руки лихорадочно дрожать. Но, несмотря на это, итог порыва всегда оказывался ювелирно точным. Так произошло и сейчас: лопата будто сама впиалась сторожу в шею, густой струйкой хлынула кровь. Еще удар – и безжизненное тело Финна рухнуло на могилу, покрывая крышку гроба алыми подтеками.

Он даже не успел вскрикнуть. Лишь посмертный булькающий хрип просочился сквозь его гортань вместе с пузырьками крови. И звук этот был настолько же слабым, насколько и коротким. Таким же, как мысль, которая в этот момент пронеслась в голове Ника: «Ничего такого. План не меняется. Просто эта могила станет не двойной, а тройной.»

На самом деле эта мысль вовсе не утешала его.

Во-первых, любой сыщик теперь мог связать исчезновение вдовы, ее любовника и сторожа на кладбище. И не нужно прилагать особого ума, чтобы выйти на пропавшего без вести мужа. Придется не просто удирать из страны, а делать это молниеносно, молясь всевышнему на каждом дорожном посту.

Во-вторых (и в этом заключалась уже серьезная загвоздка), следовало покончить с «третьим элементом мозаики». Если он правильно понял природу недавнего грохота, Эмили не только выбралась из багажника, но и успела разобраться в управлении (или почти разобраться). Оставалось надеяться, что она лежит на руле с разбитой головой, потеряв сознание. Или что на забор упало сразу два сухих дерева, как бы глупо это не звучало.

В-третьих, гребаная мать ее зубная боль черт бы побрал его трусливую натуру неужели так сложно было сходить к врачу...

Ник подобрал фонарик, который конечно же не разрядился. Свет был слабее, но батареею телефона следовало беречь. А еще следовало найти более неприметный путь к месту, где он оставил машину. Разумеется, никакая встреча со сменщиками ему больше не грозила, но он собирался застать Эмми врасплох, если она еще там. Поэтому лучшим путем представлялось добраться до калитки рядом с будкой, выйти на прямую и пойти вдоль забора.

По дороге он думал, как глупо было оставлять Эмили в живых. Идея похоронить ее не убивая пришла спонтанно. Особого удовольствия доставляла мысль, что последние часы жизни она провела бы в объятиях мертвого любовника. А теперь вполне могло оказаться, что она уже далеко. И что еще хуже – с минуты на минуту здесь будут копы.

Еще он думал о том, что история с сейфом могла показать-

ся сторожу выдумкой, особенно в последние минуты жизни. Но уж в этом плане – и нужно отдать ему должное – Ник был честен с ним. До последнего слова он говорил правду, умолчав лишь об одном: это не первый его визит на могилу, и вместо кучи хлама внутри уже давно лежит труп мозгоправа.

Совсем скоро Ник убедился в своей правоте – на том месте, где он оставил машину, в заборе была вмятина. Под кустами валялся кусок бампера и куча блестящих осколков вперемешку с примятой травой, а чуть дальше – возле рухнувшего на забор клена – лежал номерной знак. Самого же «форда» поблизости не оказалось, и от этого он пришел в настоящую ярость.

Но не потому, что Эмили безнадежно удрала, и теперь, возможно, он до нее не доберется. Причина была посерьезней «брачных игр»: на заднем сиденье лежали все его вещи и фальшивые документы. В том числе диск Сида Барретта, который он достал из собственного гроба, избавляясь от тела «мозгоправа».

«И теперь мозгоправ понадобится тебе самому» – засел в его голове голос сторожа, язвительный и хриплый, и казалось, поселившийся там навсегда...

Эмми к этому моменту выехала на дорогу, с тушью на щеках и следами веревки на запястьях. В динамиках играла одна и та же песня, которую Эмми прокручивала снова и снова, и слова которой знала наизусть. Она вполголоса подпевала,

а потом умолкала и пыталась понять, как же ей так повезло сбежать из ночного кошмара.

Эмили пыталась, но не понимала.

2

Вкус крови во рту. Запах бензина.

Неужели этого не достаточно? Неужели тебе нужны другие доказательства сраной реальности происходящего?

Если да, попробуй пошевелить онемевшими руками, чтобы почувствовать, как их наполняет стекловатный кипяток боли. Или упереться ногами в противоположную стенку багажника, заставив черноту пространства сжаться еще сильнее. Тогда не останется сил даже на вдох, но ты хотя бы будешь знать, что это не гроб.

Пока что.

А кстати, где гарантия, что восставший-мать-его-мертвец не закопал тебя вместе с «фордом»? Ему крышу снесло окончательно, и такой расклад более чем вероятен. Да и вырыть яму размером с седан в том состоянии, в каком он пребывал – уж точно ничего не стоит. Тем более, ты не знаешь, как долго находилась в отключке, и что еще хуже – как давно он начал все это планировать. Может, больной маньячина приноровился, отыскав подходящее место и заранее подготовив

траншею, чтобы просто скатить в нее машину и присыпать землей. В конце концов, разве не могильный запах просачивается во все щели багажника?

И ради всего сущего, НЕ ВЗДУМАЙ КРИЧАТЬ. Тебя никто не услышит, кроме сама знаешь *кого*. Автомобиль стоит на месте, а значит, вокруг нет ни одной живой души – никого, кто мог бы откликнуться на твои крики, прийти на помощь или хотя бы оглянуться в твою сторону, чтобы пораскинуть мозгами и задуматься, что что-то здесь не так. Потому что твой отбитый на всю голову муженек уже давно тебя привез – сама знаешь *куда*.

Дыши. Дыши глубже. Но – девятнадцатирогий черт тебя раздери – веди себя как можно тише. Не подавай виду, иначе не останется времени как следует все обмозговать: едва психопат поймет, что ты очнулась, он вытащит тебя из багажника и начнет издеваться, пока не прикончит. Большой наркоман и так планирует это делать, но вдруг он решил подождать, пока ты сама не придешь в себя?

Или может (гребаных чудес не бывает но все же) он вырубился и заснул – упал где-нибудь на руле или в своем дешевом хламе на заднем, между пакетом травы и диском Сида Барретта. А твои бессмысленные вопли только разбудят его, вернув к жизни говноопухоль под названием «справедливое возмездие». И тогда уж точно пиши пропало – если, конечно, можно так сказать в ситуации, в которой и так все дерьмовей некуда.

Так что взять себя в руки и не шуметь – лучшее, что ты можешь сейчас сделать. Разумеется, пока не придумаешь что-то еще – например, повернуться на бок и прижаться спиной к противоположной стенке багажника, где торчит железный ободок панели. Он тупее монтировки, что давит тебе в ребра, но маникюром ты точно веревку не перережешь. Не говоря уже о том, чтобы развязать впивающийся в запястья узел, до которого ты и мизинцем-то едва достаешь.

Вот видишь – стоило включить критическое мышление, и паника начала постепенно уходить. Еще бы избавиться от животного ужаса, от которого тебя всю типает. Странная штука: вроде ум более-менее сосредоточен, но тело так и бросает в дрожь. И сердце подскакивает, как будто внутри жаба, а в грудную клетку налили кипятка. Прямо как в той идиотской поговорке...

«Синдром лягушки в кипятке». Хорошая идиома, чтобы охарактеризовать последние годы твоей жизни, не так ли? Босс, который постепенно сплавил на тебя отчетную деятельность, покопавшись в должностных инструкциях и понаходив в них изъяны. Муж, забывший, что кроме работы есть еще и недостроенный дом с недосыпающей женой. Вы действительно хотите поговорить об этом, миссис Флитчер? или без лишней болтовни сразу дать вам пилюлю, за которой вы пришли?

Сраная веревка, сколько же нужно ее тереть?! Как будто это толстенный трос, на котором раньше болтался лифт! Еще

немного, и отвалятся руки, а в ней хоть бы волосок порвал-ся!.. Запястья уже синюшные, как у трупа, прям чувствую... Боже!

Успокойся, черт возьми. Попробуй еще раз, но теперь медленно. Я знаю, в подобной ситуации сложно держать себя в руках, но пойми: чем больше ты нервничаешь, тем реже попадаешь по одному и тому же месту. Тебе нужно не просто тереть отдельные волокна, а делать это с прицельной точностью – только тогда будет результат. И желательно надавливать посильнее, потому что...

Потому что в любой момент может вернуться Ник. Разумеется, он не валяется в отключке на водительском или на заднем, как ты себе нафантазировала. Он взял лопату и пошел на кладбище рыть тебе могилу, как и планировал с самого начала. А на это уйдет не столько много времени, сколько бы тебе хотелось.

И вообще – может быть, он прямо сейчас приложил ухо к багажнику и слушает, как ты мучаешься. А? В твоём умишке и мысли такой не возникало, а он расселся прямо на капоте и затих, дав тебе время побарахтаться в мухоловке и побиться головой об стенку. Убийца позволил жертве порефлексировать перед смертью, так сказать. Разве подобного не бывает? Где гарантия, что это не так?

А может, тебе нужна была эта взбучка? Может, это повод взглянуть на свою жизнь со стороны, чтобы хоть капельку призадуматься над простым как двери вопросом – не пора

ли выпрыгивать из кастрюли, пока вода в ней не закипела?

Вот только вода и не думала кипеть. Нет. Она мгновенно испарилась, и посуда твоей жизни скрутилась в бараний рог, накалившись докрасна – в тот самый момент, когда ты увидела на пороге Ника. И когда поняла, что он не погиб в нашуевшей на весь мир катастрофе, в которой наверняка должен был умереть. А если точнее – когда он сказал, как-го...

Твою ж мать! Этим ободком только в дерьме ковыряться! Я не смогу ее перерезать, не смогу! Почему здесь нет ножика? Разве не должен в багажнике валяться хоть какой-то кривой-косой-погнутый-задроченный НОЖИЧЕК?

Успокойся.

Вдох – выдох.

Еще раз: вдо-о-ох – вы-ы-д-о-о-ох.

Может, это последний шанс выбраться, которого у тебя могло и не быть. А теперь ответ: будем и дальше истерить, или попытаемся что-то сделать?

Конечно, здесь был нож – красный, швейцарский, со всеми прибабасами. Пока Ник его не перепрятал перед тем, как запереть тебя в багажнике. У него сдвиг по фазе, но это не значит, что он превратился в идиота. Скорее всего, наоборот – мозги у маньяков работают лучше, чем у простых смертных. Подумай сама: у него даже хватило ума залечь на дно и притвориться мертвым, только бы застать тебя врасплох с твоим новым дружкой. Так что тебе нужно о-очень

сильно постараться, чтобы обыграть его.

И прежде всего тебе нужно держать голову в ясном уме. Ободок тупее монтировки? Тогда дотянись до этой долбанной железяки и попробуй перерезать веревку об ее конец. Конечно, придется как следует изловчиться, но повернуться на бок тебе ведь удалось? В конце концов, другого выхода нет, и я не думаю, что есть смысл и дальше страдать ерундой с ободком.

Вот так, ты уже на полпути... Главное, не торопись, чтобы ни за что не зацепиться волосами. Помнишь, как в детстве ты играла с Элли, и вы закрывали друг друга в багажнике отцовской машины? У тебя были два коротких хвостика, но ты умудрилась зацепиться за отвисший кусок панели. Тогда ты даже со свободными руками едва смогла выпутаться, и то не без помощи Элли. А теперь представь, что будет, если...

Стоп. Что это? Неужели твоя заколка? Неужели это твоя гребаная маленькая цикадка? Да ее крылышками можно жестианки вскрывать! Черт! Неужто Ник такой идиот, что оставил ее в твоих волосах? И почему ты раньше на нее не напнулась?

Отлично. Веревку мы, считай, перерезали. Что дальше? Взять в руки монтировку, держать ее за спиной и ждать? Конечно, нет. Знаешь, почему? Потому что у него здоровенный блестящий кольт, которым он не побрезгует воспользоваться. А еще – потому, что теоретически можно откупорить багажник изнутри, вместо того, чтобы ждать, пока это сделает

скрутивший тебя подонок.

Только не радуйся раньше времени – это еще не конец. В любой момент Ник может открыть багажник и вытащить тебя за волосы... чтобы швырнуть в могилу и...

Господи! Ты можешь сосредоточиться на последнем шажке от свободы? Или тебе нравится лежать в гробу? Если так и дальше пойдет, последние минуты твоей жизни окажутся самыми идиотскими – с таким же успехом можно было просто лечь и не двигаться. Но ты выбрала путь бороться, пусть шансы и не велики. Поэтому будь добра – отбрось свой страх и сделай это чертово усилие – откупорь гребаную консервную банку, в которой сидишь.

Для начала нужно понять, что тебе вообще для этого предстоит сделать. Толкать крышку, полагаясь на то, что она не захлопнута – идея такая же безмозглая, как биться мухой об стекло: полный кретинизм, в котором даже самой себе стыдно признаться. Но попробовать стоило. Правда в том, что это было бы слишком просто, чтобы сработало. Хотя, если подумать – чем черт не шутит? Вдруг тебе хоть раз в жизни повезло, и она оказалась бы не защелкнутой?

Вот только сказочное везение, при котором все складывается как надо, сами по себе отпираются замки и все в таком духе – не тот случай. Реальность штука суровая, особенно когда лежишь почти что в гробу. Пора бы уже к этому привыкнуть, а не витать в иллюзиях и рассчитывать на не пойми что. Соберись, и придумай что-нибудь пооригинальней.

Во-первых, ноги тоже нужно развязать. Тут уж с узлом ты справишься, хоть он и тугой. Да еще и веревка тонкая, что только усложняет ситуацию. Но с другой стороны, будь она потолще, высвободить руки было бы сложнее – пришлось бы куда дальше повозиться, перепиливая ее металлическим крылышком. Может, к возвращению маньячины ты бы так и не успела ее перекромсать.

Во-вторых, нужно снова повернуться лицом к замку. Теперь уже сделать это будет не так сложно. Даже проще, чем под кроватью, когда тебе пришлось искать затерявшийся листок с номерком адвоката. Видишь, ты отлично справляешься. Еще одно усилие... вот так.

Осталась небольшая ювелирная работа – взломать замок. У тебя есть рычаг – монтировка. И есть что-то вроде хрупкой и острой отвертки – цикадка. Что еще тут завалюсь? Какой-то тонкий железный прут, наощупь похожий на деталь от сетки мангала. Кажется, он для того, чтобы вешать ее на крючок, хотя я не уверена. Плевать.

Еще на твоей тунике ремешок, и язычком от пряжки можно воспользоваться как отмычкой. Его даже не придется отламывать, хоть ты и не смогла бы. Жаль на тебе не «арбер», у тех босоножек пряжки потоньше. Хотя, толщина этой вполне должна подойти для...

Ты ведь даже не знаешь, для чего, а уже подбираешь отмычки. Нужно сначала снять заглушку и изучить механизм. Точнее, прикинуть все против и за, насколько удастся это

сделать наощупь. И потом – вдруг там все гораздо сложнее, чем в дверных замках? Тогда никакая хренова отмычка не спасет.

И вообще, ты так рассуждаешь, как будто когда-то взламывала замки. Да ты с окном спальни справляешься через раз, когда заедает ручка. А тут какая-то непонятная штука-вина, которую ты и в глаза-то не видела. И которую нужно взломать, причем сделать это вслепую, что...

Что за хрень? Нет, нет, нет, нет... Только не сейчас, нет...

Возьми монтировку. Руки за пояс, как будто они связаны. Спрячь веревку, иначе спалишься. Ноги тоже подожди.

А теперь, послушай: у тебя есть элемент внезапности, и это уже немало. Как только откроется багажник, выскользнуть вряд ли получится. Но когда Ник наклонится, чтобы вытащить тебя наружу, можно будет как следует врезать ему по голове. Или попробовать выхватить кольт, что тоже не так просто, как кажется. Только не дрейфь, умоляю, только не дрейфь...

И где же он? Неужели, слышалось? Звук был совсем рядом, Ник должен быть уже здесь. Почему его не слышно?

Похоже, пронесло. Если поблизости кладбище, это мог быть скрип калитки на ветру. Конечно, было похоже на удар лопатой об бордюр, но я даже не уверена, что здесь есть асфальт. Так что, скорее всего и правда слышалось.

Как бы там ни было, на месте Ника я бы приблизилась к машине как можно тише, чтобы застать жертву врасплох.

Вот почему ни на мгновение нельзя терять бдительность. А если учесть, что времени все меньше, ты давно должна была заняться чертовым замком, а не ковыряться в мозгах обдолбанного психопата! Хватит этого дерьма!

На чем мы остановились? Вот это отверстие, в которое попадает мизинец. Квадратное. Похоже на паз или что-то вроде того. Может, он и есть. Ни капли не проворачивается, долбанная хренотень. Как же больно...

Чем бы обмотать эту железяку? Туника не рвется. Можно ремнем, но его так не согнуть. Ремешок от обуви подойдет лучше. Так, одно мгновение... Идеально.

Теперь нужно как следует надавить. Только крути по часовой, тупица. Потому что ты открываешь его изнутри. Считай, здесь кроличья нора, и законы физики работают по-другому. Еще бы часы шли в обратную сторону, было бы кстати – отмотать пару минут и провести их с куда большей пользой.

Что такое, не получается? Может, не так уж сильно ты хочешь выбраться?

Наверное, ты заслужила то, что собирается сделать Ник. И не потому, что тебе не по зубам одно маленькое гребаное усилие. Вовсе нет. Ты заслужила быть заживо закопанной только потому, что – как ни горько это признавать – он прав: супругов так быстро не забывают. С самого начала Ник был тебе никем, но ты делала вид, что он для тебя все. Вот и получила в итоге бермудский треугольник, направленный

вершиной в задницу.

Можешь, конечно, утешать себя – мол, ты давно хотела ему обо всем рассказать. Но, как ни крути, истина проще: ты сама виновата во всем, что сейчас происходит. Полгода ты загоняла себя в могилу, отлично зная, чем все кончится. Полгода ты шла мелкими шажками к багажнику, чтобы залезть в него и лежать по дороге на кладбище. А теперь, когда катафалк омерзительной лжи докатился до конечной, ты удивляешься – как так получилось?

Вот так.

Конечно, Ричарду лучше знать, ведь он у нас мозгоправ. Наверное, ты подсознательно стремилась найти любовника, который умел бы копать в извилинах всяких психопатов. Вот только сейчас уже поздно раскладывать ситуацию на психоаналитический пасьянс – хотя бы потому, как...

Как? Это я или Ник? Это Ник! открыл замок с той стороны...

Почему тогда он не поднимает крышку? Отщелкнул, но не поднимает, почему?

Потому что у тебя получилось! ТВОЮ Ж МАТЬ! У тебя вышло – это ты откупорила ЧЕРТОВ ЗАМОК!

Что дальше? Аккуратно приподнять крышку и оглядеться. Затем – бежать. Изо всех сил. Как можно дальше. Не оглядываясь.

Или лучше за руль?

Ник догонит тебя в два счета, если заметит. Не бегом, так

на «форде» – не успеешь оглянуться. Прятаться по кустам тоже не вариант – твоя бежевая туника выдаст тебя с потрохами, даже не сомневайся. И уж наверняка худшим вариантом будет искать кладбищенского сторожа, которого Ник скорее всего вырубил. Остается последний вариант – надеяться, что ключ зажигания в замке или где-нибудь в салоне.

В пепельнице. Ничего не поменялось – только идиот будет класть сюда ключ. Наверное, он считает, что это один из способов бросить курить. Или черт его знает, что у него на уме. Мне эта предсказуемость только на руку.

Давай заводись, долбаный катафалк! Не надо этих дешевых трюков из ужастиков – у нас тут не нагнетание атмосферы! Ну же... давай...

Да!

Теперь аккуратно. Сто лет не была за рулем, да еще и с ручной коробкой. Да уйми ты чертову дрожь! мы же почти выбрались, осталось свалить отсюда со скоростью света! Или с какой там скоростью можно вылетать из кучи дерьма...

Кстати, увидишь ублюдка, сбивай его к чертям. Размажь по грунтовке, как червя. Я не шучу! Я убью его нахрен! Осто...

...рожно, твою ж налево, ты что, ослепла? Он же все слышал! Этот гребаный грохот невозможно было не услышать! Ты чуть не снесла ползабора, и если Ник где-то поблизости... да даже если он черт знает где – сейчас будет здесь. Сейчас он мигом...

...Да ты издеваешься? Второй раз! Кто тебя водить учил? Вырули на дорогу и вали отсюда, а не тарань забор! Пробиться на кладбище всегда успеешь, живучая чертовка.

Но желательно не сейчас.

Нет уж, точно не сейчас.

3

«Вот и все, Эмми-Мур» – крутилось в голове Ника, когда он вышел на дорогу и увидел приближающийся «форд», и когда Эмили поняла – это конец. Но ни Эмили, ни Ник в тот момент даже представить не могли, чем на самом деле все кончится...

Машина заглохла, продолжая катиться по склону, но это было не худшее. Хуже всего было осознавать, что она медленно приближалась к самому Нику Фитчеру.

Частицы гравия трещали под колесами, словно зерна под жерновами. У обочин стрекотали сверчки, а шорох ветвей на ветру превращал ночное шоссе в поистине жуткое место: будто заблудшие души предвещали о грядущей беде, но их хрупкой сущности хватало лишь на то, чтобы слегка колыхать кроны деревьев.

Эмили отчаянно крутила ключ зажигания, чертыхаясь и проклиная все на свете. Но сучья колымага и не думала заво-

диться, как если бы она оказалась посреди ночного кошмара. Наконец, она вдавила в пол педаль тормоза, хотя отлично знала: ни это, ни попытка бегства не спасет ее от ужасной участи – теперь, когда «форд» заглох, что бы она не делала, Ник настигнет ее в два счета, а в крайнем случае – застрелит.

Эмми вышла из машины – хрупкая, бледная и растрепанная, с тушью на щеках и кусочком запекшейся крови в уголке рта.

– Давай поговорим...

– Пора домой, Эмми-Мур. – Улыбнувшись и продолжая приближаться, проговорил Ник. – В твой новый дубовый дом, метр на два. Я уже все приготовил и готов провести тебя. По дороге и поговорим.

– Я не предавала тебя. – Все тем же сдавленным голосом продолжала Эмми, попятившись назад. – Я думала ты умер, и...

– И так сильно расстроилась, что сразу же забыла про меня?

– Нет. Я бы в жизни так не поступила, – она уперлась спиной в дверцу, – все это...

– Все это чушь. – Улыбка мигом сошла с его лица, уступив место гримасе ярости – так быстро, как это бывает с настоящими психопатами. – Ты сейчас что угодно мне скажешь. Но стоит ли твоя жизнь того, чтобы так отчаянно за нее бороться? чтобы врать, изворачиваться? придумывать на ходу всякую...

– Пожалуйста, послушай меня! – Взмолилась Эмми.

– Пойдем, и все расскажешь по дороге. – Ник был уже так близко, чтобы схватить ее за руку, но пока что не сделал этого. – Времени будет не так много, потому что идти мы будем быстро...

– Нет...

– Тут недалеко, да и рассветать уже начало. – Он посмотрел в бледнеющее небо, словно убеждаясь в правдивости своих слов. – Ты же не хочешь, чтобы кто-то тебя откопал? или, не дай Дьявол, опять заметил меня с лопатой у могилы? – Ник снова улыбнулся и, пожав плечами, добавил. – Сторож уже не помешает – он сделал все возможное, чтобы стать твоим соседом. Твоим с Ричардом.

– Ты...

– Я убил и его, все верно. Точнее, не убил, а «поселил» – чтоб тебе было не так скучно. – Ник выдавил издевательский смешок, опершись на дверцу. – Кстати, будешь с ним спать, советую заткнуть нос, потому что запах от него сейчас так себе. Финн подтвердит, если считаешь мое мнение предвзятым. А если хочешь...

Он не договорил: слова так и застряли в пересохшем горле, будто неведомая сила мгновенно сдавила его. То, что Ник увидел прямо перед собой, в каких-то двадцати-тридцати метрах от машины...

Это было невообразимо. Он мог поклясться, что представшая его глазам картина – не что иное, как галлюцинация.

Он был уверен: мозг играет с ним злую шутку, возникшую на почве недосыпа, стресса или черт знает чего еще. Жуткое зрелище никак не вписывалось в его представления о реальном мире, поэтому единственное разумное объяснение, которое в этот момент он принял за непреложную истину, и которое проглотил словно пилюлю – вместе с криком от ужаса и самым настоящим рвотным позывом – все это ему кажется.

Но как бы он не убеждал себя в обратном, все это происходило на самом деле: из кустов на дорогу выбиралось существо, напоминающее полуразложившийся человеческий труп, с отваливающимися гнилыми кусками мяса, грязи, ошметками кожи и расползающимися во все стороны личинками. Царапая когтями асфальт и загребая под себя мелкий мусор, оно вылезало из кюветной ветоши прямо на шоссе, как аллигатор из водоема.

Эмили не хотела оборачиваться. Возможно, это было самое разумное решение за последние сутки – ни в коем случае не смотреть в ту сторону, откуда доносится сухой нечеловеческий хрип вперемешку со скрежетом когтей. Но когда существо издало неистовый вопль, похожий на крики рептилоидных тварей из фильмов о доисторических временах – ее невольно передернуло, и пробежавший по телу холод заставил Эмили инстинктивно повернуть голову, чтобы взглянуть на грозящую ее жизни опасность.

И опасность эта была на лицо: тварь не просто выбралась на ровную местность, но стала на почерневшие от плесени

«ноги» и смотрела теперь прямо на нее. Испещренное червями тело сочилось слизью и издавало падальный смрад, доносящийся с потоками ветра, а налитые гноем глаза излучали что-то похожее на жажду крови у хищников, завидевших жертву.

Но куда ужаснее было то, чье именно тело оживила неведомая сила: несмотря на слой плесени и коросту гнилостных изменений, и Ник, и Эмили узнали в этой чудовищной сущности... Ричарда.

– Этого. Не может. Быть. – Едва держась на ставших ватными ногах, прохрипел Ник, и его тут же стошнило.

Вынырнув из ступора, Эмили тут же влетела в машину и захлопнула дверцу. И какой бы несусветной глупостью не казался этот поступок, приникнув к рулю, она на миг почувствовала себя в безопасности. А когда увидела, как свирепое нечто набросилось на Ника, поняла, что так оно и есть: пока оживший мертвец разделяется с «ожившим мертвецом», было время подумать.

– Ну же, – она стала нервно перерывать бардачок, понятия не имея, что ищет, – должно же быть хоть что-то.

И «хоть что-то» действительно попало ей под руку – это был тот самый огромный серебристый кольт, которым угрожал ей Ник, когда впервые напал на нее. Но почему он оставил оружие в бардачке? Не логичнее ли было взять его с собой на кладбище, зная, что в этой же машине ты оставил жертву?

Эмили открыла барабан – пусто. Револьвер не заряжен, и более того – нигде в машине не нашлось ни одного патрона. И мысль эта едва не свела ее с ума – выходит, Ник все время угрожал ей пустышкой.

В окно брызнула кровь. Мелькнула когтистая лапа с намотанными на нее ошметками внутренностей. Раздался сильный глухой удар, от которого машина качнулась. Сердце Эмили ушло в пятки.

Она стремглав перебралась на пассажирское сиденье, зацепившись за рычаг и подвернув лодыжку. Последовал еще удар, и на этот раз дверца погнулась. Существо ломилось в машину, и ему ничего не стоило выломать дверцу. Следующий удар сорвал бы ее с петель.

Эмили чувствовала себя в консервной банке, которую вот-вот откупорит нечто, желающее разорвать ее на куски – точно так же, как оно поступило с Ником. На миг ею даже овладело чувство жалости – той, которую испытываешь к любому живому человеку, каким бы он ни был. Но в следующее мгновение все человеческое в ней улетучилось, и остался лишь всепоглощающий животный страх – перед неминуемой смертью.

Дверца отлетела в сторону. Человекоподобное чудовище завопило и ринулось внутрь. На панель попадали опарыши, в руль уперлась скользкая костлявая лапа. Вторая потянулась к Эмили – мерзкая, пещеристая, с растопыренными пальцами, напоминающая отвратительное коренистое растение.

«Это конец» – только и успела подумать Эмили...

...перед тем, как сделать то же, что делал Ник с помощью незаряженного револьвера – она сняла с волос «цикадку» и выставила перед собой – с таким видом, будто эта дешевая стальная штуковина самый настоящий серебряный оберег. И точно так же, как Эмили верила в то, что револьвер заряжен – сейчас она всем своим существом пыталась поверить в то, что заколка спасет ее...

Цикадка Эмми и Небермудский квадрат: женщина убила мужа, любовника и кладбищенского сторожа

Сегодня утром страшную находку обнаружил водитель фуры: неподалеку от Морриганского кладбища посреди шоссе найден «форд», вокруг которого были разбросаны фрагменты тел двух человек, с разной степенью разложения. Останки удалось опознать – это оказались тела Ника Фитчера и Ричарда Грина, пропавших жителей Сильвергардена. Третью жертву нашли на самом кладбище, рядом с раскопанной могилой – это был кладбищенский сторож Финн Долан, находившийся в эту ночь на смене. Всех троих убила Эмили – законная супруга Ника Фитчера.

Ник Фитчер долгое время числился пропавшим без вести, после чего был признан погибшим в железнодорожной катастрофе. Ричард Грин исчез и не появлялся на месте жительства более месяца, что стало поводом к подозрению в

убийстве. В ходе расследования установлен факт совместного проживания Эмили и Ричарда, что пролило свет на картину событий: месяц назад во время бытового конфликта женщина убила сожителя, после чего избавилась от его тела, спрятав в пустой (условной) могиле мужа. Затем, когда ей стало известно, что ее супруг не только выжил в катастрофе, но и вернулся в город, она убила последнего и решила избавиться от его тела аналогичным образом. Воплощая задуманное, Эмили была замечена кладбищенским сторожем, что и послужило мотивом к третьему убийству. Подробности всех трех эпизодов устанавливаются.

Неоспоримым остается тот факт, что «Цикадка Эмили» не только жестоко и хладнокровно лишила жизни трех человек, но и придумала изощренный план «на случай ее поимки»: она извлекла из гроба полуразложившиеся останки Грина и расчленила вместе с телом Фитчера, разбросав вокруг заглохшего автомобиля, чтобы изобразить картину собственной психической невменяемости. Однако шериф ее невменяемость под сомнения не ставит, подчеркивая вместо этого дерзость и изворотливость злоумышленницы.

«Ее история про зомби да заколку в виде цикады, – говорит Дэн Кроу, шериф Сильвергардена, – конечно, мы обязательно проведем психиатрическую экспертизу. Однако лично у меня не возникает никаких сомнений, что она сама в нее не верит».

Ироничным является то, что по словам Эмили Фитчер,

именно силой веры она выпуталась из истории про «ожившего мертвеца». Что ж, остается верить в справедливость судебного решения.

Сильный ветер затянул небо дождевыми облаками до самых краев, отчего утро выдалось необыкновенно мрачным. В воздухе витал запах надвигающейся грозы, издалека доносились едва различимые, но внушительные по своей мощи раскаты грома. Над кладбищем низко чертили птицы.

Шериф Кроу – худощавый тип в коричневом пальто, с широкими плечами и не сходящей с лица ухмылкой – стоял над могилой и наблюдал за тем, как криминалисты достают и упаковывают по пакетам содержимое гроба: чашка со знаком «Весы», зажигалка «Zippo» с нацарапанным на корпусе пацификом, полуистлевший альманах мистических рассказов, брелок в виде Эйфелевой башни...

– А это что за ерундовина? – Процедил он, увидев в руках эксперта что-то вроде медного медальона с непонятными закорючками-символами.

– Это было на самом дне, под подушкой. – Эксперт прищурился и повертел загадочную штуковину в руках, рассматривая ее со всех сторон. – Похоже на миниатюрную версию «календаря мая». Наверняка какой-то дешевый сувенир от близких этого... Ника Флетчера.

– Дай-ка я посмотрю. – Кроу протянул руку, после чего эксперт, увидев то же, что привлекло внимание шерифа, ак-

аккуратно положил предмет ему на ладонь.

Шериф присмотрелся и понял, что ему не показалось: медальон целиком покрывала пленка засохшей крови, а по центру – поверх изображения черепа в похожем на ананас головном уборе – виднелись четкие следы от когтей. Все это смотрелось настолько странно, что по спине эксперта пробежал холодок, а к горлу подступил сухой комок.

Дэна же находка впечатлила не так сильно, но и он мог поклясться, что ощутил нечто странное, когда вещь оказалась в его руке: словно он держал древнейший артефакт, который повидал тысячи или даже десятки тысяч жестоких жертвоприношений. И чем дольше медальон находился в его ладони, тем сильнее им овладевало чувство, что эта безобидная на первый взгляд штукавина – не что иное, как реликвия, побывавшая на множестве алтарей, прошедшая через несчетное количество обрядов и впитавшая в себя боль и страдания каждой несчастной жертвы.

Не подавая виду и продолжая казаться невозмутимым, он аккуратно положил медальон в конверт, хладнокровно улыбнулся и проговорил:

– Отправим на биологию. Не удивлюсь, если на ней окажется еще чья-нибудь кровь.

Над могилой крикнул ворон.

Красный кафель

28.02... вроде. У меня даже часов нет, но по ощущениям как-то так. Две недели точно прошло. Будем считать, что я начала вести этот дневник в свой день рождения. Так что happy birthday to me⁶

(В ходе расследования установлено, что первая запись сделана 24.02)

Если вы когда-нибудь решите убить кого-то и растворить труп в ванной – подумайте сто раз, прежде чем сделать это. Человеческое мясо потрясающее лакомство. Пока что я пробовала его только с солью, но готова поспорить, что в приготовленном виде оно не оставляет шансов ни свинине, ни говядине. Скажу больше – это лучшее, что я когда-либо ела. М-да.

А все благодаря «счастливому» случаю. Вы верите в карму? Я – да. Не плюй в яму, как говорится. Или не рой колодец другому. Хотя к черту всю эту бредофилософию теперь! Конечно, это просто совпадение. Убивайте всех подряд, делайте что хотите, вот мое напутствие. Live fast die young⁷.

---

⁶ «С днем рожденья меня» (пер. с англ.);

⁷ «Живи быстро, умри молодым.» (пер. с англ.) – неофициальный лозунг части представителей рок-музыки и панк-субкультуры.

Чикатило убил сколько? Шестьдесят человек? А потом из-за него же пятерых расстреляли – просто потому, что оказались не в том месте. И возмездие так сразу его и настигло! ну да... Или у Шипмана была договоренность с Люцифером, с пунктиком про везение? А у Джона Гейси – с его-то подвалом, под завязку набитым трупами – вселенский контракт насчет слепоты окружающих его копов? Я убила всего-то одного ублюдка, и то случайно. Мне эта кара чтобы я раскаялась? Хрен там, космические силы! Я ни капли не жалею.

А землетрясения в нашем брэнном мире периодически случаются. И дома некоторые сделаны через задницу, неоспоримый факт. Так что в моей ситуации мог оказаться любой, кого занесло в ненужное место и в ненужное время. С другой стороны могло быть и хуже, если учитывать, что все остальное здание в хлам (судя по чудовищному грохоту в момент сейсмических толчков, от дома осталась одна только ванная).

Мне даже повезло, что я переборщила со снотворным. И что этот бугай отдал концы именно здесь, пока принимал душ. А еще мне повезло, что сейчас зима, и вода из крана течет ледяная. Если вовремя ее обновлять, из ванной можно сделать импровизированный холодильник. Еще добавляю морскую соль (благо в тумбочке ее оказалось навалом). Знаете, сколько можно протянуть на одном человеческом теле, при условии, что оно не портится? Вот и я не знаю. Но уже чувствуется, как двадцать восемь гребаных робинзонолет.

Очередная свечка почти кончилась, нужно экономить: кто знает, как долго я здесь еще проторчу. Ладно, пора спать. Что лыбишься, Пятница?

29.02 – отключаюсь надолго – значит, прошел день. Такие правила

Расскажу немного о себе (насколько хватит свободного кафеля, в промежутках между моей бесценной мазней). Я студентка М. института, которая мечтала работать окулистом в какой-нибудь престижной частной клинике. И которая любит легкие деньги, конечно же. Точнее любила, пока жила в свободном пространстве по ту сторону двери. М-да, «Пилу 10» можно уже не ждать.

Мой компаньон – четвертый по счету состоятельный тип, которого я собиралась обчистить. Те трое, похоже, получили по заслугам, раз дрожь земная настигла меня только сейчас. А может, отдуваюсь за все случаи разом. Не знаю, и вряд ли хочу знать.

Вентиляция завывала, прямо в тему. Потусторонние силы. Духи предков.

Даже не знаю, почему я выбрала офтальмологию. Наверное, потому что не видела перспектив в других сферах – с учетом того, как быстро глазные болезни набирают оборот. Проще сказать, почему я вообще решила пойти в медицину: предки всю жизнь носили белые халаты, вот и меня втянули.

А еще мне нравится Клятва Гиппократата, особенно пунктик про эвтаназию (нет).

От запаха этих дешевых аромасвечей уже тошнит. Но и сидеть в полном мраке тоже не хочется. Сдались тебе эти свечи? Не мог заpastись обычными? Впрочем, запах сырого мяса не лучше, так что...

Кроме свечей и морской соли в шкафчике еще есть одеколон (лучший подарок судьбы – может, без спирта я бы так и не решилась на первый шаг ради выживания). И косметика. Похоже, жил с кем-то. Эй, бывшая, не хочешь прийти в гости?

Свечки тусклые, но несколько зажигать не хочу – экономлю. Мне даже нравится этот полумрак: если подключить каплю воображения, я почти что в гробнице Рамзеса Четвертого. А вот и сам правитель, собственной персоной. Да и мои настенные письма добавляют схожести. Мечты сбываются: давно хотела побывать в Египте.

Еще я открыла в себе талант художницы, насколько хватило палитры в косметичке. И кулинарные наклонности, которым Пьер Ганьер или Франко Норьега⁸ мог бы только позавидовать. Во всем есть свои плюсы.

Очень сильно хочется курить. Оставил бы хоть полпачки, а то пара бычков только раздражила «аппетит». Из всего, что мы забываем достать с карманов, когда бросаем грязные

---

⁸ Пьер Ганьер – французский шеф-повар, Франко Норьега – перуанский шеф-повар.

шмотки на стирку, сигареты – второе лучшее изобретение человечества. После спичек.

Рассеянный склеротик, лучше бы забыл в штанах телефон.

01.03. Я дотянула до весны. Cool⁹.

Вы, наверное, думаете, что я заядлая людоедка и в первый же день приступила к заветной трапезе, пока тело не начало гнить? Нет. Просто предусмотрительно залила его холодной водой с солью, чтобы раньше времени не завонялось. А дальше – do or die. In the middle of the night¹⁰.

Понятия не имею, сколько прошло времени, прежде чем я пошла на это. Думаю, дней десять, не меньше. Конечно, пришлось себя пересилить. Особенно сложно было сделать первый шаг, меня просто выворачивало наизнанку (мозг-то не обманешь – когда впервые пробуешь человеческое мясо, невозможно думать о чем-либо другом). Но если речь идет о выживании, закрываешь глаза на что угодно.

Вообще, когда это только началось, я боялась даже заглянуть за шторку. А когда стало ясно, что другого выхода у меня нет – вот тогда и пришлось хорошенько напиться. Потом как-то сами собой в руках оказались ножницы, и мысль о

---

⁹ «Круто» / «Прохладно» (пер. с англ.) – игра слов.

¹⁰ «Сделай или умри. Посреди ночи» (пер. с англ.) – здесь и далее: строки из песни «Do or Die» американской рок-группы 30 Seconds To Mars

поедания себе подобного перестала казаться такой уж непо-стижимой. А потом и вовсе стала идеей фикс – если можно так сказать про чудовищное чувство голода, усиленное осознанием того, что с этим чувством в любой момент можно покончить.

Но самыми худшими были ощущения после – когда, отправив в желудок кусочек человечины, ты понимаешь, что зверскому голоду приходит конец, и мозг начинает переваривать все случившееся. В этот момент снова смотришь на ситуацию человеческими глазами, и становится невыносимо мерзко от того, что минуту назад произошло. Хочется лезть на стены, ползать по полу и грызть кафель, чтобы сбежать от самого гнусного отныне существа – от себя самого.

А потом хочется еще. В десять, в сто раз сильнее. Потому что самое страшное – переступить через все людское и смириться с собственной животной природой – уже позади. И как бы жутко это ни было, как бы омерзительно это не смотрелось: ты теперь не просто отрезаешь кусочек трупa наобум, а ищешь что получше, или правильное сказать... *по-вкусней*.

Вот так.

Думаю, в любом человеке, оказавшемся в моем положении, рано или поздно взбурлил бы инстинкт выживания. И на поводу этого инстинкта любой пошел бы на крайние меры, это уж точно. В конце концов, нет ничего противоестественного в том, чтобы от голода начать есть первое съедоб-

ное, что оказалось поблизости. Даже если это человеческий труп.

I will never forget the moment, the moment. And the story goes on¹¹

on on on onn onnn onnnn

08.03. Что скажешь, мешок костей? Где мой подарок? Ладно, не обижайся. Я же любя, Пятница. Кстати, мы теперь лучшие друзья. Я решила оставить ему глаза – чтобы он смотрел на меня и думал, как ему повезло. На самом деле мне кажется, что они не так уж и съедобны. Хотя дойдет очередь и до них. А может и нет.

Похоже, у меня окончательно едет крыша. Потому что когда тушу свечку и становится темно, он и правда что-то бормочет. А еще вроде как начинает шевелиться, хоть я и не представляю, как вообще такое возможно. Скорее всего, никак.

А может, это от постепенного высыхания связок – если предположить, что, несмотря на воду, он начал мумифицироваться. В таком случае, нечто похожее на движения вполне может происходить. Но чем тогда объяснить звуки из рта? Разве может воздух набираться в легкие, которые давно закоченели? Нет, все-таки у меня что-то с головой.

Да и если подумать, в галлюцинациях нет ничего удивительного, особенно когда вокруг абсолютный мрак: от недо-

---

¹¹ «Я никогда не забуду этот момент, момент. А история продолжается»

статка информации мозг начинает («вырисовывать» – *зачеркнуто*) выдумывать всякую всячину, дополняя реальность несуществующими картинками или звуками. И как ни странно, черпает вдохновение из самых глубинных страхов – для меня не может быть ничего ужасней, чем увидеть, как полуизъеденный мною же труп оживает. Кажется, еще немного, и так и произойдет.

Интересно, когда же его предки (или друзья, или кто там у него еще) заметят, что кого-то не хватает? А может, просто никто из его окружения не знает про тайный лесной домик? Может, он любил абсолютное уединение? И предпочитал не распространяться про свое убежище интроверта, где подальше от всех можно спокойно провести выходные. Хотя на затворника такой тип мало похож – хотя бы потому, что инвестиционному банкиру без навыков коммуникации на работе не выжить.

Как бы там ни было, меня-то уж точно в этой дыре никто искать не будет. Тем более в гостях у этого типа. Мама, папа, я за бугор. Поступлю в вуз мечты, устроюсь клофелинщицей, пришлю открытку. Алло, да. Все в порядке, просто в аду связь плохая.

Этот вибратор на стуле в комнате (или где я его оставила?) так ни разу и не зазвонил. А может, его раздавило обрушившимся потолком? Или я просто не слышала звонка, когда была в полной отключке. Да и кому я нужна, кроме моего нового преданного друга. Который, судя по всему, тоже

никому к черту не сдался.

Что говоришь? Тепленькая пошла? А кстати, вода из крана уже не такая ледяная. Да и в целом вроде стало теплее...

15.03. Все хуже соображаю – в голову начинают лезть всякие мысли вроде того, что это все не по-настоящему. Вроде как надо мной проводят эксперимент, и питаюсь я не человеком, а муляжом из сои. При этом сама же комната – начиная от туалетного бачка и заканчивая гнилыми прорезями вентиляции – утыкана микрофонами и скрытыми камерами.

Как бы я хотела, чтобы это оказалось гребаной правдой! Но реальность дает фору любому шизофреническому бреду. И мне ничего не остается, кроме как смириться с этим – я действительно торчу под завалом, и выживаю только благодаря трупному мясу.

15.03, ночь. В переносном смысле (или в прямом)

Снова слышала шепот, пока пыталась уснуть. Он сказал, что этот гроб стал слишком велик для него. Зато мне теперь в самый раз. На что это ты намекаешь, Веселый мать твою Роджер?

Нужно поскорее тебя доесть, а то вода из крана уже почти комнатной температуры. Не хочется переводить продукты, и так наполовину испортился. А еще слишком много болтаешь.

А загородный дом у тебя хороший. Был. Место тихое, от озера и до громадного леса никакой тебе цивилизации. Хочешь – ходи за грибами, хочешь – лови рыбу. Все как в буклете какой-нибудь надувательской фирмы, или как в рекламе шоколада с лесными орехами. Кайф. А теперь – ни себе, ни людям, как говорится. Это ведь ты подстроил мухоловку, на случай, если кто-то решит обокрасть? Умно. Вот я и попалась. Бззз

18.03. Зеленка кончилась, кровь не моя. Не знаю, почему я до сих пор страдаю этим. Наверное, чтобы хоть чем-то занять себя в промежутках между ночными кошмарами и гребаным дерьмом наяву. Или чтобы окончательно не сойти с ума, отвлекаясь хотя бы на бестолковую писанину вдоль стен. А может это что-то на уровне инстинктов – любыми средствами оставить после себя как можно больше информации, если вдруг я здесь и окочурюсь.

Слышала шуршание за дверью, не докричалась. Наверное, собаки. Или коты. Или какие-нибудь другие твари – по ту сторону же сучий лес, в конце концов. Кроме животных больше никто сюда не сунется. А если да – откупорят меня, как кильку в томате, притащат в суд и спросят «что вы можете сказать в свое оправдание?». А я такая «с мариани или бордо было бы вкусней».

А если серьезно – конечно, пусть вытаскивают. И сажают, хоть пожизненно. Буду хорошо себя вести, не есть со-

камерниц. Может даже стану ходить на воскресную службу, ради плюса к карме. Я бы все отдала за то, чтобы умереть в каком-нибудь другом месте, пусть даже в тюремной камере от заточки или в коридоре от дубинок надзирателей. Или на чертовом электрическом стуле, с гигантским искрящимся фейерверком как в клипе Мадонны. Но только не здесь и не так. И не сейчас.

А может, меня в психушку закроют? Я ведь не шучу, когда говорю, что слышу в темноте шепот этого ублюдка. И то, как он медленно ворочается, ни на минуту не останавливаясь. Уж вода-то хорошо передает малейшие вибрации тела, которое никак не может окончательно замереть. Только свечи и спасают от этого порождения мрака.

I will never forget the moment-t-t-t-t...

21.03. Все чаще попадается на глаза бритва в шкафчике, его холодное скользкое лезвие так и манит. Еще есть две пары ножниц, но они тупые. Проверено непосредственно на человеческой плоти. «Вы действительно хотите выйти из игры?».

Черта с два! И дело не в страхе умереть, уж этого у меня точно нет. Физической боли тоже не боюсь, какая бы невыносимая она не была, и как бы долго мне не пришлось истекать кровью. Просто я сейчас чересчур дерьмово выгляжу, чтобы умирать. А еще – слишком через многое прошла, чтобы взять и так просто сделать то, что могла сделать еще в

самом гребаном начале. Поэтому не сегодня.

Вот и пришло время глаз, дружище. Молчишь? Интересно, почему?

23.03. Слава демонам, ты окончательно замолчал. Кости не умеют говорить: для этого нужны голосовые связки. И мозги. Насчет последнего я не уверена, но связки точно необходимы. И одной только кожи не достаточно, чтобы двигаться. Теперь я точно знаю.

Хорошо, что ты меня не видишь. И себя. Говорить глазами совсем другое, потому что слушать их еще хуже. Взгляд это фраза, а пустые дыры – молчаливое заглядывание в ничто. Вот и смотри теперь в себя, как будто есть еще куда смотреть.

26.03. Ад – это зацикленный день. Осталась вода. Есть ли в Аду вода? В моем есть даже салфеточный кораблик. Его прибило к ребрам коралловых скал. Это остров скелета. Или скелет острова. Я сделаю из костей плот. Чтобы покинуть его.

Надвигается шторм, я чувствую. Надо взять спасательную бритву.

29.03. Игра окончена? Нет! В ход идет план «Б»... Нужно только наложить жгут. Или не нужно? Быть или не быть, а, Суббота? Как еще назвать скелет Пятницы...

Когда выберемся, я тебя воскрешу. И дам новое имя. Знаешь, какое? Понедельник. Потому что я тебя ненавижу. Потому что я теперь и есть ты.

do or die

in the middle of the night

Оазис

У каждого из нас есть скрытый бак с энергией, которая хлещет, когда нам это нужно.

Алессандро Дзанарди, пилот Формулы-1

I

Старик Лью из тех барменов, кто даже из местного порошкового дерьма, не имеющего ничего общего с томатным соком, может сделать вполне сносную «Кровавую Мари». Но в этот вечер что-то пошло не так. И лиловые сумерки здесь совершенно ни при чем (не такое это и редкое явление), как сказал бы любой, кто верит в приметы и прочую подобную чушь. Нет. Скорее всего, у Лью просто закончился Табаско, и он компенсировал недостающую остроту обычным перцем. Как бы там ни было, это единственная примета, в которую я готов поверить – если в проклятой дыре под названием «Красный город» даже Табаско иссяк, тогда уж точно пора сваливать.

Бар пуст и мрачен, словно поднятый со дна кусок Титаника. Пожелтевшие стекла иллюминаторов и унылый вид на пустыню только добавляют сходства. А остатки краски на железных стенах напоминают времена, когда здесь было довольно живо, и когда это место сияло почище Бьюфорта, напоминая отполированную изнутри субмарину. Сейчас уже все в прошлом, и лучшее культурно-развлекательное заведение Оазиса давно начало гнить. Как и все остальное на этой планете, постепенно превращаясь в ржавую труху.

Лью наливает порцию себе, что означает только одно – до закрытия осталось меньше пятнадцати минут. Затем сквозь полупрозрачные очки смотрит на меня, как старый пират, чудом сохранивший оба глаза, и говорит:

– Я знаю, что ты задумал, и готов помочь тебе в этом нелегком деле.

Меня его осведомленность не удивляет. Оазис с самого начала был не городом, а огромной железной деревней, в которой все обо всем знают. Но что он имеет в виду, говоря, что готов помочь? Неужели старик задумал повернуть на мне какую-то аферу?

– И как же? – Спрашиваю из чистого любопытства, держа в голове мысль – что бы он ни начал предлагать, вряд ли это что-то стоящее. Ему сейчас позарез нужны деньги, поэтому он и крутится как может, идя на любые ухищрения.

И тут Лью заговорил про возможность срезать путь. Конечно, звучит как полный бред – срезать путь в ралли, где

ты сам прокладываешь кратчайший маршрут от одной контрольной дуги к другой. Но скоро какая-то часть меня начинает понимать: доля правды в его болтовне есть, пусть и в теории.

Между тем сижу и думаю – почему глядя на него мне в голову приходит образ пирата? На морского волка он явно не тянет: прилично одет, без щетины, опрятен. Синий пиджак поверх битловки сидит идеально, и это не то, что представляется при мысли о карибских злодеях. Возможно что-то такое есть в его чертах лица или мимике – хитрые глаза то и дело бегают, словно в поисках легкой наживы. А голос такой же низкий, как у какого-нибудь капитана Дрейка или Моргана. Хотя откуда мне знать, какие у них были голоса? Видимо, я совсем пьян.

Погрузившись в размышления, я и не заметил, как Лью целиком перешел на термины вроде «горизонт событий» и «тензор энергии-импульса». В какой-то момент начинает казаться, будто он типичный технарь-физик. Но скоро приходит понимание, что он оперирует чуждыми ему материями, плавая в матчасти на уровне дилетанта. Я еще подумал: если старик сложит листок бумаги пополам и продырявит его карандашом, я ткну этим самым карандашом ему в глаз.

Вскоре короткая лекция про мосты Морриса-Торна подходит к концу, и я озвучиваю мучивший меня все это время вопрос:

– И на черта ты мне об этом рассказываешь?

Лью опрокидывает в себя остаток красной жижи, ставит стакан на стол.

– Хочу долю от выигрыша.

Удивленно смотрю на него, пытаюсь понять, почему он решил развести именно меня. Да еще и с такой идеей, которая в трезвом виде мало кому пришла бы на ум: якобы в пустыне есть штукovina вроде червоточины, и проскочив через нее, можно сэкономить немного времени. Бред, конечно. Но мне другое интересно...

– А почему я? Сейчас в ралли участвуют все, кому не лень, и у кого есть корыто, способное котиться.

Он достает из шкафчика бутылку томатного сока и делает себе вторую порцию, используя вместо текилы водку (в этом и есть основное отличие «Мари» от «Мэри»). Потом заводит тираду, мол, не стоит называть машины корытами, ибо они все чувствуют, и уж наверняка у каждой из них есть душа, в отличие от нас людей. Бывший гонщик, короче.

– Нет, серьезно, индеец Джо, – прерываю его на полуслове, пока он не упомянул про психопата, у которого поцарапанный Лянча Стратос «начал кровоточить», – есть хорошие, куда более опытные пилоты, а не новички вроде меня. С чего мне такие привилегии?

– Хорошие пилоты в этой дыре не задерживаются, – делает глоток и начинает шарить по карманам. Я бы решил, что он ищет спички, если бы не строжайший запрет любого курева, – а из новичков, кроме тебя, за рулем решили попр-

бовать себя только пару человек...

– Ник Флетчер, Луи «Пикассо» и братья... как их? которые по науке здесь зависли?

Делает еще глоток, хмурясь и нервно сдавливая стакан. Видимо, потому что так и не смог найти, что искал. В таком состоянии он кажется еще старше своих пятидесяти. Или может все дело в освещении, которое делает его морщины неестественно глубокими, а лицо сухим и выжатым как лимон.

– Химики не такие уж новички: Рон даже однажды выиграл. – Он проводит ладонью по локтю, струшивая арахисовую шелуху. Затем достает из-под стола тряпку. – Но они не хотят домой. Им по кайфу жить в Оазисе – они здесь самые крутые умники. А прилетят на Землю и кто они там? Парочка посредственных пи-эйч-ди, знания которых отстают лет на сорок. Сейчас уже и степени такой нет, а они все крутят своими корочками.

Тянет на смех от того, как он путается в показаниях. Аферист из него так себе.

– А говоришь, хорошие пилоты здесь не задерживаются.

Он швыряет тряпку в раковину, сбивая стаканы как кегли.

– Да какие они хорошие? Это было сто лет назад, еще до меридианской катастрофы... – Трет глаза, приподняв очки, и добавляет. – Короче, не хочу с химиками иметь дело, вот что. Насолили они мне как-то. Нахлоридили натрия.

Наркота, думаю. Все ясно. А я еще ломал голову, почему

он постоянно в стеклах, словно Микки Нокс. Наверняка у него глаза красные, «как охваченные пожаром джунгли», от паленых капель.

«Ви-зи». Бич доброй половины марсиан. От злой. Пять граммов стоят, как пол цистерны элитного алкоголя, а эффект только первых пару раз. Потом капаешься только ради того, чтобы в край не ослепнуть. Типичная дурь.

Смотрю на мигающие лампы в плафонах, похожих на тарелки, и думаю: он и правда считает меня идиотом, или ему кто-то хорошенько прочистил мозги? Вопрос сам срывается с уст:

– А как ты узнал про это? И что это вообще за хрень?

Лью достает из-под стойки заветный пузырек, который все это время искал, и который видимо нашелся, когда он брал тряпку. Затем снимает очки и набирает в пипетку пару капель.

– Так ты в деле или как? – Закапывает глаза и постепенно меняется в лице, будто начинает трезветь и даже, я бы сказал – молодеть.

– Сначала расскажи, откуда у тебя такие познания в области физики. – Ставлю пустой стакан на стол и замечаю, как стали набухать вены на его руках.

Он наклоняется вперед, и на меня начинают смотреть два полупрозрачных отражения плафонов. От игры теней его лицо становится похожим на череп андроида со светящимися глазными оливками.

– Братец проболтался, марсианский грунт ему пухом. Прямо перед катастрофой, словно чувствовал. Говорил, что там какая-то экспериментальная установка под грунтом, типа коллайдера, которая излучает неведомое поле. Короче, не знаю, оно вроде постоянно работает и становится «отрицательным» только тогда, когда в него попадает летящий на всех парах объект. Чем меньше масса, тем выше должна быть скорость. В «отрицательном» ничто «положительное», естественно, существовать не может. Потому объект и выталкивается с противоположной стороны поля, как пузырь воздуха из воды. Это так, на пальцах. На двухтонном аппарате нужно будет как следует разогнаться. За останками завода местность чрезвычайно каменистая, глыбы тридцатифутовой высоты, потому никому и в голову не приходило там летать на предельных скоростях. А само поле высотой ярдов семь, не больше. Электролеты так низко не летают. Поэтому его никто пока не обнаружил. Вот и все, что я могу сказать про эту штуковину.

Отшатываюсь от услышанного, пытаюсь понять, что это за ерунда и сработает ли она. Если хоть на минуту предположить, что это правда.

– Ты предлагаешь прыжок веры?

Он ставит стакан в раковину и возвращается в исходную позицию, которую можно было бы назвать «стойкой бармена». Я смотрю на него и ловлю себя на мысли – вижу Лью почти каждый вечер, но только сейчас замечаю, насколько

ехидными кажутся его глаза. Говорят, к тридцати годам на лице человека запечатлеваются основные черты его характера. Если это так, то привычный прищур Лью о многом может поведать. Впрочем, от «капель» этот прищур мог появиться всего за пару месяцев.

– Это скорее прыжок с трамплина над крокодилами, – его голос становится скрипучим и вкрадчивым одновременно, – правила те же: зажмуриться и разогнаться.

Представляю, как это будет выглядеть со стороны, если кто-то заметит меня в момент «прыжка»: пилот достигает кучи обломков, между которыми мало кто рискнул бы петлять ползком, и вдруг ни с того ни с сего дает по газам и разгоняется...

– А если это поле давно развеялось? Могла же установка зависнуть. Тогда можно не жмуриться?

Лью смотрит на меня так, словно предугадал мой вопрос.

– Чтоб тебе было понятно, под прикрытием станции это явление изучали двадцать шесть лет, и за все это время ничего не поменялось. Добавить год после катастрофы, когда я нормально «прыгнул» – двадцать семь.

Неужели он считает, что это было не так давно? Впрочем, да, время здесь течет по-другому. Я бы тоже в жизни не сказал, что торчу в Оазисе уже шесть лет.

– С тех пор четверть века прошло, старик.

– Две декады. Не утрируй. Можешь поэкспериментировать, запустить туда беспилотник. Готов поспорить, слегка

охренеешь.

В голове поселяется мысль, что так и сделаю: испытаю червоточину старым добрым «птеродактилем», как только возьму его где-нибудь напрокат. Причем выдвинуться туда нужно будет вместе с Люю – чтобы сразу вытрясти обратно задаток, если поле окажется пустым трепом наркомана. Отличный план, думаю. Но есть одно «но»...

– Беспилотник тоже живое существо, скажешь?

На этот раз отшатывается он, и улыбка резко пропадает с его губ. Его лицо снова оказывается в тени и перестает быть похожим на череп.

– Посмотри на меня. Я «прыгнул» черт знает когда, и до сих пор жив-здоров. Ну, не совсем здоров, но это другое, сам понимаешь.

Интересно, что именно он имеет в виду, говоря «не совсем здоров» – свою хромоту, или то, что он чокнутый?

– Слабо верится. И ты так просто, без задатка, дашь мне координаты этого места?

Тут улыбка возвращается к Люю, и в его лице уже заранее читается то, что он хочет сказать:

– Естественно, с задатком. Триста. Вдруг ты перед финишем влетишь в «мираж» или типа того.

Теперь все стало на свои места. Он мог бы придумать что-нибудь посложнее вместо «кротовой норы» на пути к финишу, но решил, что я кретин.

– С этого и следовало начинать. – Говорю. – Разводка,

твоя болтовня.

– Черт с тобой, – он показывает ладонь, как жест того, что готов пойти на компромисс, – если не сработает, задаток верну. Так что?

Интересно, что он скажет насчет окончательной суммы.

– Сколько хочешь от выигрыша?

– Половину.

– Смеешься?

– Преимущество в пятьсот ярдов – смешно?

Хорошо держится. И это при том, что ни одно из его слов не прошло проверку на прочность.

– Будешь штурманом. На таких условиях и получишь свою часть.

Он протирает очки салфеткой для стаканов, надевает обратно и опирается обеими руками о стойку.

– Треть меня не устраивает. Да и на кой мне этот головняк с картами? Сам изучишь местность. Сейчас все ездят без штурмана.

Нет, не все. И он отлично знает об этом. Чем опытнее пилот, тем больше вероятность, что он воспользуется услугами штурмана. Такая вот парадоксальная закономерность, наблюдающаяся на практике.

Недолго думая прихожу к выводу: даже если все сработает, полторы ставки штурмана не стоят всего одной отметки на карте. Даже если эта отметка будет сделана дыроколом, означая абсолютное отсутствие преград – в том числе в виде

пространства-времени.

– Половина это много, – говорю.

– Половина это лучше, чем ничего. Без прыжка вряд ли вытянешь. В ралли каждая секунда на вес воздуха. Пятьсот ярдов дадут бонус где-то секунд в двадцать, который наверняка гарантирует победу, если грамотно проложишь маршрут между контрольными точками и по пути не протупишь. Могу еще подарить свою «колибри», когда попадем на Землю. А билет сам знаешь, стоит как половина выигрыша.

«Да он же прирос к Оазису железными корнями, – думаю, – А говорит так, словно только вчера сюда прилетел».

– Давно ты там был? Она уже давно сгнила, твоя «колибри».

Он достает с кармана электронный ключ и начинает сворачиваться, выключая повсюду свет.

– На ней ни пылинки. Я весь дом законсервировал. Как знал, что застряну на экваторе красной задницы. А кстати, как получилось, что супруга твоя дома, а ты здесь?

II

Возвращаюсь в жилой модуль с чувством, что побывал на лекции по физике и в псих-изоляторе одновременно. С порога ловлю себя на мысли: лучше бы вырубился и переноче-

вал в баре. Там хотя-бы нет этого отвратительного запаха ни то сварки, ни то озона. И откуда у Лью столько денег на чистейший воздух?

Не передать, насколько осточертела эта серая коробка. На вид все пластиковое, даже кровать. Почти сразу загорается желтый плафон, начинает кряхтеть вентиляция, включается голографический вид на остров Дрейка. И от всего этого создается впечатление, будто я неотъемлемая часть комнаты, вроде стула или мини-бара. Пазл, который где-то пропал и теперь вернулся на место, чтобы дополнить собой унылую картину интерьера.

Для трех часов ночи «за окном» слишком светло. Наверное, у голограммы сбились настройки времени. Или я забыл, как по пьяни переключил ее на часовой пояс родного Плимута. У меня однажды была такая мысль. Правда, в последний момент я передумал, так как это показалось мне некомфортным: к искусственному пейзажу рано или поздно привыкаешь как к настоящему, а разница во времени сбивает с толку и даже давит на психику. К тому же, для лондонского времени «небо» сейчас кажется слишком темным, поэтому проблема скорее всего в настройках. Как бы там ни было, никакая электронная штукавина не заменит реальный вид из окна.

Единственное, что придает каплю бодрости в конце дня, это перспектива повидаться с Мэй. На стене висит двое часов, и я точно знаю, что у нее сейчас обеденный перерыв. А

значит, скоро она выйдет на связь (если, конечно, нашу переключку с десятиминутной задержкой можно назвать связью). Еще немного, и мы снова будем вместе. А пока что остается довольствоваться допотопным синемаскопом, показывающим рой помех с едва различимой картинкой на заднем фоне. Но никак не наоборот.

Часто тех, кто не бывал дальше Луны, удивляет, почему в век компьютерных технологий общение проходит при таких дерьмовых условиях. Но так повелось, что за скорость и доступность сигнала приходится платить качеством изображения. Иначе наши разговоры стоили бы по сотне кубометров воздуха за час, в лучшем случае восьмидесятого. Или затягивались бы на сутки, что сделало бы их непрерывными. Я, конечно, не прочь болтать с Мэй целыми днями напролет, но рано или поздно наш космический телефонный провод перерезали бы ножницы под названием «безденежье». И в тот же день отсекли бы кислородный шланг от моей комнаты, что тоже не совсем приятно.

Хорошо, что я уговорил Мэй вернуться домой, пока еще была такая возможность. Конечно, я не наврал ей о том, что собираюсь полететь следом, как только проверну небольшое дельце и достану денег на еще один билет. Но кто же знал, что моя махинация с перепродажей чипов прогорит, как бенгальский огонь, а остаток денег уйдет на то, чтобы компенсировать ущерб и хоть как-то отвертеться от суда. Так я и стал коренным жителем Оазиса, надеющимся, как и все, ра-

но или поздно покинуть эту дыру.

Хуже всего осознавать, что всего этого можно было избежать. Стоило лишь получше изучить технологию криоконсервации, прежде чем одобрять и запускать ее в массы. А теперь, когда «заморозку» признали опасной для жизни и запретили – конечно, билеты назад стали всем не по карману. Признаться, я бы рискнул собственной шкурой, чтобы под видом консервы улететь отсюда, будь это возможно даже на нелегальном уровне. Но правительство строго следит за тем, чтобы все оставалось на своих местах.

А на первый взгляд идея казалась неплохой. Полет занимает минимум два года, и все это время пассажирам нужно чем-то питаться, не говоря уже о прочих потребностях. Будучи простой и дешевой, криоконсервация позволяла экономить уйму ресурсов и денег. С ней путешествие в Оазис стало таким же доступным, как перелет в другой конец земного шара.

Но особого искушения побывать в «красном городе» добавляла возможность подзаработать на добыче терция. Вот и я купился, бросив не такую плохую работу на судостроительной верфи Плимута, и угодив с женой в капкан размером с планету (иронично, что мне посчастливилось застрять здесь, с учетом того, что на Марсе нет как таковых морей).

Идея насчет терция тоже с треском провалилась. Точнее сказать – взорвалась, вместе с комплексом по его добыче и переработке «ОАЗИС-1». Говорят, это был теракт, устро-

енный фанатиками, которые верили, что четвертая мировая начнется именно с этого места. А она началась и закончилась как всегда на Земле. Вот так неожиданность.

Никто не будет восстанавливать этот завод ближайшие лет сто, а тем более строить новый. Как бы ни был полезен терций в промышленности, после случившегося в Оазис больше не сунется ни одна живая душа. По крайней мере, пока не найдется новый способ свести к минимуму затраты на перелет. А пока что игра не стоит свеч, тем более в век всемирного кризиса.

Тем же, кто застрял здесь, остается работать на кислород, время от времени хватаясь за возможности вроде участия в каком-нибудь чемпионате. И как ни странно, самым популярным видом спорта в Оазисе стали гонки. Причем не столько на скорость, сколько на выносливость – так называемые ралли Меридиана, ради которых все плато обставили громадными железными дугами. Ведь нужно же как-то избавиться от сотни ржавеющих электрокаров, завезенных сюда каким-то старым коллекционером (прах которого давно развеян над Олимпом). А заодно – от сотни лишних ртов, день изо дня поглощающих кубы воздуха.

Валяюсь на кровати уже около четверти часа, думая, во что ввязался. Наконец, на синемаскопе загорается желтая кнопка, и стена начинает пестрить пикселями, как будто в комнату влетели красно-синие пчелы. Из колонок доносится голос, настолько искаженный помехами, что кажется, сигнал

облетел вокруг Солнечной системы и вернулся обратно. Но все равно это лучшее, что я услышу за весь день, и никакие помехи не отнимут у меня этого ощущения. Это голос Мэй.

– Мы ведем репортаж прямиком из Плимута...

Как всегда весела и жизнерадостна, и мне хочется верить, что это правда. Однажды она позвонила после того, как попала в аварию на своем Тандерберде, в которой сломала бедро. И если бы не костыль в углу комнаты, по ее виду я бы и не понял, что что-то произошло. Оказалось, прядь волос (помню, тогда она еще красилась в рыжий) закрывала половину ее лица тоже не просто так – под ней Мэй пыталась прятать стесанный лоб и зашитую бровь. И ей почти это удалось, если бы не что-то, что я назвал бы ментальной связью. Уж в этом у нас с ней никогда не бывает помех.

Через некоторое время появляется картинка, и сквозь рябь различаю лицо Мэй. Серые глаза, высокие скулы, ямки у щек. Даже если бы весь сигнал растерялся в пустоте космического пространства, а до меня долетело всего три пикселя, я все равно распознал бы ее черты.

Мэй подходит к окну и открывает его. Замечаю, что в небе ни облачка, несмотря на то, что большую часть изображения перекрывает ливень помех.

– Последний день весны выдался ясным. Дождей не предвидится, поэтому смело можете оставлять зонтики дома.

Снова переводит камеру на себя и вздыхает, выходя из роли ведущей. По ее лицу понимаю: это дурачество навеяло

ей такую же ностальгию, как и мне – когда она еще работала в телекомпании «Рэд Фокс», пока всех ведущих не заменили компьютерными моделями.

– В общем, сегодня такая скукотень, что не передать словами. Утром один тип заказал перевод толстой книги на три языка. И вся книга посвящена юриспруденции, представляешь? Тройная работа, помноженная на двойную сложность. Хуже не придумаешь.

Что бы Мэй не говорила, она любит свою работу. Никто не зачитывается вещами вроде «Десять тысяч лексических ловушек», пересказывая потом каждый абзац с таким же энтузиазмом, как «Двадцать тысяч лье под водой». Здесь она на своем месте.

Обедала как всегда в нашем любимом «Мун Лайтхаус». Кстати, недавно нашла пару мест, про которые ты может быть не знал. Обязательно сходим туда.

По улыбке замечаю: ей, как и мне, «Мун Лайтхаус» больше не кажется таким уж хорошим местом для посиделок. Космический интерьер не то, что хочешь видеть вокруг себя после возвращения из Оазиса. Наверное, Мэй ходит туда просто потому, что оно расположено близко к офису. А еще там относительно дешево.

Слышала новость, что ученые почти нашли способ безопасной «заморозки». А еще работают над варп-двигателем, но насчет этого ты скорее всего уже в курсе. Не удивлюсь, если позже и его запретят – в связи с опасностью для

континуума.

Смеется. Как бы я хотел сейчас услышать этот смех вживую... В такие моменты появляется ощущение, что я заглядываю сквозь черную дыру в какую-то давно упущенную альтернативную реальность, а не смотрю запись, сделанную минут пять назад.

– Завтра собираюсь весь день досматривать «Пробуждение в “Эмпти Фридж”». Последний сезон. Работа – не волк, суббота – не ворк.

Расскажи теперь, что у тебя...

Треск колонок затихает, проекция тухнет. Комната снова погружается в полумрак, и от нависшей пустоты начинает звенеть в ушах. Не спасает даже дуновение вентиляции и дребезжание ночного «пейзажа» за окном. Хочется лечь и провалиться в сон, чтобы проснуться по ту сторону видеоканала, в обнимку с Мэй, и забыть Оазис как нетрезвый ночной кошмар.

Еще немного, и эта мысль, которая так долго казалась мне заоблачной и недостижимой, воплотится в реальность. Осталось сделать всего один шаг, хоть он и не менее опасный, чем прыжок в черную дыру. И я говорю не про лазейку, в существовании которой так долго убеждал меня Лью (и не убедил, кстати говоря). Сама идея участвовать в ралли настолько безумна, что мало кому придет в голову. Поэтому должна сработать.

У меня действительно появился шанс, и нужно немедлен-

но рассказать об этом Мэй. Запускаю синемаскоп с таким воодушевлением, которого никогда еще не испытывал. Я лечу домой.

III

Загрузка и разгрузка контейнеров с ресурсами, демонтаж построек (кроме чересчур радиоактивных останков «ОА-ЗИС-1»), фермерство и общепит, утилизация отходов, техобслуживание кучи всевозможных штукоев – от квантово-волновок и синемаскопов до гравитационных генераторов – вот почти полный список того, чем можно заняться в космической дыре под названием Оазис. Некоторые сферы находятся в руках «монополистов» или требуют специальных знаний, такие как производство воздуха, «прогноз погоды» (в основном вспышек на Солнце, пылевых бурь и метеоритных дождей). Медицина, правоохранительная деятельность. Все эти шестеренки кое-как вращаются – и механизм работает, хоть и трещит по зубцам, пуская искры. Но я никогда бы не подумал, что будет здесь автомеханик, да еще и по совместительству продающий электрокары. И уж тем более – что мне придется к нему наведаться, чтобы купить себе электрокар.

Капсулы метро мчатся быстрее пуль, и это почти всегда

настораживает, поскольку выглядят они как батискафы столетней давности. Если удастся найти сиденье без единой трещины и с исправными ремнями, можно считать, что выиграл счастливый билет. Но когда дорога занимает меньше минуты, о комфорте задумываешься в последнюю очередь. Главное, чтобы эта штука не слетела с рельсов и не размазалась по стенкам тоннеля, словно прогнившая до основания банка со шпротами.

Выхожу на перрон, открываю люк и сразу вижу железную конструкцию в полумиле от станции. Можно пройтись пешком. К тому же на парковке все «колибри» разряжены и разбиты в хлам, что не удивительно: я всего лишь в другом конце плато, а не Солнечной системы. Странно было бы ожидать, что здесь все окажется по-другому.

Небо успело обрести персиковый окрас, стало быть уже полдень. В это время сол песчаные дюны смотрятся как раскаленные горы ржавчины, с торчащими из них ни то обломками древней цивилизации, ни то кусками графита. И меня не перестает удивлять, насколько парадоксально это смотрится, потому что знаю – по ту сторону скафандра сейчас не теплее, чем в Антарктиде летом.

Фин обосновался так далеко по той простой причине, что на отшибе города ухватить клочок земли проще. По крайней мере, так было, когда город еще рос и процветал. Отсюда напрашивается вывод, что Фин либо старожил, либо наследник одного. Как бы там ни было, местонахождение салона скорее

всега никак не влияет на ход его бизнеса. Больше никто в Оазисе не продает электрокары, поэтому любой клиент будет трястись в метро и грести оранжевый песок сколь угодно долго, пока не достигнет цели.

Ближе к хибаре Фина замечаю самое странное, что здесь можно было бы встретить – каменные истуканы, как на острове Пасхи. Отбрасывая лиловые тени, они стоят не вдоль берега Тихого океана, а прямо посреди марсианского плато. И это смотрится действительно впечатляюще, хоть и не покидает ощущение, что автор концепции каплю безумен. Конечно, никто не позволил бы доставить сюда такие древние и ценные статуи, так что разумеется это муляжи. Но все равно ловлю себя на мысли: на какие ухищрения только не способен человек, находящийся в пустынной изоляции и ностальгирующий по родным краям.

Захожу под крышу ангара, похожую на ржавый обломок дирижабля, и начинаю рассматривать все, чем торгует Фин: беспилотники, двухместные легковые электролеты, грузовые платформы, пара устаревших «колибри», пара «птеродактелей» и один челнок. Машин нет. Видимо, машины спрятаны поглубже, как особая ценная коллекция. Хотя «стеклофутляры» обеспечивают безопасность любой штучковине, даже если она будет стоять круглые солы прямо под открытым небом. Видимо, Фин относится к ним с особой бережностью, которую можно было бы назвать болезненной.

Подхожу к люку, нажимаю на кнопку. В шлеме раздается

шипение, и через некоторое время слышу голос:

– Что нужно?

От шума в динамиках начинает казаться, что во внутреннем помещении такой же сквозняк, как и в ангаре. Хоть это и невозможно.

– Хочу купить электрокар. Если, конечно, они у вас еще продаются.

Грохот, свист – и крышка начинает медленно приподниматься, открывая шлюз. Ощущение, будто это пробка на дне гигантской ванной, и сейчас все устремится внутрь. Никак не могу отделаться от этой фобии, когда перехожу через шлюзы. Тем более, после уймы несчастных случаев (правда, с обратной стороны).

Захожу внутрь, снимаю шлем и вижу перед собой худощавого латиноса в кепке и очках. Если бы не морщины на лице и вкрапления седины в волосах, я бы решил, что ему лет двадцать – настолько бодрым и энергичным он кажется.

– Ты, должно быть, Фин?

Латинос снимает очки и цепляет их за карман рубашки. Белки его глаз чисты, как китайский фарфор. Хоть кто-то не торчит здесь на «ви-зи».

– Я заменяю его по субботам.

Не сразу понимаю, что это шутка, так как в лице он не поменялся.

– Сегодня воскресенье. – Говорю.

– В Пуэрто-Монте еще суббота. – Он показывает на бе-

ло-красный флажок над дверью шлюза, порванный и заляпаный маслом. – Buenas tardes¹². Чем обязан?

Окидываю взглядом помещение и ловлю себя на мысли, что оно ничем не отличается от ангара наверху – такой же склеп техники в стеклянных гробах, только спрятанный под землю и закрытый со всех сторон металлическими листами. Впрочем, отличие есть: по углам пылятся горы железа, резинок, катушек и прочего мусора. А еще в дальнем конце стоит ряд одинаковых по размеру футляров, похожих на огромные клавиши пианино. Наверное, это и есть та самая коллекция.

– Мне нужен электрокар для участия в ралли, чтобы соответствовал всем требованиям.

Кивает, машет рукой «пошли», и мы направляемся через все подземелье к тому самому ряду клавиш.

– У меня все электрокары такие. К тому же каждая малышка настоящая фотомодель. Так что *elige cualquiera*¹³. Хотя, по правде говоря, это не мы выбираем их, а они нас.

Кажется, я знаю, что он имеет в виду. Вернее – кем является. Оазис настолько тесен, что я даже не удивляюсь нашей встрече...

– Ты случайно не тот тип, который говорил про кровоточащий Лянча Стратос?

Фин останавливается возле одного из футляров, смотрит

---

¹² «Добрый день» (пер. с исп.)

¹³ «Выбирай любую» (пер. с исп.);

в пол. Затем кладет руки на крышку, и лицо его становится настолько серьезным, что кажется, будто он гробовщик, а под исцарапанными стенками футляров покоятся тела его близких.

– Это очень редкое явление, и оно только подтверждает мои догадки. Не знаю насчет кораблей, дронов, спутников... – он стучит пальцем по крышке, – но в этих машинах точно что-то есть, говорю тебе. И то, что они оказались здесь вместе с нами, тоже не случайность. – Последние слова Фину даются шепотом.

– Их же завез какой-то богач, давным-давно. Это все его коллекция, разве не так?

Он снимает руки с крышки и отходит в сторону:

– Нет. Часть из них доставлена мной, вместе с деталями и батареями. А как ты думаешь, что заставило и меня, и миллионера Дика это сделать? На черта здравомыслящему человеку нужны электрокары в Оазисе, где все ездят в метро или летают на «колибри»? Eхactamente¹⁴ – их собственная свобода воли. Они не просто мыслят, они еще и способны подчинять себе волю других. Хочешь верь, хочешь нет, но я не раз видел собственными глазами, как из царапин на крыле или дверце текла самая настоящая кровь. И это не говоря о прочей мистике, которая происходит в гараже или иногда прямо здесь, – указывает пальцем в пол, – в салоне. Причем практически каждый день. Так что, считай это моя религия,

---

¹⁴ «Именно» (пер. с исп.)

и никто не убедит меня в том, что машины бездушны.

Каждый сходит с ума по-своему, думаю.

– Как скажешь. Можешь верить хоть в пылевых демонов.

У нас свободная тюрьма.

Он подходит к соседнему футляру, заглядывает внутрь.

– Если ты намерен победить, тебе нужен кто-то вроде нее...

Узнаю знакомые очертания, хотя не так много марок автомобилей смог бы определить на глаз.

– Тот самый Лянча?

Фин хватает металлический прут с крышки и швыряет в угол. В голову прокрадывается мысль, что эта железяка была вместо закладки. Затем он нажимает кнопку «открыть», и крышка подпрыгивает вверх. Почти сразу в глазах латиноса появляется блеск, как у художника, который снова увидел шедевр:

– Это уже не совсем Лянча. Перед тобой совершенно новый живой организм, более выносливый и быстрый. Я много чего улучшил, включая мощность мотора и объем батареи. Смастерил себе идеальный спорткар из лучшего, что было. Потому что собирался участвовать.

– А почему передумал? – Спрашиваю, не отводя от машины глаз. Признаться, мне она не кажется произведением искусства, вроде некоторых других моделей позапрошлого века. Но доля изящества в ее очертаниях все-таки есть.

– Мне подвернулась другая возможность. – Он проводит

рукой по капоту. – Конечно, с этой возможностью я буду все равно, что копать тоннель чайной ложкой. Но это хотя бы не так опасно, как петлять по бездорожью в условиях агрессивной среды. Я уже не говорю про ловушки, на которые ухищряются соперники.

Я слышал о ловушках, но думал, это слухи или пережитки прошлого. Мне даже известно как они называются, хотя я плохо представляю себе механизм их действия.

– Ты имеешь в виду «миражи»?

Фин продолжает крутиться около спорткара, как искусствовед вокруг музейного экспоната:

– Не только. Некоторые еще зарывают генераторы электромагнитных импульсов под грунт. У меня есть одно *artilugio*¹⁵, которое может спасти хотя бы от вырубающих вспышек. Но «мираж» совсем другое дело, сам понимаешь. Тут можно положиться только на глаза. А самое дерьмовое – влетишь, и со стороны все выглядит, будто ты *jodidamente loco*¹⁶.

Как утешение, на ум приходит самоочевидная истина: расставлять ловушки не более умно, чем рискованно. Но если это все еще кто-то делает, вывод напрашивается сам:

– Никто не расследует эти случаи, не так ли?

Он кивает, его улыбка становится шире:

– *Exactamente*. Всем плевать. Главное не что это, а как это

---

¹⁵ «Устройство» (пер. с исп.);

¹⁶ «Чертов псих» (пер. с исп.)

выглядит. Тем более, сами генераторы потом уходят вглубь так далеко, что не откопаешь.

– А детекторы?

Фин подбирает с пола упавшие очки и надевает их, продолжая улыбаться. Отражающиеся в них лампы прожекторов напоминают глаза мухи.

– Какие детекторы? Попробуй найди железяку в куче ржавчины.

Смотрю на машину внимательнее, и на ум приходят ассоциации с хищными рыбами вроде акул или барракуд. Конечно, изгибы не так изящны, но окрас точь в точь. Высокая посадка тоже навеивает мысль о чем-то диком и неприручаемом.

Несмотря на возникающие в голове образы, связанные с машиной, мне все же непонятна философия Фина: он видит в каждой из них живое существо, да еще и обладающее душой. И это больше похоже на шизофрению.

– Сколько хочешь за нее? – Спрашиваю и замечаю: у нее порт старого образца. Но это не проблема: переходников вокруг валяется целая куча.

Похоже, он прочитал это в моем взгляде – подходит к полке и берет один из них:

– Две тысячи, и переходник в подарок.

Что ж, если он и правда готовил «акулу» для себя, лучше нее в коллекции Фина я все равно ничего не найду. Но скорее всего, он припрятал что-нибудь для себя. Такой тип, как

Фин, не может не держать в голове запасной план на случай, если сломается «чайная ложка». Остается надеяться, что он не собирается участвовать прямо сейчас, так как соперником он может оказаться сильным.

– Хорошо, согласен. – Говорю недолго думая и понимая, что выбора нет. Скорее всего, Фин тоже это понял. Причем с того самого момента, как я ступил на порог.

Он вытирает руку о брючину, хлопает меня по плечу и кивает на «акулу»:

– Нет, гринго. Это она согласна.

IV

Ночью плато становится неотличимым от океанского дна: сплошная черная мгла, и ни одной звезды на небе. Всему виной пылевая буря, взметнувшая тонны песка и погрузившая окрестности Оазиса в мрак. Даже Деймос пропал из виду, хотя должен находиться сейчас над горизонтом. В такие моменты кажется, что пребываешь в другом измерении, лишенном пространства и времени. И если подумать, провалиться в безвременье не худшая перспектива, учитывая, насколько это место осточертело.

Сижу на склоне холма, и сквозь прибор ночного видения смотрю в сторону руин «ОАЗИС-1», оставив «акулу» воз-

ле дороги. При виде железных ребер создается впечатление, будто это останки не так давно затонувшего цеппелина. А разбросанные вокруг него модули выглядят как батискафы, миссии которых провалились. Со временем ощущение, что находишься под толщей воды, с таким пейзажем только усиливается. Жуткое место.

Ждать ближе к останкам опасно из-за высокого уровня радиации, а отсюда, скорее всего, мало что удастся рассмотреть. Через минуту все-таки различаю над холмом шлейф пыли, будто кто-то начал вырывать из-под земли гигантский шнур. Это Лью, летит на своем порше, вздымая клубы пыли. Кроме песчаного хвоста больше ничего не вижу, но думаю, он направляется напрямик к руинам, следом за расчищающим путь прозрачным диском «метлы». Сейчас и проверим его болтовню насчет волшебного кролика.

Не проходит и полминуты, как в шлеме появляется шелест:

– Не знаю, увидишь ли ты оттуда весь фокус. Лучше внимательнее следи за радаром и засеки время.

На фоне его голоса слышу, как мотор электрокара набирает обороты, и как «метла» начинает усиленно гудеть. Представляю, каким безумцем он смотрится сейчас за рулем: пират, готовый напороться на коралловые рифы, просто потому что верит собственным байкам.

– В левом рукаве – ничего.

В динамиках появляется треск стекол, будто спорткар ле-

тит сквозь рой мошкеры. На таких скоростях частицы почвы превращаются в град, а крупный кусок может даже оставить на лобовом стекле трещину. Постепенно поток зерен усиливается, и я практически вижу, как стрелка его спидометра начинает зашкаливать.

– В правом рукаве – ничего.

Зеленая точка на циферблате все быстрее подползает к пятну, напоминающему скелет кита. Затем пропадает из вида и...

Возле останков завода раздается грохот, похожий на мощные раскаты грома. В какой-то момент ловлю себя на мысли, что Лью врезался в торчащий кусок железа или налетел на каменную глыбу. Но тут же приходит понимание: с такого расстояния подобный звук услышать просто невозможно, потому что акустика здесь ни к черту. Случилось явно что-то другое.

Над заводом всплывают сизые клубы песка, и это единственное, что мне удастся разглядеть. Совершенно не улавливая суть происходящего, перевожу взгляд на радар и вижу: точка снова появилась, но уже в другом конце циферблата. А это может означать только одно – Лью мгновенно переместился больше, чем на полмили, и как ни в чем не бывало продолжает двигаться с другой стороны холма.

– Как тебе такое, Боб Уильямс¹⁷? – Шелест в динамиках появляется так же внезапно, как исчез.

---

¹⁷ Вымышленный гонщик, персонаж клипа на песню Р. Уильямса «Supreme»

И я в ступоре.

Голова начинает гудеть от попытки осмыслить произошедшее и понять, как на это реагировать. Я даже не заметил, как успел подскочить на ноги и взобраться на вершину склона: никогда еще не испытывал такого страха и замешательства одновременно. Неужели его разговоры про червоточину чистая правда?

Не будь у меня в руках приборов, я бы решил, что возле руин завода случилось что угодно – от внезапно начавшейся аномальной грозы до необъяснимого взрыва двигателя (который априори не способен с такой силой рвануть). Но я бы ни за что не подумал, что объяснение может оказаться настолько же невероятным, насколько и простым: невидимое поле существует, и в его пределах действительно открывается червоточина.

А ведь еще два дня назад мысль о кротовой норе возле «ОАЗИС-1» казалась трепом наркомана, которому неплохо удастся «Кровавая Мари». Его желание доказать, что червоточина реальна, я принял за попытку реабилитироваться, которая по моим представлениям должна была закончиться чем-то вроде: «извини, мост развеялся. Но клянусь, я говорил правду. Как видишь, даже сам готов был проверить». А теперь все это произошло буквально у меня на глазах: он исчез в одном месте и появился в другом. Целый и невредимый.

– Кстати, нет здесь никакой радиации. Наверняка это

дерьмо выдумали, чтобы никто сюда не совался.

Не слышу, что он говорит. Или не хочу слышать. Минуту назад материя преодолела пространство без затрат времени, и это невероятно. А он рассуждает про какую-то радиацию. Точно псих.

– Ты здесь?

Уйма вопросов приходит на ум: как это работает? насколько опасно для жизни? что это вообще за штуковина? почему его порш не выкинуло в космос или не зарыло под грунт? распадется ли теперь континуум?.. Озвучиваю же самый идиотский:

– Там что-то было, когда ты проскакивал?

Молчит. Или задумался, почему я все это время не выходил на связь, или прислушивается к своим ощущениям в момент «прыжка». Через несколько секунд отвечает:

– Ты имеешь в виду свет в конце тоннеля?

Не могу понять, в прямом он смысле или переносном. Но это и не важно, потому что ни то, ни другое я не имею в виду:

– Видно ли эту штуку, когда к ней подъезжаешь?

Вздыхает. Видимо, пытается подобрать слова тому, что почувствовал, когда продырявил пространство. Наконец, прокашливается и говорит:

– Ничего не видно. Просто появляется ощущение, что ты сейчас окажешься на той стороне. А потом становится ясно, что это не просто ощущение, а так оно и есть. Короче, когда будешь перемещаться, ты поймешь, что это именно оно. Ес-

ли ничего не почувствуешь – тормози, чтобы не врезаться в железяки или еще во что-то. Лучше – попрактикуйся.

Разумеется, попрактикуюсь. Когда хоть каплю приду в себя. В голове не укладывается, насколько зыбкими оказались мои представления о пространстве и времени. Неужели такая жуткая штуковина, как кротовая нора, может существовать в реальности? и опасно ли «открывать» ее практически на поверхности планеты?

Допустим, она не может образовываться за пределами поля, а точнее – его гребней (как объяснял Лью, кротовина может раскрываться только в тех областях, где волна накладывается на волну, то есть чуть выше поверхности платформы). Но означает ли это, что весь остальной пространственно-временной континуум в безопасности? Почему-то мне так не кажется...

В любом случае, какие бы подводные камни не таились в этой штуковине, и как бы пугающе все это не выглядело, подобные мысли не остановят меня: я готов на все ради победы, и не сверну, даже если придется нырнуть в безвременье.

Но для начала нужно научиться ездить по бездорожью, и желательно на хороших скоростях...

Утром о комплексе «ОАЗИС-1» поговорить особо не с кем. На орбите третий день висит грузовой «Меркурий», а оформлен и разгружен он только наполовину. В док опускается очередной шаттл с контейнером, и нужно рассортиро-

вать его содержимое по беспилотникам. Работа проще некуда. Но после того, что случилось ночью, даже дергать рычаги крана кажется непосильной задачей: ощущаю себя словно лист бумаги, который сложили пополам и продырявили карандашом.

На все вокруг смотрю по-новому, будто пространство обрело свойство вроде хрупкости. Даже порт, в котором я работаю уже два года, больше не кажется чем-то привычным: желтые скелеты кранов, погрузчики с торчащими бивнями, ржавые пузыри офисных модулей и возвышающиеся над ними диспетчерские кабины – все теперь кажется искусственным и декоративным, словно макеты, залитые эпоксидной смолой...

– Не спать, Нил! – Кряхтение голоса в динамиках возвращает меня к реальности. – Ты же сейчас врежешься!

Смотрю на контейнер и едва успеваю дернуть рычаг – как бы шуточно не звучал тон Тима, напарник оказался прав: я чуть не сбил контейнером погрузчик.

– Неужели еще столько же? – Спрашиваю просто так, чтобы поддержать разговор. На самом деле мне не так уж и важно, сколько контейнеров осталось на «Меркурии». Мысленно я продолжаю находиться у останков завода.

– Меньше. – Вздыхает, будто ему осточертело ждать, когда закончится подача груза. – Часть контейнеров забраковали, потому что сильно фонят. Плохо упакованные батарейки, короче.

Недолго думая, решаю спросить:

– Кстати, насчет радиации – ты что-то слышал об экспериментах под прикрытием «Оазис один»?

На миг замолкает – чтобы зафиксировать рычаг, судя по щелчку.

– Ты про тот проект «Перпетуум мобил», о котором все заговорили после коллапса?

Значит, что-то слышал. Уже интересно.

– Да. Что скажешь по этому поводу?

В динамиках раздается ни то кашель, ни то смех. В какой-то момент начинаю жалеть, что спросил – по его тону можно предположить, что это какая-то чушь вроде марсианских катакомб или травы в районе Скиапарелли. И тут неожиданно для меня он говорит:

– Скажу, что они доигрались, вот что. Все эти опыты с антиматерией всегда заканчиваются или взрывом, или мощным облучением. Думаешь, там постарались фанатики, которые хотели предотвратить войну на почве терция? – Берет паузу, хотя вряд ли дожидается ответа на вопрос, потому что вопрос скорее риторический. Замечаю в иллюминатор, что он просто увлечен водружением ящика на зерновой беспилотник. И похоже операция пошла не совсем удачно, так как ящик чуть не опрокинулся. – Смешно.

В его голосе чувствуется разочарованность наукой, причем ближайшие лет на сто. И это позиция большинства жителей Оазиса, которую я никогда не разделял. Да, «замороз-

да» канула в лету, потому что оказалась опасной для жизни. Да, что-то случилось с заводом, и скорее всего из-за научных экспериментов. Но всего два события не должны характеризовать научно-технический прогресс в целом. Просто с момента обнаружения терция началось что-то вроде золотой лихорадки с лошадиными скачками. А еще – несколько сфер деятельности оказалось не в тех руках. Только и того.

После рабочего дня направляюсь не в бар, а сразу на стоянку за «акулой». Предстоит долго и нудно изучать местность и прокладывать маршрут, поэтому начать нужно немедленно. А если я планирую небольшое отклонение от заезженных мест – в сторону завода – быть может, придется еще и пройти там несколько раз «метлой». Так что о всякой ерунде вроде бара или виртуального сна в ближайшее время можно забыть.

V

Тренироваться без инструктора еще сложнее, чем следить за маршрутом без штурмана. Ни первого, ни второго я себе позволить не могу, поэтому остается полагаться лишь на собственные силы. И еще – на штуковину возле «ОАЗИС-1», про которую, надеюсь, больше никто из участников не знает. А большинство из них уж точно опытней меня, так что рас-

клад не из лучших.

Остаток денег уходит на батареи, запасные колеса, «синхрофазотрон» (который я решил приобрести, когда ощутил на себе всю прелесть энергетического импульса) и целую уйму починок, несколько из которых капитальных. Оказалось, в свое время Фин разобрал на запчасти почти половину коллекции, после чего решил наладить доставку электрокаров и всего необходимого для их обслуживания. Другими словами, каждый крутится как может.

Синемаскопы наверняка прослушиваются, поэтому я не говорил Мэй насчет идеи «срезать» путь. Она считает, что участвовать в чемпионате Меридиана так же опасно, как «летать на Тесла вдоль пояса астероидов». И хоть я ни за что ей в этом не признаюсь, Мэй даже не представляет, насколько права: Оазису выгоден вид спорта, в котором участники расшибались бы насмерть. Но ради билета домой я готов рискнуть.

Труднее всего будет переплюнуть такого соперника, как Рэй Линк. Я никогда не сталкивался с ним ни в баре, ни в автомастерской Фина, ни где-либо еще. Поэтому его образ кажется мне еще более легендарным, чем говорят о нем старожилы. А говорят они о «звезде рок-н-ралли» довольно много, хоть и не все из этого может оказаться правдой.

Рэй Линк застрял в Оазисе не так давно, но в кругах пилотов успел прославиться как ездок первоклассный. В прошлой жизни он был счетоводом, живущим от одной аферы

к другой и просаживающим деньги на все то, что сводится к девизу рок-звезд (кроме рок-н-ролла). «Зарплата мертвым душам», откаты от договоров с контрагентами, оприходование товаров по завышенной цене и куча других схем – вот, что заменяло ему рок-н-ролл. Причем прибыль от таких «концертов» была сравнима с гонорарами гитаристов вроде Пола Фингера или Джо Бакарди. Даже после запрета криоконсервации ему все-еще хватало денег, чтобы покинуть красный город. Но как это часто бывает, пока Рэй отходил от наркотического угара, фирма заподозрила неладное и решила под него копнуть, вырыв тем самым мошенническую яму размером с кратер Стикни. В итоге все награбленное у Счетовода на то, чтобы откупиться от суда и приобрести себе на сдачу электрокар.

Конечно, мастерство Рэя сильно приукрашено, потому что в спорте он не так давно. Тем не менее, две победы подряд нельзя назвать обычным везением. А если учесть, что участвовал он всего три раза, и все три раза побеждал – это уже становится похожим на закономерность. Да что там говорить, чертов аферист словно открыл в себе новый талант. Не могу только понять, что заставило его пропустить один из чемпионатов в позапрошлом году, и можно ли сейчас рассчитывать на этот пункт.

А еще не ясно, почему звезда Рэй Линк, взявший столько гран-при, до сих пор торчит в Оазисе. Может, он влез в долги, чтобы не загреметь за решетку, и теперь выплачивает

их. Или решил накрутить денег на чемпионатах, и через пару лет вернуться домой миллионером. Если так, то на этот раз мастерство ему вряд ли поможет, потому что решающий козырь теперь в моих руках. С другой стороны, не так легко будет победить легендарного пилота, даже зная про дыру в заборе.

Еще один гонщик, которого сложно будет превзойти – Рам Вольф. Этот коренастый австриец так часто зависает в автомастерской, что не пересечься с ним было невозможно. Его бордовый порш 953 постоянно всмятку, поэтому мне сразу стало ясно: решимости ему не занимать. Еще Вольф соперник серьезный хотя бы потому, что на его счету две победы. А причину, по которой он все еще в Оазисе, я узнал из первых уст, хотя эта история чуть не стоила мне жизни.

А дело было так: прихожу в автомастерскую за порцией батарей и вижу, как Фин снова возится с бордовым поршем. Снимаю шлем, приветствуюсь и спрашиваю, долго ли ему еще зависать в яме, на что слышу испанское «так себе». Решаю подождать.

Миную колоннаду покрышек и наталкиваюсь на самого Вольфа, сидящего среди запчастей с банкой «сезама». Тень стеллажа лежит на столе как паутина, делая это место не просто унылым, а мрачным-в-клетку. Вольф же похож на профессора кафедры по психологии, который забрел не туда – настолько серьезен и пронизателен его взгляд, особенно вместе с резкими чертами лица. Лишь несколько штрихов

выбиваются из «образа доктора наук» – левый висок заклеен, а над бровью два параллельных шрама и следы швов. Безучести ему тоже не занимать, если сумел пережить несколько разгерметизаций.

Вольф ставит банку возле шлема, проводит рукой по щетине и спрашивает:

– Может, партейку?

– Если спроецируешь: у моего циферблата заряд на нуле. – Беру стул и сажусь напротив, с мыслью, что это неплохая идея, чтобы скоротать время.

Он достает из-под стола деревянную доску:

– Есть кое-что получше.

Кладет ее на стол, оглядывается и берет с полки какие-то маленькие штуковины:

– Вместо офицера возьмем штекер, а турель заменим резистором.

Отлично, думаю. Нет способа лучше узнать врага, чем дружеская партия в шахматы. Насчет врага я конечно преувеличиваю, но друзьями соперников ралли тоже назвать сложно. По крайней мере, здесь.

Спустя пару ходов решаю завязать беседу:

– Я слышал, ты был пилотом пассажирского корабля.

Он продолжает смотреть на доску насупившись. Наверное, как и я – с непривычки после голографических фигур, потому что расклад пока не такой напряженный. Затем перекрывает резистор пешкой и говорит:

– Недолго. Пока не лишился свидетельства, – облакачивается на перило, делает глоток из банки, – причем, по весьма неприятному стечению обстоятельств это случилось именно здесь.

Догадываюсь, в чем дело, но решаю спросить:

– И как же так вышло, если не секрет?

Вольф приглаживает пластырь, смотрит на меня, и взгляд его становится мрачным:

– Когда я собирался в очередной рейс из Оазиса, у меня обнаружилось то, что сейчас носит название дефроз нервной системы. Тогда еще никто не знал о «ледяной болезни», но невыносимые головные боли говорят сами за себя. Позже дефроз был выявлен у всех пилотов без исключения, ввиду издержек профессии. – Переводит взгляд снова на доску. – Кстати говоря, это и положило начало полному запрету криоконсервации.

После этих слов Рам касается ферзя, затем отрывает от него палец и начинает смотреть куда-то в сторону, явно копаясь в неприятных воспоминаниях. И тут, не отводя взгляда от стены, говорит:

– А еще через некоторое время дефроз обнаружили у моей супруги.

Интересно, почему «ледяная болезнь» стала бичом пилотов? Почти машинально спрашиваю:

– А что это за «издержки профессии» такие?

Рам смотрит на меня, подняв брови:

– Тебе ведь известно, что пассажирские лайнеры управляются... управлялись раньше тремя пилотами?

– Вроде как посменно?

– Да. – Он допивает банку до дна и делает ход конем, его взгляд снова становится профессорским. – При этом один пилот вел судно, а двое пребывали в состоянии фростации. Иными словами, разморозка и заморозка каждого из пилотов происходила раз в двое суток. Такая частота практически неизбежно приводит к дефрону. Впрочем, у некоторых болезнь начинала развиваться уже после единичной процедуры.

Отвечаю на его ход хитростью, которая наверняка в кругах гроссмейстеров как-то называется. Затем спрашиваю:

– Как у твоей жены?

Он принимается к очередной уловке, скармливая мне пешку, и попутно отвечает:

– Нет. Моя супруга пользовалась криоконсервацией не менее часто, потому что придерживалась такого же графика, как у меня. Полагаю, многие так делают, когда ждут кого-то с рейса. Вернее, делали.

Загоняю офицера в угол, теряя тем самым коня. Могло быть и хуже, но сведения про «ледяную болезнь» интересуют меня больше, чем игра.

– Но ведь эта штука считается смертельной, разве не так?

Он снимает с доски еще одну фигуру, вздыхает и говорит:

– Да, но к счастью она излечима. И несмотря на то, что

бывшим пилотам полагаются льготы, мое лечение обошлось мне в половину премии, а на лечение супруги ушла практически полная ставка.

Смотрю на него с удивлением, пытаюсь понять, что пошло не так. Вопрос сам срывается с языка:

– И ты решил в итоге поселиться в Оазисе?

Он замирает, и на его лице читается полное замешательство:

– С чего ты взял?

По реакции Вольфа понимаю, насколько мое предположение далеко от правды. Но все равно не ясно – что его здесь держит? Решаю продолжить мысль:

– Оставшейся половины как раз хватило бы на дорогу домой.

– Нет никакой оставшейся половины, – на миг он чуть не вышел из себя, но быстро вернул самообладание, сосредоточившись на игре, – все остальное я потратил на коррекцию зрения и борьбу с зависимостью.

До этого момента я и подумать не мог, что тип вроде него может на чем-то торчать.

– «Ви-зи»? Неужели и ты туда же?

Он приставляет пальцы к вискам, закрывает глаза:

– При дефрoze головная боль адская. Нужно было чем-то ее заглушать. А из наиболее эффективного в Оазисе только винилзергин.

Теперь ясно, зачем он снова ввязался в гонки самоубийц.

Так же, как и я, впрочем.

– То есть, сейчас ты борешься за билет?

Тут на лице Вольфа впервые появляется что-то вроде ухмылки:

– Полагаю, никто не участвует в гонках ради гонок. Ты ведь тоже пришел к этому не из желания стать новым Томом Кристенсеном, не так ли?

Ничего не остается, кроме как согласиться. Тут он в точку.

– Ты прав. Я застрял здесь из-за терция, да еще и притащил с собой жену. Потом случилось это дерьмо с заморозкой и...

– Так ты в Оазисе с женой?

Откровенность за откровенность, думаю. Хоть и не сто-процентная.

– Нет. У меня оставалось денег на одну путевку, и я убедил ее вернуться обратно.

– И она согласилась?

Понимаю, как это прозвучало для человека, который не в курсе всех деталей. Но про сорвавшуюся махинацию, которая делает меня похожим на «Счетовода», я точно умолчу.

– Мне пришлось ее обмануть, сказав, что я полечу следом. Ну, не совсем обмануть, потому что я и сам так планировал. Но позже, чем она думает.

Он ставит мне шах, и его ухмылка становится шире. Но мне почему-то кажется, что не из-за игры.

– Позже – значит после победы в чемпионате. Верно?

Съедаю конем штекер, избежав тем самым угрозы.

– Вернее и не скажешь.

Целиком переходит на смех. Затем подрывается, как на пружинах, и направляет на меня ламповый револьвер. От неожиданности я даже не сразу понял, что произошло, но когда заметил уставившийся на меня глазок дула, все стало на свои места: передо мной свихнувшийся психопат, способный на что угодно. А значит, угроза более, чем реальна.

От этой мысли мгновенно пересыхает в горле, и кажется, будто по жилам пустили ток. Все вокруг перед глазами начинает меркнуть, кроме одного – черного отверстия размером с булавку, из которого вот-вот может вылететь заряд. А еще – безумного взгляда наркомана, которому ничего не стоит нажать на спусковой крючок. Тем более в таком состоянии.

Пауза затягивается. На ум ничего не приходит, кроме как сказать:

– Ты что, забыл вмазаться? У тебя же ломка.

Проговариваю, и только после этого осознаю, насколько неплохой ход – дать понять, что тут замешана третья сила. Или хотя бы что я так думаю. Все-таки, в стрессовой ситуации мозг работает по-другому, выдавая идеи, которые в обычном состоянии в голову бы не пришли.

Он продолжает смотреть на меня, как псих, у которого сдали нервы и который почти нашел отдушину. В следующее мгновение его взгляд начинает становиться трезвым, и он говорит:

– Не знаю, что на меня нашло. Расщепить тебя на атомы прямо здесь – крайне неразумно.

Слышу шорох – у порога появляется Фин. Лица его не вижу, так как мое внимание все еще приковано к револьверу. Но скорее всего, на нем читается шок.

– Эй, хотите поубивать друг друга – идите в открытый космос! – Грохот говорит о том, что Фин бросил в кучу хлама какую-то железяку. – Здесь территория Чили, поэтому отвечать будете по всей *el rigor de la ley*¹⁸!

Не передать словами, какую волну облегчения я испытал в этот момент: как будто неведомая сила, все это время державшая меня за шиворот, наконец, отпустила и позволила дышать. Мозг снова начал соображать нормально, и на смену животному ужасу пришло полное осознание ситуации: чертов отморозок в самом деле мог испепелить меня, не оставив и следа. И наверняка убийство сошло бы ему с рук, избавься он сразу же от остатков тела. Так что мне просто невероятно повезло, что его гребаный приступ (или как это назвать?) случился в автомастерской, а не где-нибудь в другом месте, лишенном датчиков и свидетелей.

Нужно отдать должное Фину: своим появлением он буквально спас мою задницу. Кто знает, чем бы все закончилось, если бы не «бог из машины». Да еще и с пистолетом для девятидюймовых гвоздей в руках.

Выхожу из салона, переваривая вынесенный урок: сопер-

---

¹⁸ «Строгость закона» (пер. с исп.)

ников ралли Меридиана можно считать полноценными врагами. У каждого только одно на уме – любыми путями вырваться из Оазиса, даже если придется кого-нибудь устранить. Наверное, это что-то вроде психоза на почве замкнутого пространства. Что ж, теперь я буду готов к подобным выпадам.

Нужно постоянно быть начеку. А еще лучше – обзавестись оружием.

VI

Достать ламповый револьвер в Оазисе не так просто, как я думал. Помогла Сью – сестра Ника Флетчера, у которой оказалась парочка полезных связей. К счастью, договариваясь с оружейным бароном, она еще не знала, что я их соперник по ралли. В противном случае, стычки вроде той, что произошла в автомастерской, все еще представляли бы для меня реальную угрозу.

Ради чувства безопасности пришлось влезть в долги, но Лью тип адекватный. После нашего уговора ему больше не на кого рассчитывать, чтобы свалить из города. Поэтому, когда он узнал, зачем мне нужны деньги, недолго думая согласился и одолжил пару сотен с задатка. Правда, неохотно: Лью не хуже меня понимает, что выплачивать долг может ока-

заться некому.

От него же я узнал историю Ника и Сью.

Брат и сестра Флетчеры прилетели сюда не просто ради терция. У них был проект по переработке руды, который должен был удешевить возню с добычей «частиц третьего спутника» (кстати, вся эта чушь про третий спутник Марса, который целиком состоял из терция, в научных кругах даже не обсуждается. Странно, почему название прижилось). Ник геолог, а Сью – химик, но в этом деле им пришлось выравнивать свои знания, так как по отдельности они бы мало к чему пришли.

И вот, закончив с теорией, Флетчеры направились в «ОА-ЗИС-1» со всем необходимым оборудованием, чтобы проверить идею на практике. И пока находились в заморозке на борту, комплекс по добыче терция взорвался. А по прибытию в красный город их ждал сюрприз гораздо хуже, чем прогоревшая нобелевская премия. Хотя и не настолько дерьмовый, как в случае с Вольфом, схлопотавшим ледяную болезнь и целиком двинувшимся умом. Так что все относительно.

В ралли Ник такой же новичок, как и я, что уже радует. Но в отличие от меня, у него есть неоспоримое преимущество – Сью решила взять на себя роль штурмана. Это не делает его опытной, но избавляет от кучи работы и дает больше времени сосредоточиться на тренировках. Обнадеживает лишь мысль, что Сью вряд ли сделает на своей карте пометку

«кротовая нора» протяженностью в полмили.

Признаться, эта штукавина рядом с заводом до сих пор меня пугает. Я так и не решился испытать ее лично, а сделать это нужно. Лью сиганул туда прямо при мне, причем так ловко и уверенно, что скорее всего делал это не раз. Видимо, он не соврал, говоря, как давно совершил для себя открытие. А если так – с тех пор прошло достаточно времени, чтобы заподозрить в нем какие-то изменения. На вид же Лью абсолютно здоров (не считая давней хромоты и покраснения глаз), причем как физически, так и психически. Правда, нужно быть психопатом, чтобы соваться в такое место.

Похоже, я психопат.

До чемпионата остаются считанные дни, поэтому сейчас или никогда. Я и так слишком долго оттягивал этот момент, проезжая во время пробных заездов мимо и отнимая пятнадцать секунд от результата. А выходить на гонку, не обследовав червоточину, было бы краем идиотизма. Кто знает, насколько сильно повлияет на меня скачок в пространстве, и смогу ли я продолжать после этого вести машину. Вот и проверим.

Доезжаю до останков комплекса и ловлю себя на мысли: мозг начинает перебирать сотни причин и поводов, чтобы не делать этого. Даже лиловые сумерки кажутся не просто предрассудком, а предостерегающим знаком. От страха перед неизвестностью железные ребра начинают выглядеть пугающе – будто их пыталась заживать невидимая сила, прита-

ившаяся между скелетом конвейерной башни и диспетчерской. Хотя на самом деле кротовина совсем в другой стороне: напротив одного из модулей, над присыпанной песком платформой.

Останавливаюсь в полумиле от завода, чтобы собраться с духом. Замечаю, насколько удобное это место для того, чтобы срезать путь: справа обзор на платформу перекрывает холм, а слева – склон кратера. Здесь во время чемпионата я пропаду из виду – если, конечно, на двадцать первой миле за мной все еще продолжают следить. Нужно будет проверить, так ли все удачно *на той стороне*.

От последних слов начинают шевелиться волосы на затылке. А от попытки осмыслить, что это все собой представляет – стынет кровь. Я куда-то провалюсь в районе платформы и окажусь на той стороне... чего? пространственного мусоропровода? Останется ли все вокруг прежней реальностью, или это будет уже что-то другое? что-то *потустороннее*?

Думаю о Мэй. О том, как снова увижу ее, когда «прыжок» гарантирует мне победу. О том, как буду вспоминать вместе с ней обо всем произошедшем – будто это самое идиотское, что могло с нами случиться. Хотя гораздо глупее было бы проехать мимо червоточины и проиграть, оставшись в сотнях миллионов миль от Мэй настолько долго, насколько затянется научно-технический кризис. Может даже навсегда.

С этими мыслями страх почти проходит, включается ра-

циональное мышление. Вспоминаются расчеты, произведенные Лью, и тут же делаю поправки: масса «акулы» тонна с четвертью, значит ее вес в состоянии покоя – меньше полтонны. «Масса червоточкины», если так вообще можно сказать – тридцать пять тонн, и она вроде как прилипла к платформе, находясь в состоянии покоя. Ставим между массой и весом знак равенства, потом делим на три: одиннадцать с половиной. Чтобы кротовая нора «заметила» меня и раскрылась, нужно весить минимум столько же, сколько она. Применяю формулу, и выходит, что необходимо разогнаться до девяносто одного метра в секунду. Проще простого.

Не считая одной тонкости, не предусмотренной в формуле: равнина за платформой усеяна булыжниками, будто сотни стоунхенджей после землетрясения. Если «трамплин» не сработает, на такой скорости безжизненные каменные крокодилы разорвут меня и мою «акулу» в лохмотья.

Что ж, один шаг для человечества, и одна педаль в пол – для человека.

Увидимся на темной стороне Луны, Мэй.

Давлю на газ, колеса словно начинают дымить оранжевым дымом. Машина срывается с места и пускается рассекать пустыню, взметая клубы песка и ускоряясь. Останки завода и склон холма будто устремляются навстречу, а все что позади мгновенно исчезает в бордовой мгле. Никогда еще не был так близок к ощущению полета сквозь космическую пустоту, как сейчас.

Приближаюсь к платформе и начинаю понимать, о чем говорил Лью: ощущение, будто я уже переместился, и осталось только дожидаться, когда меня догонит моя же тень. Хотя, я бы по-другому описал это чувство: словно червоточина тонкой ниткой потянулась ко мне – как хвост водоворота к сливу раковины – и в хвосте этом просматриваются очертания как моего спортсмена, так и противоположного конца равнины. Наверное, это что-то вроде галлюцинации, потому что передо мной явно ничего похожего на воронку. Скорее пузырь воздуха с пылью внутри, и то без каких-либо контуров. Неопишное зрелище, но сразу становится ясно: это именно оно.

И тут над платформой вздымается густой вихрь песка, в котором буквально можно раствориться. В этот момент ловлю себя на мысли – если все получится, во время чемпионата это тоже будет играть на руку. Песчаные смерчи явление не редкое, и нет ничего паранормального в том, что один из них вырос до гигантских размеров. Пусть он и похож на взрывную волну в обратной перематке – может, просто так пересеклись потоки ветра. Хотя не об этом сейчас нужно думать, а о том, какого...

...черта я все-еще не на той стороне? Что это? Получилось?

От шока теряю управление и чуть не опрокидываюсь. Едва выравниваю руль и тут же понимаю: от булыжников, на которые я несся, и следа не осталось. Это уж точно, иначе

мне пришел бы конец.

Но получилось ли?

Видеть со стороны не то же самое, что сделать самому. Я действительно в другом конце равнины, и то, как сильно это поражает воображение, не передать словами. Человеческий мозг не способен переварить такой опыт, вот и все что приходит на ум. Поэтому, нужно просто принять как данность – в одно мгновение я переместился на полмили и оказался за холмом, а руины завода и россыпь камней остались где-то позади.

Точно так же позади скоро останется Оазис. Теперь я точно не сверну с пути.

VII

Когда-то в красном городе было место искусству. И я говорю не об искусстве добывать терций. Под выставки художников даже возвели отдельный модуль, вход в который представлял собой точную копию каменного Сфинкса. Теперь от парадного изваяния осталась только голова с железными прутьями, накренившаяся над кратером, как напоминание об одном из самых сильных метеоритных дождей со времен колонизации. А еще – об оглушительном треске, с которым проект «Оазис: столица будущего» провалился.

Модуль искусства не прослужил своей цели и полугодом, но одно мероприятие в его залах состоялось. А первой и последней была выставка картин итальянца по имени Луи, чьи шедевры мало кто понял (если понял вообще). Думаю, всеобщее непризнание и заставило его сменить холст и кисточку на руль спорткара. А может, все дело в кризисе, который вывел на первый план материально полезные виды деятельности, превратив искусство в излишнюю роскошь.

Луи не просто так взял себе гоночный псевдоним «Пикассо». Его настоящая фамилия настолько сложная, что я даже примерно не могу ее припомнить. А вот «Пикассо» в самый раз, особенно для единственного в городе художника. Хотя его мазня имеет мало общего с картинами испанца, напоминая больше следы шин в исполнении каракатицы.

Впрочем, искусство штука сложная, поэтому здесь могу ошибаться. Мэй как-то рассказала мне историю – ни то притчу, ни то реальный случай – про то, как однажды к реальному Пикассо пришел тип, считавший себя художником. Он говорил, что рисует не хуже, и показал мастеру свои «шедевры» в таком же ключе – сплошные абстракции из треугольников и квадратов. Пикассо на это посмотрел и спросил, сможет ли новоиспеченный творец нарисовать, например, человеческую руку. Тип помотал головой, на что маэстро ответил «когда сможешь, тогда и приходи».

Так может оказаться и в случае с этим парнем – либо он великий виртуоз, которого нужно понять, либо бездарный

сноб. Главное, чтобы не оказался асом вроде Рэя Линка или Рама Вольфа, и не открыл в себе новый талант – заставлять соперников глотать пыль. Потому что сильных гонщиков в нынешнем сезоне и без него хватает.

Рядом с развалинами Сфинкса расположена штаб-квартира «Ралли Меридиана». Запись на участие, взнос и прочая организационная ерунда происходит по сети, но за сол до начала чемпионата организаторы собирают всех пилотов, чтобы повидать лично. И это не какой-нибудь официоз с фуршетом, конфетти или чем-нибудь в таком роде. Всем давно плевать на подобные мероприятия – только проведите гонку и раздайте денежные призы, чтобы сразу в порт и на корабль. На гонщиков хотят посмотреть по той простой причине, что личное присутствие – самый эффективный способ идентификации. А делают это прямо перед гонкой для того, чтобы проверить, кто до сих пор в игре, и внести поправки в графики, если кто-то выбыл. Мало ли что с кем-то может произойти до открытия чемпионата.

В этот же день проверяется соответствие спорткаров требованиям, поэтому прибыть нужно либо на болиде, либо с ним. Паркуюсь в стояночном ангаре и вижу, что многие пилоты предпочли второй вариант – большинство машин стоят на самоперелетных платформах. Что ж, я попал в меньшинство тех, кто решил прокатиться за рулем и лишний раз потренироваться. Мне это только пойдет на пользу.

Каменная голова с торчащими из нее опорами смотрит-

ся жутко. Эта штука больше похожа на гигантского краба с человеческим лицом на панцире, чем на останки Сфинкса. Прямо за ней во всей красе распростерся Оазис – сотни люков, ржавых пузырей, башен, панцирных навесов и всего того, что можно назвать скорее не городом, а металлическими ростками, вылезшими из-под песка. Даже не верится, что когда-то эти черные початки, охраняемые железобетонным изваянием, вселяли надежду на будущее. Теперь можно с уверенностью сказать лишь одно – на руинах здравомыслия будущего не построишь.

Отмечаюсь в сканере, спускаюсь в зал и окидываю взглядом помещение: потолок держат ни то колонны, ни то подпорки моста, утыканные заклепками. Со всех углов свисают лампы, но светятся только две, и то слабо – словно это передние фары мотоциклов, у которых вот-вот сядет заряд. По центру гигантский глобус из красного камня, может даже из гранита. Столы смогли бы уместить сотню гостей, но пришло не больше двух дюжин. И почти все столпились у кофейной машины – кроме четверки умников, спорящих между собой, и худенькой азиатки с татуировкой спутника на запястье.

Я бы решил, что она грид герл, если бы не единственное женское имя «Кью Мори» в списке участников. Наверное, это самая скрытная участница, потому что никто ровным счетом ничего про нее не знает – кроме того, что она принимает участие в чемпионате впервые, а еще – ездит без штурмана. Оба факта всем на руку, а остальное кого-либо мало

интересует, пусть она хоть космическая мисс года.

Среди примелькавшихся лиц только Рам Вольф и Сью Флетчер. Смуглый брюнет рядом с ней – скорее всего Ник (сходство между ними есть). Четверка за столом – братья-химики со своими штурманами, не иначе. Кажется, их я видел в баре, и там они точно так же рассуждали о высоких материях, попивая джин. Остальных не знаю, хоть и допускаю мысль, что хотя бы раз пересекался с каждым из них – Оазис город круглый.

Сажусь за стол, слыша, как рядом разговаривают два пилота. И тут словно щелчок в голове – до меня доносится имя «Рэй».

– ...все равно, что заменить Джейн Грир какой-нибудь Бэтси Кью. – Говорит тот, кого собеседник только что назвал по имени. – То есть, представь: ты берешь «Большой обман» и вырезаешь все сцены с Джоан, вставляя вместо них кадры из «Садового чаепития».

Менее уверенный отвечает:

– Разница есть, тут я соглашусь. Но...

– Здесь так же. – Перебивает первый, и судя по звуку швыряет стаканчик в утилизатор. – Вместо «Альпин» ты предлагаешь какую-то рухлядь.

– Да она просто идеальна, – голос второго обретает уверенность, но все равно чувствуется, что перед ним кое-кто поопытней, – особенно в тех местах, где приходится петлять. Мы же не только на скорость соревнуемся.

– Именно, что на скорость, – тон первого становится еще более раздраженным, – все прочее дерьмо давным-давно никого не интересует.

– Я имел в виду маневренность, без которой тоже далеко не уедешь.

– «Альпин» справляется не хуже. А твоя Бэтси Кью к тому же бездушна, как железяка.

Последняя фраза заставляет ухмыльнуться. Неужели и «звезда рок-н-ралли» верит во всякие забобоны вроде машин, наделенных душами? Похоже, что так.

– Как знаешь, Рэй. – Парень вздыхает и направляется к автомату – я понял это, потому что следующая фраза доносится издалека и на фоне зашипевших кранов. – Я этих тонкостей не улавливаю, потому что не гонщик. Поэтому, тебе видней.

Других участников с именем Рэй нет, так что это точно был Линк и его штурман. Забавляет, как сильно он проникся идеей про одушевленность машин – даже выбор спорткара стал результатом каких-то духовных штук, которые он «ощущает». Как бы там ни было, шизофрения не мешает ему занимать первые места и раз за разом срывать куш.

Спустя полминуты появляется невысокий, но хорошо сложенный тип (организатор или один из них, что вероятнее), все присутствующие рассаживаются по стульям, и он без лишней болтовни переходит к делу:

– Рад приветствовать. Я Люк Сторнфорд, если кто меня

не знает. Руководитель проекта Меридиан. Завтра первый заезд. Всего их будет три, с перерывами по пять сол. – Говорит, и я ловлю себя на мысли, что он похож на какого-нибудь терциевого магната. – Подавали заявки двенадцать пилотов, но подтвердили участие лишь одиннадцать. Так что следите за изменениями в графике. – Он отвел взгляд и задумался, как если бы прямо сейчас начал прикидывать новый график. – Что касается дальнейших корректировок: их не будет. Каждый стартует в обозначенное для него время, а неявка будет порождать окно. – С этими словами он разомкнул ладони, будто с помощью рук направил мысль в аудиторию. Затем снова сложил их в замок, окинул всех присутствующих взглядом и добавил. – В остальном правила не поменялись, и вы наверняка их знаете. Вопросы?

Спрашивали в основном новички, и все уточнения касались проверки машин – как долго это происходит, будет ли перед стартом еще один техосмотр, дается ли время на устранение недостатков и все в таком духе. Насчет правил вопросов не возникло – все они прописаны настолько тщательно и подробно, что не оставляют воли воображению. И все они нарушаются, пока никто не видит – потому что в любых правилах меж строк есть пункт про слепые зоны.

В этом мне довелось убедиться на личном опыте.

К счастью, с генераторами электромагнитных импульсов я разобрался быстро – штуки коварные, но терпимые, особенно если держать в бардачке аннигилирующий их «син-

хрофазотрон». А вот «миражи» на моем пути еще не попадались. Впрочем, попадись хоть один, меня бы здесь уже не было – нет ничего опасней в ралли, чем каменная глыба, которую с-помощью скрытых приборов сделали невидимой. Но хуже всего, что от этих ловушек невозможно никак спастись: сколько фарами не свети, лучи огибают поле и встречаются по другую его сторону, создавая видимость пустоты. Даже не знаю, как подобная военная разработка могла угодить в руки к гонщикам.

После техосмотра отгоняю машину в бокс и сразу направляюсь в бар, чтобы расспросить у Лью насчет «миражей» – вдруг у него и на этот счет припрятана формула в рукаве. О том, чтобы глотнуть каплю спиртного и мысли нет, но повидавшись с пиратом считаю долгом – кто, как не он, пожелает мне удачи перед первым заездом.

Удивляет, что я до сих пор не говорил с ним о способах распознавать «миражи» – ведь если подумать, в моей победе заинтересованы мы оба. Я почти уверен, что его братец знал о механизме их действия, как и о любой другой секретной штуковине в этом проклятом подопытном городе. А вот успел ли поделиться своими знаниями с Лью, это уже другой вопрос. Вот и узнаю.

На входе обнаруживаю странную штуку: дверь не просто закрыта, а закупорена на все замки, хотя до конца рабочего сола еще куча времени. Если бы Лью отлучился на минуту, он бы не стал задраивать люк бара точно так же, как делает

это на ночь. Возможно, что-то случилось. И первое что приходит на ум – это как-то связано с нашими вылазками в район червоточины.

Набираю его по циферблату и слышу короткие гудки. Наверное, спит, отключив все каналы связи. Или забыл зарядить трубу, которая садится за считанные часы. В конце концов, нет ничего странного в том, чтобы единственный в округе бармен решил устроить себе больничный. Наверное, у меня просто разыгралось воображение накануне чемпионата.

Но тут же в голову закрадывается мысль – что, если это не так? Что, если ученые из «ОАЗИС-1» действительно решили от него избавиться, потому что просекли утечку информации? Ведь никто из обывателей доподлинно не знает – и про назначение коллайдера на территории комплекса, и про секретные эксперименты с антиматерией, которые привели к образованию странной аномалии, и уж тем более – про свойство поля порождать что-то вроде кротовой норы, перемещающей предметы из одной точки в другую. Похоже, эти знания кем-то оберегаются, и возможно настолько яростно, что их обладатели готовы пойти на все, лишь бы секретные научные разработки не попали в чужие руки. Тогда им ничего не стоит устранить парочку простаков, которые решили сунуть свой нос куда не следовало.

Надеюсь, я заблуждаюсь, а мои домыслы – лишь пустой мандраж перед гонкой. Потому что если дело обстоит именно так, то я следующий на очереди.

Хорошо, что револьвер при мне.

VIII

Дохожу до конца коридора и замираю, как вкопанный: дверь в мою комнату вскрыта. Внутри кто-то копошится, и судя по всему их несколько. Ученые? Пилоты? Кому еще я мог насолить, пока готовился к гонкам? То, что это связано с чемпионатом, не вызывает сомнений – красть у меня нечего, а взламывать модуль не наведя справки о хозяине тот еще кретинизм. Зато выследить, пока я буду на техосмотре, и по моему возвращению устроить засаду – это уже больше похоже на правду.

Но какого черта им нужно от меня?

Хватаюсь за револьвер, проверяю заряд – светится. Чего-чего, а моей вооруженности гости точно не учли. Хотя если их несколько, и у каждого ствол – открывать пальбу худшее, что можно придумать. Звонить в полицию тоже не вариант – мне карманы вывернут так же, как и остальным. А генератор шаровых молний это уже срок, причем приличный.

Нужно бежать, пока не поймали. По пути спрятать револьвер, и только потом сообщать о взломе. К моменту, пока появятся копы, эти отморозки могут разгромить весь модуль, поэтому вариант не лучший. Зато так будет куда разумней,

чем лезть на рожон.

Или вломиться и устроить перестрелку?

Нет, лучше не глупить. Кем бы ни были эти типы, мое появление явно не станет для них сюрпризом. Проклятые ублюдки одного меня только и ждут. И наверняка им ничего не стоит кого-то грохнуть, причем точно так же в открытую. Поэтому – бежать.

Пускаюсь по коридору прочь и едва долетаю до поворота, как слышу за спиной:

– А ну, стой! пока я не шмальнул!

Черт бы меня побрал – это Рик. Только копа не хватало.

Разворачиваюсь, держа руки на виду – с полицией шутики плохи. В одной руке шлем, револьвер на поясе. Сердце колотится, как будто внутри подпрыгивает поршень. На ум приходит самое глупое, о чем можно было сейчас подумать – хоть бы эта штука у него в руках не стрельнула сама по себе.

Рик как всегда: взвинчен до упора. Даже не знаю, как парня с такими слабыми нервами взяли в полицию. Мышцы лица дрожат, перчатки стянуты напряженными костяшками. В глазах читается безумие, и не возникает сомнений – он действительно может шмальнуть, только дай ему повод. Да и закон на его стороне, как ни крути.

Встретившись со мной взглядом, Рик показывает светящуюся закорючку на циферблате и говорит:

– Ордер на обыск модуля. Мои все вверх дном перерыли, но ничего не нашли, – вперемежку со страхом замечаю на его

лице удивление, – видать он скорее всего у тебя. А поскольку коридор считается частью модуля, я имею полное право...

– Личный осмотр. Знаю. – Аккуратно снимаю карман с револьвером и протягиваю ему, понимая, что это неизбежно. – Лучше скажи, к чему столько шума?

– Лью Гальтон убит, – он внимательно рассматривает мое оружие, будто изучает каждую царапину, – с трансклюатора вроде твоего. Ничего не хочешь сказать по этому поводу?

– Давно не видел его. Сейчас не до забегаловок. – Опускаю руки, так как больше не нахожусь под прицелом, и похоже его это напрягло – он делает шаг назад и кладет руку на кобуру.

– Вот как? Говорят, ты в его баре часто зависаешь.

– Где-то месяц уже там не был. – Отвечаю спокойно, но сердцебиение только нарастает, словно подлили кипятка. Бросает в мандраж от одной только мысли – не думает ли Рик задержать меня по подозрению в убийстве? – Готовлюсь к чемпионату.

– А трансклюатор тебе на черта? – Стучит по карману с добычей, за которую уже может посадить под арест. И с этим нужно что-то делать.

– Для самозащиты. – Отвечаю машинально, потому что правда. – Мало ли, что можно ожидать от пилотов.

– Чушь. – Смотрит в сторону, затем снова переводит взгляд на меня. – Ты попал, причем я говорю не про «хранение огнестрела». – Подходит ближе, держа оружие нагото-

ве. – Достоешь, значит, через Сю пушку, и буквально в считанные дни бармен получает заряд. Совпадение?

Так и знал, что он решит повесить это на меня. Когда речь заходит об убийстве – самое важное, найти первого попавшегося со стволом в кармане. И попробуй докажи обратное. Кажется, это называется «презумпция Оазиса».

– Зачем мне его убивать? – Спрашиваю, хоть и понимаю, насколько с его точки зрения это глупый вопрос.

– Мечь, корысть, сокрытие чего-либо – да хотя бы того факта, что у тебя шестизарядный сувенир от барона. – На миг бросает взгляд к полуоткрытой двери, где что-то стукнуло. – Нужно подчеркнуть. Короче, никто не будет разбираться, зачем ты его убил, если все только к этому и сводится.

Судя по начавшемуся шороху, обыск в моей комнате решили провести по второму кругу. Странно, почему Рик не дал своим понять, что поймал подозреваемого. Может, планирует без лишних свидетелей убрать меня, подстроив попытку бегства?

– И когда это произошло, детектив Рик? – В голове рождается план, как можно отвертеться – полчаса назад я находился в штаб-квартире Меридиан, и мой визит в модуль искусства зафиксирован всеми мыслимыми способами. – Ты уже установил время?

– Хочешь накрутить себе алиби? – Еще немного, и он сорвется на крик. – Можешь попробовать. Но статус главного

подозреваемого тебе гарантирован, как ни крути. Надеюсь, ты понимаешь, что это значит.

Намекает на изолятор. В любой другой ситуации временно попасть туда было бы терпимо – весь город стал сплошным изолятором, так что перспектива посидеть взаперти до выяснения обстоятельств (отстегивания кровных) не так пугает, как ему кажется. Куда больший страх вызывает вероятность загреметь за убийство, а это вполне возможно при раскладе вроде моего. Но даже гребаный изолятор для меня сейчас худшее, что только можно вообразить – это означает, что про чемпионат можно забыть.

И тут меня осеняет, кто мог все это подстроить, и я даже нахожу объяснение, почему лично не стал жертвой убийцы – избавиться от пилота напрямую означает навлечь на себя подозрение, а вот подставить ради дисквалификации уже другое дело. Это сделал кто-то из участников, и возможно я даже знаю, кто именно:

– Это Сью решила меня убрать?

На лицо Рика наползает удивление. Похоже, он в самом деле не понимает, о чем речь:

– В смысле?

– Минус один пилот. Ее брат участвует. – Начинаю раскладывать свою мысль по полочкам. – Может быть, она давно придумала эту уловку. Уверен, просто так никто не стал бы мне помогать с револьвером, тем более как сопернику.

На миг Рик меняется в лице, будто мое предположение по-

казалось ему правдоподобным. Но потом в его взгляде снова начинает читаться недоверие:

– Сю охотно дала показания против тебя, – смотрит на циферблат, проверяя, не стерлась ли запись, – но она и ее брат здесь ни при чем.

Может, он и прав. Не важно. Все равно ничем не подтвержденная догадка не позволит мне выйти из ситуации, в которую я угодил. Нужно попытаться выкарабкаться. Говорю как есть:

– Завтра начинается чемпионат, и я не могу пролететь мимо него. Уж больно велик гран-при. Стоит за него побороться.

Рик мотает головой:

– Сожалею. Будешь следить за трансляцией в изоляторе, делая ставки на пузырьки с «ви-зи».

Нужно намекнуть получше, пока этот чертов «блюстититель законов» не уперся окончательно:

– Ты не понял. Я возьму первое место, и куш поделим пополам.

Рик задумывается. Я проматываю в голове, насколько этот план хорош – так как уговор с Лью остался позади, в моем распоряжении теперь весь выигрыш. И я ничего не проиграю, отдав Рику половину суммы за возможность участвовать в гонках.

Для убедительности добавляю:

– Половина выигрыша – это сумма, эквивалентная билету.

Ты ведь хочешь попасть домой?

По его виду понимаю, что надавил не на тот рычаг. Осклабившись, он говорит:

– Я сюда откомандирован. Мне и так полагается билет назад.

Ставка слишком велика, чтобы так просто от нее отказываться, но в глубине души осознаю, что могу ошибаться. Остается последний аргумент, и я решаю пустить его в ход:

– Еще скажи, что тебе не нужны деньги. Если бы не крупное вознаграждение, ты не стал бы лететь в такую дыру. А тут еще и бонус от местного гонщика, размером с половину гран-при.

Колелется. Видно по тому, как нервно он начал постукивать по карману. Через мгновение вздыхает и скорее проговаривает, чем спрашивает:

– Ты предлагаешь, чтобы я закрыл глаза на убийство...

Удивляет, как уперто он стоит на своем. С чего он взял, что я замешан в убийстве? Да, у меня при себе был гребаный револьвер, но разве это о чем-то говорит?

– Не убивал я Лью. Если копнешь – выйдешь на того, кто это сделал.

– Или буду копать, пока не пробью дно. – Нахмуривается, затем добавляет, – Вот, что я скажу: мне нахрен не сдался еще один висяк.

Еще немного, и я уговорю его. Никто не откажется отхватить такую крупную сумму взамен простому бездействию.

Хотя убийство дело серьезное, тут его можно понять. Но ведь и я здесь ни при чем, если разобраться. Главное, не вестись на повышение ставки, которая и так достигла космических масштабов.

Перезожаю дыхание и продолжаю:

– Половина гран-при тебе тоже «нахрен не сдалась»?

Рик вскидывает брови, и кажется я понимаю, чему он так удивлен. Недолго думая, он озвучивает мою догадку, буквально срывая ее с языка:

– Ты так говоришь, как будто уже победил. Там же участвует Рэй Линк. Считай, напрасно потеряешь время.

Нет, его я не буду посвящать во все нюансы. Никто не должен знать про червоточину, даже далекий от всего этого коп вроде Рика. Поэтому лучше пусть думает, что я псих, абсолютно уверенный в своей победе.

– Я прошу лишь повременить пару дней. – произношу и ловлю себя на мысли: наверное, в этот момент я похож на какого-нибудь заядлого игрока, которому во что бы то ни стало нужно участвовать в гонках. Мне этот образ сейчас даже на руку. – Если проиграю – буду целиком под колпаком следствия. И без денег далеко отсюда не денусь, это уж точно.

Он снова задумывается и смотрит в сторону двери – будто проверяя, не слышит ли кто наш разговор (хороший знак, думаю). Затем спрашивает:

– А если выиграешь – тут же свалишь из Оазиса?

Мой ответ очевиден, но для протокола проговариваю:

– Как только – так сразу.

– И мне придется закрыть дело за недостатком улик...

Кажется, мы нашли общий язык. Опираюсь на стену и говорю:

– Разве это не стоит половины выигрыша?

Мне пришлось около получаса биться головой об стену, но в итоге Рик согласился. Я знал, что убедить его, предлагая такие огромные и легкие деньги, лишь дело времени. Хотя мысленно был готов к тому, что он откажется – слишком упертым показался мне этот тип, причем еще с дня нашего первого знакомства. Тогда он пошел на все, чтобы моя махинация с чипами дошла до суда, и мне пришлось откупаться на высшем уровне. Сейчас же совсем другие ставки на кону, и нужно быть идиотом, чтобы этого не понимать.

Но кому же все-таки не угодил Лью? И стоит ли мне его – или их – опасаться? Быть может, это все та же идея кого-то из пилотов – подставить меня, чтобы я не смог участвовать в гонках. В таком случае, кто бы это не сделал, он знал про мою сделку с оружейным бароном. Так что Сью вполне может быть замешана в этом. Не знаю, с чего Рик взял, что она не при делах.

С другой стороны, я всего лишь новичок, не проявивший себя, как «звезда рок-н-ралли», свихнувшийся пилот-наркоман Вольф или кто-либо еще. А кто станет избавляться от докера, впервые севшего за руль, тем более таким рискованным и предельно гнусным методом? Здесь явно что-то дру-

гое.

Проект «Перпетуум мобил»? Возможно. Хотя Лью говорил, что никого из ученых в живых не осталось. Но если они так долго держали в тайне сам факт своего существования, то легко сумели бы и пропасть из виду. Так что, наши с ним заезды в сторону комплекса «ОАЗИС-1» вполне могли быть замечены кем-то из них. Если так, то я действительно рискую оказаться следующим в списке их жертв.

Я должен сосредоточиться на чемпионате. Но сначала – свяжусь с Мэй.

IX

Мэй едва сдерживала слезы, хоть и пыталась скрыть это – наверное, чтобы подбодрить меня перед заездом. Я заметил, как блестят уголки ее глаз, несмотря на всю паршивость сигнала, зернистая рябь которого ничуть не стала меньше. Переживает так, будто я вырвался на «Тесле» за пределы галактики, где встрял в смертельную схватку. Может, в части схватки оно так и есть. Но мне не станет легче, если она будет истязать себя дурными мыслями.

Пусть лучше ничего не знает о ралли Меридиан. Вообще ничего.

Обрисовываю ей все так, как если бы меня ждала самая

обыкновенная гонка – наподобие спортивных состязаний, которые проводятся в снежном Вермланде или солнечном Монако: с празднованием побед, с фонтанами шампанского и волнами рукоплесканий. Говорю, что чемпионат проходит на редкость организованно, как и должно быть в любом виде спорта с повышенной опасностью. И что даже если у пилотов настрой боевой, никто никого не убивает ради победы.

Разумеется, это не так. Даг Митчел – двенадцатый гонщик, который так и не приехал на техосмотр – был найден убитым в собственном модуле. Об этом рассказал мне Фин, когда я пригнал «акулу» слегка подлатать. Фин уверен, что это сделал кто-то из команды Рэя: накануне у пилотов состоялся «дружеский» поединок в районе кратера Игл, в котором Даг победил. А все потому, что в прошлой жизни он был профессиональным гонщиком, не раз побеждавшим на соревнованиях национального уровня. Так или иначе, кое-кому из соперников это не понравилось, и этот кое-кто решил убрать его. Ради победы.

Наверняка и Лью стал жертвой Рэя. И уж точно цель убийства не подставить меня, хоть оно и произошло сразу после моей сделки с оружейным бароном. Опасных соперников устраняют напрямую, а не лазейками вроде подстав. Теперь я в этом убедился.

Конечно, Мэй не знает и половины из того, что здесь творится. Но о больших рисках она заподозрила быстро – думаю, с того дня, как я впервые заговорил о ралли Меридиана,

и о том, какие деньги в этой игре крутятся. С самого начала я уверял – марсианские гонки не более опасны, чем многие другие виды спорта – под водой, в стратосфере или где-либо еще. А крупные призы бывают и на всяких шоу фриков, где вообще о рисках не может идти и речи. Мэй не поверила, хоть и смирилась с моим участием в чемпионате. Наверное, не хуже меня понимает – другого шанса вырваться из Оазиса может и не быть.

Последнюю запись я выключал с чувством, словно пере-резаю кислородный шланг и проваливаюсь в космическую бездну протрации. Только в этот момент я целиком осознал простую и чудовищно болезненную истину – может так случиться, что я больше никогда ее не увижу. Не знаю, что на-шло на меня, но слова, произнесенные ею в конце, так силь-но врезались в память, будто это в самом деле был наш по-следний разговор. И они до сих пор не выходят у меня из головы, как если бы я услышал их всего минуту назад:

«Даже не думай сдаваться. Твоя победа это лишь вопрос пространства-времени. Скоро ты вернешься, и мы отпра-вимся праздновать ее в “Мун Лайтхаус”, вспоминая полет на красную планету как самое дерьмовое, что могло с на-ми приключиться. Если, конечно, ты после этого захочешь в забегаловку с космическим интерьером...»

Как бы я хотел, чтобы слова Мэй оказались пророчески-ми. Но реальность куда сложнее, и вопрос пространства-вре-мени – это вопрос всего сущего. В каждом его секундо-мил-

лиметре кроется непредсказуемая опасность. Особенно когда на кон поставлена свобода.

Стартовая дуга окружена трибунами, которые больше похожи на гигантские полукруглые аквариумы с железным обрамлением. Одна проломлена метеоритом, будто кто-то швырнул в витрину камень размером с голову Сфинкса. В другой собралось пару зевак: следить за счетом и наблюдать трансляцию на пыльном экране. Всей гонки целиком никто не увидит, так как камеры установлены только на контрольных дугах, а «птеродактили» парят лишь над самыми зрелищными местами – где гонщики опрокидываются, несутся кубарем со склонов кратеров, взлетают в воздух... словом, делают все то, ради чего зрители собрались у экранов. Остальные десятки миль можно считать слепыми зонами, и это мне на руку: в одной из таких зон я и «срежу путь».

В юшке тумана валуны похожи на попадавшие надгробия – по утрам пустыня выглядит особенно уныло. Ни города, ни завода отсюда не видно, и единственным признаком разумной жизни служит железная громада в виде стадиона. А еще – россыпь боксов и трейлеров вокруг нее, как будто съехалась колонна хиппарей.

От пустоты вокруг создается странное впечатление: словно стоит покинуть стадион, и другого пути уже не будет, кроме как исчезнуть из радаров и раствориться в мертвой серости равнины. Но это не так: по всему плато нагромождена

сеть построек – гораздо меньше, однако в случае чего некоторое время протянуть на них можно. Это контрольные дуги с колонками подзарядки и аварийными боксами, рассчитанными на пару дней пребывания в них. Всего таких точек семь, по четырнадцать миль от одной до другой, после чего меня ждет это же место, только с противоположного конца – в качестве финиша.

И вот я уже стою у черты, и начинает пробираться мандраж. Я больше месяца готовился к чемпионату, но не думал, что будет так сложно перебороть страх. Руки сами вцепились в руль – как будто это штурвал истребителя, на миг повисшего в невесомости, и как будто мертвая хватка как-то поможет не сорваться вниз. Начинает выпрыгивать сердце, а в голове словно раскопчегаренный улей. Нужно взять себя в руки.

20...

Пытаюсь успокоиться, но дыхание только учащается, на стекле шлема все чаще вспыхивает испарина. Появляется ощущение нехватки воздуха, словно я заперт в стеклянном гробу и нахожусь под толщей воды. Становится еще больше не по себе, когда осознаю: в каком-то смысле так оно и есть. Но уж точно не в прямом. Нет уж.

14...

Чувствую, как кровь прилила к лицу от мысли, что сейчас на светофоре вспыхнет зеленый. И нужно будет сорваться с места – что есть силы вдавить педаль газа в пол, проматывая в голове маршрут на пять миль вперед. На семь. На де-

сять. До последней трещинки в проклятом грунте. Безумие и сосредоточенность. Сосредоточенность и безумие. И так до конца.

9...

Черт бы меня побрал. Все ради Мэй. Она будет ждать меня за финишной прямой. По пути прочь из этой дыры.

5...

Сосредоточенность.

4...

Безумие.

3...

Сво-

2...

бо-

1...

Клубы пыли хлещут из-под колес. Частицы почвы трещат на стеклах, заглушая вой электродвигателя. Сизый шлейф растет, будто облако взрывной волны, и железный стадион исчезает в нем прежде, чем успевает уйти за линию горизонта. Первый шаг к преодолению собственных возможностей сделан.

Машину быстро начинает заносить, и чем выше скорость, тем сильнее толчки. Все происходит в сотый раз, но ощущения совсем другие, когда стартуешь во время чемпионата. Теперь любая ошибка может положить всему конец.

От ухаба чуть не теряю управление, но быстро обошлось.

Нужно думать исключительно о маршруте, а в голову лезет всякая чушь вроде японских мудростей про жизнь. Когда находишься за рулем болида, никакая мудрость не поможет, даже если она про самураев. Потому что гонка – другое измерение, в котором обычные законы жизни не значат ничего.

Впереди еще две выбоины, но с противоположной стороны. А дальше – три мили можно выжимать до предела, пока не появится два больших валуна. И у меня нет другого выхода, кроме как проскользнуть между ними: вписаться, как ниткой в ушко иглки, с той лишь разницей, что промах означает смерть. А после – сразу направо, в объезд холма, так как слева рельеф похож на окаменевшую морскую рябь, в которой «акула» застряла бы навсегда.

И вот – первая контрольная дуга. Заряжаться не буду: Фин постарался на славу, увеличив емкость батареи настолько, насколько это возможно. Скорее всего, так сделали все участники, чтобы не терять ни секунды даже на подзарядку. Поэтому, электроколонки здесь уже скорее рудимент, напоминающий старым пилотам о былых временах. Я даже не уверен, исправны ли они.

Оставляю дугу в облаке пыли и лечу дальше. Фобос похож на гнилую картофелину, следящую за каждым моим поворотом руля. Как и «птеродактили», парящие в желтом небе словно стервятники – посмотреть, как я подпрыгну на холме, и быть может размажусь об острый камень справа от кратера. Тогда бы они пустились в пляс – кружить над лохмотьями

железного мяса вперемишку с человеческим, и беспрерывно щелкать объективами, делая снимки для ралли-хроникс. Так уж запрограммированы.

Увы, я их разочаровал: мой полет был предельно точен. Даже на пробных заездах получалось хуже, а там не было такого психологического фактора, как стая слетевшихся камер. При соприкосновении с грунтом меня сильно потрянуло и повело в сторону, но это было терпимо. Я бы даже сказал – потрясно.

Впереди вырастает склон кратера, над которым тоже кружат дроны. Наверное, многие пилоты неудачно приземляются, тут же влетая в воронку. И со стороны это смотрится зрелищно, особенно при повторе с разных ракурсов. Но только не для гонщика, для которого ракурс один – самый эпицентр гребаной мешанины из песка, кусков металла и битого стекла. Если только повезет остаться в живых.

Дальше шесть миль «свободного полета» – и вторая контрольная дуга. Разгоняюсь до головокружения, выкидывая из головы слова одного спортсмена, вроде сноубордиста – «думай быстрее, чем мчишь, или ползи медленнее, чем думаешь». На таких скоростях думать невозможно – все вокруг плывет, слившись в сизо-бурый поток на фоне пыльного неба. Машину трясет, как шаттл в гиперпространстве, а двигатель воеет так, что кажется вот-вот взорвется. Попадись на дороге любой камушек больше ореха – и меня отшвырнет, опрокинет, закрутит вихрем и разорвет в клочья. Но иначе в

этой гонке не победить, кроме как скользя по тонкой грани.

Перед глазами начинает проноситься вся жизнь, и первым вспоминается, как мы с Мэй поехали в Гленко Маунтин кататься на лыжах. Каждому из нас казалось, что мы мчали как болиды, со свистом рассекая воздух. Но стоило посмотреть записи с циферблатов, и становилось ясно, что скорость у нас была так себе. Сейчас же я с уверенностью могу сказать – это предельная, просто бешенная скорость, причем как субъективно, так и объективно. Потому что спидометр не обманешь.

Достигаю второй точки, теперь нужно сбавить. Колонка покосилась, будто кто-то в нее врезался. А еще вмятина на боксе, может даже повлекшая разгерметизацию. Да и с самой дугой не все в порядке – вроде как она слегка наклонена в ту же сторону, что и колонка. Не знаю, что с этим местом не так: дорога здесь ровная, а штуки с электромагнитным импульсом никто бы не устанавливал на виду у камер. Видимо, просто так совпало – куча аварий в одной точке, как в бермудском треугольнике. В любом случае, меня «проклятие» не настигло.

Между второй и третьей придется попетлять – камней так много, будто над этим местом раскрошился астероид размером с гору Бен-Невис. Я проложил несколько дорожек, но все они вышли как горный серпантин – большинство громадин «метле» просто не по зубам.

Напоминает полет вдоль пояса астероидов (Мэй бы точ-

но так и сказала), но не в живую, а как в фильмах вроде Стартрека: болиды летят ливнем навстречу кораблю, и пилоту приходится выписывать зрелищные виражи. Голливудский миф, короче. У меня все точь-в-точь, только вместо виражей – пыльные дрифты.

Несколько минут в дымящемся котловане – и я на третьей дуге. Все прошло не совсем гладко: я расцарапал правый борт и сильно помял крыло. А еще – потерял секунд пять, чтобы выйти из заноса и вернуть управление. Могло быть хуже: схватка с инерцией в таких условиях штука смертельная. Но я прошел три отрезка пути, и сделал это за семьсот тридцать три секунды, что уже неплохо.

Возле кратера Огилви замечаю то, что чуть не сбило меня с курса: смертельная авария. То, что она смертельная, нет ни малейших сомнений – машина разорвана на куски, а камень, на который она налетела, целиком покрыт кроваво-пыльными брызгами. Я знал, что увижу что-то подобное, и может даже не раз. Но подготовиться морально к такой картине невозможно: едва сдерживаю рвотный позыв, когда на глаза попадают ошметки скафандра вперемешку с человеческими внутренностями, поблескивающими от налета инея. А самое страшное – осознавать, что это мог быть и я.

«Мираж», не иначе. Машина влетела в него с такой силой, что глыба, шатнувшись, снова стала видимой. Или может генератор успел зарыться глубоко под грунт, как заводной металлический червь. Не важно. Главное – теперь кар-

тина неотличима от несчастного случая, от чего и будут отталкиваться организаторы. И никто не станет перерывать все вверх дном, чтобы опровергнуть «самоочевидное».

Отправляю координаты спасателям и мчу дальше, думая, кто бы это мог быть. Ной Венски стартовал первым, но это ничего не значит – ловушка могла быть поставлена не сегодня, а гораздо раньше. Другой вопрос – заметил ли аварию Лео, если разбился все-таки Ной? Вокруг Огилви местность такая, что вряд ли кто-то из пилотов проложил бы маршрут, отличающийся от накатанной. Если так – то Лео либо стал жертвой убийцы (а иначе как убийством это не назовешь), либо видел катастрофу и проигнорировал ее (потому что спасателей все-еще нет). Нужно будет подробно изучить ралли-хроникс, когда завершится заезд.

Путь от четвертой до пятой дуги преодолеваю быстро – сплошная равнина, местами усеянная камнями. Дальше начинается полоса природных препятствий, формировавшихся миллионы лет. Холмы, трещины, выбоины, валуны – местность настолько неровная, что даже удивительно, как пилотам удастся прокладывать хоть какой-то маршрут. И выбрана она не случайно: не все должно в этих «скачках» зависеть от лошадиных сил.

Ощущение, будто петляю между гигантскими кофейными гранулами, повторяя что-то вроде гитарного соло без нот: налево – направо – еще правее – резко влево – стоп – левее – резко вправо... Отрывать глаз от дороги нельзя, поэтому

легенду пришлось заучить. В такие моменты осознаешь, почему опытные пилоты прибегают к помощи штурманов, и почему такая помощь обходится им не меньше, чем в треть выигрыша. При том, что сами штурманы сидят в безопасных кабинетах и наблюдают за всем с экранов.

Выпутавшись из лабиринта, попадаю в полную его противоположность – ровная, почти стеклянная бежевая гладь, кое-где припорошенная галькой. Фобос успел скрыться за горизонтом, что в общем то не удивительно: этот каменный глаз скользит по небу быстрее, чем оливка по тарелке. «Птеродактилей» тоже ни одного – здесь для них нет ничего интересного. Пролетаю этот участок на предельных скоростях, оставив после себя растущий бурый шлейф.

Пара минут – и я на шестом отрезке пути. Сразу за холмом валяется штуковина, похожая на стиральную машинку с кучей антенн. Это древний марсоход, упавший сюда лет сто назад. Точнее, все, что от него осталось: посеревшая скорлупа, наполовину погребенная в оранжевых песках. Похоже на памятник тем временам, когда летать сюда было бессмысленно – кроме как таким вот роботам, ковыряющимся лопатками в песочнице. Никто тогда еще не знал про терций. Лучше бы и сейчас про него не знали.

А ведь я сам во всем виноват, да еще и Мэй втянул в это. Следовало подождать несколько лет, прежде чем вестись на всякую чушь насчет надежности и прибыльности проекта. Не удивлюсь, если окажется, что терций иссяк под рудника-

ми раньше, чем об этом стало известно простым обывателям. Я тоже узнал эту новость не так давно: оказывается, завод рванул уже после того, как стал бесполезен. Впрочем, что правда, а что вымысел разобраться сложно. Одно я знаю наверняка: нужно любой ценой отсюда выбираться. И чем скорее, тем лучше.

Колесо налетает на бугор, и меня едва не опрокидывает. Хорошо, что я в этот момент петлял меж холмов, а не мчал по прямой или дрифтовал. Нельзя отвлекаться, пока не финиширую. Тем более на такой ухабистой местности, как здесь.

Вижу двух «птеродактилей» впереди, и меня это не удивляет: сейчас будет что-то вроде природного трамплина. Разогнаться следует не сильно, но вписаться предельно точно. В таких местах забываешь, насколько высоко позволяет подпрыгнуть гравитация, и поначалу каждый полет кажется чем-то искусственным – словно машину оттолкнула пружина, а среда не намного разреженней, чем вода. Но приземление быстро возвращает к реальности – под водой это произошло бы гораздо мягче и плавней.

Спустя три поворота (один из которых можно было бы назвать «шпилькой») на горизонте появляется дуга. За ней следует седьмой фрагмент трассы – предпоследний. Именно он и пролегает мимо того места, где я совершу «прыжок» на полмили. А потом – меньше двадцати миль – и финиш. Осталась самая малость.

И тут я понимаю, что окончательно тронулся умом – то, что предстает моим глазам, объяснить иначе просто невозможно: царапины на капоте, которые я посадил еще перед третьей дугой, начинают...

Нет, нужно взять себя в руки. Это галлюцинация. Самый обыкновенный глюк, вызванный усталостью, долгим пребыванием в условиях хреновой гравитации или черт знает чем еще... Дерьмовым воздухом в скафандре?

Недостаток кислорода, вот что это. Да, показатели воздуха в норме, но это еще не говорит о его качестве. Сравнить даже по запаху: хороший воздух в баре и самый дешевый – в жилом модуле. Сейчас в шлеме он не пахнет ничем таким, вроде сварки или озона. Но быть может, есть разница, которую не так просто унюхать?

А еще – интеллектуальное переутомление. Я уже уйму времени играю с пустыней в шахматы вслепую. Мозг на пределе: каждую трещину, каждый камушек приходится держать в уме, и одновременно с этим управлять машиной. И опять же – в не лучших условиях окружающей среды, в случае ошибки чреватых неминуемой гибелью. Вот все одно на другое и наложилось, постепенно подводя меня к обмороку. И теперь подсознание посылает предупредительные сигналы – в виде мнимых красных линий на капоте, ползущих от потока воздуха в сторону дворников. Не иначе.

И они все не исчезают. Даже форма не меняется, хотя я практически перестал обращать на них внимание: все те же

три жутких полосы в виде буквы «А» или «N», с налипшими на них крупинками бежевой пудры. Будто кто-то посадил на капоте кровавые капли, которые только теперь начали расплзаться подтеками. Но самое странное – то, откуда эти брызги берут свое начало. Я могу поклясться, что они вытекают прямо из царапин на корпусе, как из ран на теле. Никогда еще не сталкивался с настолько реалистичными видениями.

Но что если это неспроста? Что если это предзнаменование?

На горизонте начинают вырисовываться очертания завода, и в голове срабатывает щелчок – вот она, настоящая причина твоего бреда. Ты больше не хочешь прыгать в горловину невероятно странной аномалии. Ты не желаешь рисковать собой, срезая путь в такой чудовищной штуковине, как червоточина. Ведь неизвестно, что она собой представляет, и насколько опасно попадать в нее. Один раз тебе повезло, и ты смог «прыгнуть». Несколько раз повезло Лью, и это смог сделать он. Но разве ты можешь быть уверен, что сейчас все пройдет так же гладко?

Нет. Я не могу больше так рисковать. Сама гонка представляет опасность для жизни, с какой стороны не взгляни. А тут еще и штука в пространстве-времени, которая сворачивает его с такой же легкостью, как трубка пылесоса края занавески. Кто знает, какие приливные силы там действуют, и насколько они стабильны? Это как водоворот, хвост кото-

рого может в любой момент свернуться и исчезнуть. И что станет со мной, если я буду в этот момент внутри?

Я нужен Мэй живым, а не вывернутым наизнанку схлопнувшимся безвременьем. Вселенная не любит, когда ее шубу подтачивает моль. И кому-то рано или поздно придется заплатить за это. Но не мне.

К тому же – разве Мэй заслужила пройдоху, ищущего дыры в заборе? Я могу добиться победы собственными силами, и я сделаю это. Истинным пилотом, которого стоило опасаться, был лишь Даг Митчел – «Чеглок» Даг, схлопотавший заряд за то, что оказался не в своей тарелке. Остальные – десятка посредственных неудачников, которые попали в автоспорт случайно, ища любую возможность урвать денег. Я в два счета обставлю любого из них, какие бы мифические слухи вокруг каждого не ходили. А иначе мне самое место в Оазисе.

С этими мыслями замечаю, что от крови на капоте не осталось и следа. Я вернул ясность ума, а значит, поступаю правильно – сворачиваю с проклятой платформы и проношусь в стороне от ржавых железных ребер. Лиловые тени тянутся за мной, как неевклидовы щупальца заколдованного места. Но я больше не поведу на искушение нырнуть в кроличью нору, обрекая себя на предельно опасный и полный безрассудства риск. Вместо этого давлю на газ и срываюсь на полет.

58 метров над землей

Я всегда был везучим. Когда родители разошлись, мне было десять. Отец остался торговать колесами в Дел-Сити, а мы с матерью переехали в Нью-Хэмптон, чтобы начать, как она говорила, жизнь заново. Я тогда еще не понимал, что ее слова нужно воспринимать буквально: новые места, новая школа, знакомства, одноклассники и друзья. Заводить друзей в таком возрасте еще не проблема, а вот терять бывает довольно трудно. Но так случилось, что расставание с одноклассниками было для меня весьма своеобразным. Хотя бы потому, что им повезло куда меньше, чем мне.

В начале нулевых не нашлось бы ни одного человека, который не слышал про скулшутинг в Грэйкастле. Конечно, скулшутингом в классическом понимании назвать такое сложно – психопат подбросил несколько самодельных бомб в школьную столовую, которые включились при длинном гудке на обед и сдетонировали, когда многие ученики были в помещении. Новостные ленты писали, что погибших могло быть больше, случись это на несколько минут раньше. В любом случае, моя везучесть оказалась куда более редкостной, чем можно было бы вообразить – именно мой класс задержался на обед, из-за чего оставался в столовой в тот момент, когда самодельные штуковины рванули. И произошло это не

позже не раньше, чем в мой первый учебный день на новом месте. Другими словами, если бы не внезапный переезд, меня бы здесь уже не было.

Разумеется, мне жаль ребят, жизни которых оборвались из-за поехавшего на школьной почве ублюдка. Но для моей тогда неокрепшей психики это было все равно, что провидение. В таком возрасте смерть воспринимается проще, поэтому меня больше волновала не унесшая жизни катастрофа, а то, как мне посчастливилось ее избежать. Осознание всего ужаса трагедии пришло позже, но на тот момент я извлек для себя всего один-единственный урок – кому-то везет больше, а кому-то меньше.

Второй случай произошел, когда я учился в колледже. Автобус, на который мне посчастливилось проспать, разбился в тоннеле на Айлэнд-стрит. Хотя «вампирский тоннель» и был объектом обожания террористов, в тот день обошлось без терактов: одна из опор просто не выдержала, и своды рухнули прямо на проезжавшие под ними машины, включая единственный на этом маршруте автобус. Власти Родлинга назвали катастрофу одной из самых крупных за последние десять лет. Почти все, кто был в тоннеле, погибли на месте, а выжившие оказались настолько тяжело ранены, что каждый из них скончался по дороге в больницу. И среди них вполне мог быть я, если бы не штукавина, которую принято называть удачей.

Думаю, если были люди, которые из сотни торговых точек

могли зайти в одну и купить выигрышный билет, что-то вроде удачи определенно существует. Моим выигрышным билетом стало наследство от внезапно умершего предка, о существовании которого я и не подозревал. Может, такое и сложно назвать везением, но я воспринял это событие почти так же, как бродяга, которому по номерку на пивной крышечке выпал джек-пот. По крайней мере, настолько неожиданным и невероятным оно мне показалось, особенно в те дни, когда едва удавалось сводить концы с концами.

Деньги позволили мне получить образование по летной специальности и наладить связи в космическом агентстве Орион. Наверное, многие в детстве мечтали стать космонавтами, но мало кто протащил эту мечту до зрелого возраста. Да и я, чего таить, вряд ли стал бы воплощать детские мечты в реальность, если бы не внезапно доставшийся куш. Но раз уж удача сама идет в руки, почему бы не воспользоваться ею?

Я не считаю себя кем-то вроде Вайолетт Джессоп, которая не только пережила две крупнейших корабельных катастрофы, но и выбралась из раскромсанной шлюпки. Хотя и отрицать не стану: как ни крути, три невероятных везения уже смахивает на закономерность, а четыре так и вовсе заставляют чувствовать себя избранным.

На этот раз мне удалось пережить все человечество. Другими словами – я теперь и есть все человечество. Которому, кстати говоря, осталось существовать меньше двадцати часов – именно настолько хватить кислорода в скафандре. Не

так много, как хотелось бы, но достаточно, чтобы целиком осмыслить сложившуюся ситуацию – пока я пятьдесят лет плавал в космосе, на Земле случился конец света, и мне в очередной раз повезло.

Среда по ту сторону костюма, скорее всего, мгновенно убьет меня. Я наблюдаю по двадцать два рассвета и заката в час, а значит, энтропия в пятьсот раз выше нормы. Хотя, если подумать, дело обстоит ровно наоборот: не все вокруг ускорилось, а замедлилось мое субъективное восприятие этого «всего», что заставляет думать, что время течет быстрее. Иначе говоря, поезд тронулся мой, а не соседний.

После аварийной посадки в Провене сложнее всего было найти развалину, по высоте недоступную растениям. При таком течении времени даже самый обыкновенный плющ превратился бы в проворное и всепоглощающее существо, а тут еще и вирус сделал свое дело. Не меньшую опасность представляют насекомые, но эти твари не станут меня трогать, пока я нахожусь в скафандре. Еще постоянно приходится стряхивать налипающую на стекло пыль – можно только представить, каково будет дышать таким воздухом.

А в открытом космосе замедленному мироощущению цены не было. Время относительно, поэтому изменив специальными приборами его восприятие, можно добиться чего-то вроде «гипербодствования» – пятьсот дней за сутки, а значит, и ресурсов понадобится в пятьсот раз меньше. Плохо только, что аппаратура в аварийном отсеке шаттла, кото-

рая могла вернуть мой организм в нормальное состояние, накрылась радиоактивным тазом. И похоже, в таком состоянии мне суждено провести остаток жизни, наблюдая, как солнце раз за разом выскакивает из-за холмов, после чего в считанные минуты сползает за горизонт, сменяясь еще более быстрой луной.

Остальное человечество вымерло не из-за ядерной зимы, как можно было предположить. Пока я летал до Прочиона и обратно, по Земле расползлась какая-то неведомая штука-вина вроде ковида. Насколько я понял из новостных вырезок, эта хворь была похлеще любого из известных вирусов – от нее человек в считанные дни превращался в дряхлого старика. В итоге вышло так, что в век поиска омолаживающих средств, люди вымерли от «мгновенной старости». Вот так ирония.

Впрочем, только мне теперь решать, как именно прекратит существование человечество. Что бы не происходило на Земле до моего возвращения, какие-бы эпидемии, войны и катастрофы не случались, важно, какой будет последняя точка. И я сделаю все возможное, чтобы точка эта стала максимально изящной.

Раз уж я приземлился недалеко от Парижа, перед смертью нужно побывать на Эйфелевой башне. А когда в скафандре кончится кислород, спрыгнуть с нее будет неплохим способом покончить со всем этим. Как говорилось, «увидеть Париж и умереть», но теперь уже в буквальном смысле. Тем

более, лучшего эшафота для человечества, чем эта красotka, не сыскать, так что все сводится только к одному возможно-му варианту – уйти красиво.

Нужно лишь дойти до Марсова поля, не умерев раньше времени. Надеюсь, и на этот раз мне повезет.

Когда туман развеялся, я взобрался на трухлявую крышу отеля и понял – изначальный план придется менять. Второй ярус «Железной леди» превратился в скоп торчащих ржавых прутьев, а от верхней части и следа не осталось, словно густая сизая пелена, рассеявшись, утащила ее с собой. Теперь сердце Парижа походит на бесформенную грудку металлолома, нагроможденную над могилой цивилизации. И это действительно печальное зрелище, учитывая, через сколько я прошел, чтобы добраться до нее.

Впрочем, высоты первого яруса вполне хватит, чтобы осуществить задуманное. Мой полет не станет менее изящным только потому, что продлится на десять секунд меньше. В конце концов, я слишком долго готовился к этому, чтобы так просто передумать. Так что все должно пройти согласно первоначальному плану, и точка.

Остается спуститься по шаткому скелету лестницы, пока отростки плюща не перекинулись на мансарду, после чего пробраться сквозь развалины города протяженностью в несколько миль, прямо к башне. Путь предстоит нелегкий – изрыхлевшие постройки продолжают обваливаться, а вью-

щиеся ветви деревьев больше похожи на щупальца гигантских спрутов, ползающих по стенам и просачивающихся в прорези окон. Но с другой стороны, могло быть и хуже – не будь сейчас начало осени, меня ждали бы непроходимые живые джунгли, кишашие ползучими гадами и насекомыми. В таких условиях, я бы и глазом не успел моргнуть, как меня облепило бы гнездо диких ос или кубло змей. А здесь на моем пути лишь несколько плющей, и те достаточно быстро хиреют. Так что все относительно.

Куда большую угрозу представляют порывы ветра и сильное притяжение, но в экзоскелете противостоять им терпимо. Главное, не потерять равновесия и не упасть – мало ли какой мутировавший сорняк может вылезти из земли и мгновенно обрасти вокруг тела, задеревенев и пустив сотни побегов. В стоячем положении вырваться еще возможно – несколько раз сорняки нападали на меня, и выющиеся ветви не успевали достигнуть колен, как мне удавалось выпутаться. Но будь я всем телом ближе к земле, такое нападение могло закончиться плачевно.

Дохожу до Марсова поля, ступаю на сырую почву и в какой-то момент начинаю понимать, что не могу сдвинуться с места: тонкие извивающиеся ветки почти мгновенно обвили ногу, вращая в суставы экзоскелета.

Не передать словами, насколько жутки виноградные лозы, быстро скручивающиеся и твердеющие на глазах. От ощущения того, как сильна и проворна эта тварь, мной тут же

овладевает ужас – она может справиться со мной в два счета, если подтащит ближе к себе или направит все свои силы на рост веток. В панике начинаю вырываться и осознаю, что это почти так же бесполезно, как барахтаться в пасти мухоловки. Не могу поверить, насколько банальным может оказаться конец.

Выбившись из сил, замираю и осознаю – нужно успокоиться и подумать. Рядом со мной фонарный столб, и можно попробовать дотянуться до него. Скорее всего, эта ржавая штукавина переломится как соломинка, стоит только за нее схватиться. Но без опоры точно не вырвусь, так как мощности экзоскелета не хватает даже на то, чтобы хоть на дюйм сдвинуть обвитую ногу. Поэтому стоит попытаться.

Собираюсь с силами и делаю рывок в сторону столба, едва не рухнув на землю. И вдруг замечаю – листья винограда начинают съеживаться, а ветки провисать и трухлеть. Присматриваюсь к стеблям и вижу причину такого резкого иссыхания: вдоль ветвей шастает мелкая мошкара, сгущаясь и поедая стебли. И от этого зрелища почти сразу становится ясно – у меня появился шанс вырваться.

Чувствуя, как начинают ослабевать стебли, хватаюсь за столб и делаю еще несколько рывков. Чахнувшие ветви продолжают деревенеть и пускать отростки, но кишасщие паразиты быстро поедают их. Наконец, обглоданная лоза надламывается, и мне остается лишь сбросить с себя трухлявые остатки «чудовища», которое минуту назад чуть не поглоти-

ло меня.

Перевожу дыхание и ловлю себя на мысли: я очень легко отделался. Никогда еще не испытывал такого облегчения, как в этот момент. Все могло закончиться прямо здесь, причем самым nepocтижимым образом. Я мог погибнуть в путях обыкновенного винограда, просто потому, что не туда ступил. Но космические силы, похоже, снова оказались на моей стороне.

После минутной передышки отряхиваюсь и продолжаю путь. Ближе к башне замечаю – эта конструкция все больше становится похожа на грудy металла. Когда-то она считалась самой разочаровывающей достопримечательностью. И я говорю не про критику художников или писателей времен, когда ее только возвели, которым не нравился дизайн, размеры или что-то там еще. Я имею в виду туристов, приехавших поглазеть с ее высот на Париж и натыкавшихся на толпы себеподобных зевак. Наверное, долю разочарования такие столпотворения действительно навеивали. Но мне уже этого не узнать.

В любом случае, я и подумать не мог, что «Железной леди» удастся разочаровать даже меня. Хотя бы потому, что ни о каких толпах и речи быть не могло. Но по космическим меркам воздаяния, цена бесплатного билета на верхушку Эйфелевой башни – сама верхушка. Так что все по-честному, и остается лишь радоваться, что я добрался до нее живым.

Перекресток под башней усеян заросшими человеческими костями, шевелящимися от побегов плюща. Многие из них разломало и перемололо в труху иссохшими ветвистыми стеблями. Местами отличить, где человеческие останки, а где щупальца лиан практически невозможно. Но уцелевшие черепа ни с чем не спутать, и их целая уйма.

Я знал, что идея покончить с собой, прыгнув с Эйфелевой башни, может посетить много кого. Так что я ожидал увидеть подобную гору костей, хоть и не настолько громадную – ощущение, будто стою перед «песочными часами смерти», до последней косточки отсчитавшими людской век.

Наверное, я переоценил процент логически мыслящих «антиромантиков», или же недооценил тот страх и всеобъемлющий психоз, который завладел людьми во время массового вымирания. Не знаю, и вряд ли хочу знать, доживая последние часы жизни.

Хочется думать о чем-то хорошем. Например о том, что больше ни одному живому существу не доводилось видеть, насколько впечатляюще смотрится закат в ускоренном мире. Тучи сгущаются и тут же развеиваются, как клубы пара. А солнце быстро скользит за линию горизонта, краснея и расширяясь, словно раскаленная монета. Наверное, что-то похожее видели бы растения, будь у них глаза и более сложная нервная система. Сейчас же это лишь моя прерогатива, и нужно наслаждаться ею, пока есть возможность.

Триста шестьдесят пять ржавеющих ступенек – и я на вер-

шине эшафота. Пронизанные заклепками опоры постоянно скрепят и обсыпаются, словно их разъедает неведомая сила. Смотрится, будто коррозия превратилась в налет «серой слизи», перемалывающей железные балки в себеподобную труху. Поразительно, насколько агрессивным кажется привычный мир, если немного ускорить течение времени.

Будь у меня возможность кому-то об этом рассказать, я бы не смог подобрать слова, чтобы описать весь спектр впечатлений. Больше всего напоминает реалистичное трехмерное кино, прокручиваемое в несколько раз быстрее обычного. И становится жутко от самой мысли, что это все по-настоящему, и что стоит мне снять костюм, как быстротечность этого мира моментально убьет меня.

Было бы неплохо глотнуть спиртного напоследок. В ресторане кое-что осталось, и если не шардоне, то Джим Бим уж точно все еще можно пить. Может, с пятидесятилетней выдержкой он даже сделался лучше. Чего не сказать об интерьере этой дыры: прогнившие насквозь металлические опоры вот-вот рухнут, а свисающие со стен куски деревянных панелей больше похожи на ошметки дубовой коры, чем на некогда блестящую дорогостоящую облицовку. Точно так же сгнили столешницы, и я не нашел ни одного кресла, которое не кишело бы короедами или не превратилось в рассыпающиеся трухлявые мочала.

В любом случае, чтобы проверить мою теорию насчет Джима Бима, нужно снять шлем и вдохнуть зараженный воз-

дух. К тому же, если сделать это, на меня мгновенно слетится мошкара, так что лучше не рисковать. Да и пыль сразу облепит голову и забьется в глаза, поэтому разгерметизация худшее, что можно предпринять и равносильна самоубийству.

Впрочем, не за этим ли я сюда взобрался?

Прыгнуть с верхушки все равно уже не удастся, а вот попытаться осуществить последнее желание – мой долг перед человечеством. Мало кому выпадала возможность потратить последние минуты жизни с пользой для науки. А еще – не лучший ли это уход для человечества – провести научный эксперимент, который эту самую науку и убьет?

Мой пытливый ум не позволит мне уйти отсюда, не умерев от жажды знаний. Пусть это и будет самый бесполезный опыт, я не смогу не проверить его уже только потому, что мне чертовски интересно, чем все закончится. Конечно, вероятность выжить ничтожно мала, но я не стану отрицать, что она движет мною не меньше, чем любопытство. Вот и выходит, что поводов осуществить этот рискованный шаг гораздо больше, чем причин, чтобы этого не делать.

Что ж, один шаг для человечества, и один Джим Бим для человека, который теперь уж точно не уйдет обиженным.

Синие цикады предвещают смерть

1

Я не считаю себя демоном Лапласа, но кое-что предугадывать научился. Например, мне хорошо известно, чем закончится наша с Лорой остановка посреди ритмонтского шоссе, в пятнадцати милях от городка рудокопов и в сотне ярдов от дорожного поста. Я знаю, что она скажет, когда вернется в машину, отряхнет зонт и попытается изобразить на лице испуг вперемежку с удивлением: «Кажется, колесо пробито, но я в этом ничего не смыслю. Наверное, придется менять. Может, глянешь?». На что в любой другой ситуации я бы ответил «Конечно, Дарлин», вышел из машины и принялся за починку, чтобы вскоре мы могли спокойно продолжить путь.

В любой другой ситуации. Но не сейчас.

Мы не так давно знакомы, чтобы я мог полностью доверять Лоре, и в этом моя ошибка. Одно я знаю наверняка – она хоть и похожа на веснушчатую Кейт Хэпберн, с угловатыми чертами лица и заносчивым тембром голоса, актерского мастерства ей явно не хватает. А мне не хватило ума и де-

тективных навыков, чтобы раскусить ее чуть раньше, чем по эту сторону пасти мухоловки. Так что мы стоим друг друга.

Нужно отдать Лоре должное – если бы не штука, которую принято называть случайностью, я бы так и не узнал, что она планирует от меня избавиться. На моих часах сломался браслет, и я заглянул в бардачок, чтобы найти пинцет, пилочку или что-либо еще, чем можно отжать защелку. Почти сразу мое внимание привлек журнальный сверток со словами «Синие цикады продлевают жизнь» и фотографией полуобнаженной красотки, прикрывающейся энциклопедией для насекомых. Разумеется, мне захотелось развернуть его и прочитать, что понапридумали ученые на этот раз.

И каково же было мое удивление, когда внутри я обнаружил штук пятнадцать тонких «Ла Ви», вынутых из пачки и аккуратно смотанных денежной лентой. Те самые «Ла Ви», с которыми Лора никогда не расстается, и которые якобы закончились, когда она решила заскочить в магазин рядом со Стептауном.

Сказать, что находка сбила меня с толку, не сказать ничего – я до сих пор не могу выпустить из рук охапку сигарет, мгновенно перевернувшую мое представление о последних часах жизни. Пальцы сами сжимают сверток, превращая его содержимое в табачно-бумажное месиво, и чем больше ванильного дерьма сыплется на пол, тем сильнее меня донимает вопрос: неужели она могла пойти на это?

Конечно, могла. Чего стоит последняя ее уловка – устра-

нить Гарри Грина и устроить все таким образом, чтобы отравление походило на происки «Ловца снов». Это оказалось и правда легко – стоило подмешать в стакан щепотку фагота и оставить на видном месте связку оленьих жил. Вот только она и подумать не могла, что к тому времени, как осуществит задуманное, полиция найдет настоящего маньяка, причем уже месяц как покончившим собой.

После этой новости оставалось лишь удирать прочь, пока копы сводят концы с концами. По дороге избавиться от машины, купить паспорта, перевести деньги на заграничный счет и рвануть еще дальше, может даже в другой конец земного шара. Другими словами, нет ничего логичнее, чем провалиться сквозь землю, если налажал по-крупному.

Но будь все так просто, Лора не была бы Лорой, и мне не пришлось бы выпутываться из ловушки, в которую она меня загнала. Или лучше сказать – в которую я загнал себя сам, когда согласился помочь ей достать яд, а после – вырваться из города.

Остается надеяться, что еще не поздно что-то предпринять, не загнав себя еще глубже. Сейчас же ситуация выглядит едва ли не безвыходной: мисс Дарлин не просто задумала бросить меня на обочине, выманив из машины. Нет. Она решила сделать это прямо перед дорожным постом, чтобы лишить меня возможности выстрелить вслед. Ведь привлечь внимание постовых означает выдать не только ее, но и себя. Так что, по ее плану, все должно пройти максимально тихо.

Что ж, на этот раз она прокололась.

А все потому, что истинный курильщик ни за что не избавится от пачки сигарет, даже имея уйму денег в багажнике. А еще – потому, что какая-то деталь ее плана оказалась непродуманной и требовала отдельных ухищрений – например, тайком купить зонт. Ведь никогда не знаешь, скоро ли кончится дождь, и сколько времени придется провести под открытым небом, если что-то пойдет не так.

Может, я ошибаюсь, и вместо зонта она купила что-то другое. А может и вовсе провернула у меня за спиной штуку поизощренней, пока под вымышленным предлогом находилась в магазине. Это не важно. Важно другое: что бы Лора ни задумала, какие бы мысли не крутились в этой прекрасной рыжей головушке, ее планы явно направлены против меня. И через минуту-другую ловушка схлопнулась бы окончательно, оторвав мне голову по самый воротник.

Но теперь этому не бывать.

2

Дождь усиливается, как будто пластинка становится все более заезженной. Стук капель по крыше обычно действует успокаивающе, но сейчас словно лупит раскаленными спицами по нервам. Кажется, этот вечер так и останется висеть

в воздухе густой серой массой, такой же тяжелой, как повисший в моей голове вопрос – когда же черт возьми Лора вернется обратно?

Гремя цистерной и светя во все фары, мимо проносится фура. Не знаю, почему, но у меня очень стойкое убеждение – за ней последует фольксваген с лодкой на прицепе, которая заставит думать, что еще немного, и отсюда действительно нужно будет уплывать на лодке. После этого я начну представлять, как на стекло садится цикада, но затем пойму, насколько это маловероятно, учитывая ливень снаружи.

Весь этот бред можно было бы списать на усталость от недосыпа, если бы не одно но: фольксваген с лодкой действительно проносится вслед за фурой, и происходит это уж явно после того, как я об этом подумал. А может, мне только так кажется? Может, мой воспаленный ум начал играть со мной злую шутку?

На стекло садится цикада.

Гигантская и мясистая, с огромными прожиллистыми крыльями, эта тварь издевательски повисает на стекле именно в тот момент, когда подобное практически невозможно – сразу после моей мысли о том, насколько это глупо. Какого черта творится с моей головой? Неужели у меня начались галлюцинации?

Наклоняюсь, и как полоумный начинаю разглядывать ее ближе, пытаюсь понять, какого цвета брюшко. В тусклом свете мало что видно, но я могу поклясться: оно такое же синее,

как обложка энциклопедии на свертке журнала. Единственное, что приходит на ум – я слишком устал от бесконечного дерьма, творившегося в последнее время, вот мне и мерещится всякая ерунда.

Стук защелки возвращает меня к реальности: открыв дверцу и отряхнув зонт, Лора садится за руль. На лице ее удивление вперемежку с испугом, и я бы ни за что не поверил, что она притворяется. Все-таки, актерские задатки в ней есть.

– Кажется, заднее колесо пробито. Но я в этом ничего не смыслю. – Смахнув с лица прядь волос, она достает пачку «Ла Ви» и щелкает зажигалкой. – Скорее всего, придется менять. Может, глянешь?

Все идет по сценарию. Отлично. Наверное, так думает и Лора, докуривая свою последнюю сигарету и разглядывая ни то цикаду на лобовом стекле, ни то простилающуюся за ней серую дорожную бездну.

Вдруг она отшатывается и начинает бледнеть, словно увидела то, чего быть не должно. В глазах ее читается недоумение, а судя по тому, куда теперь направлен взгляд, легко понять, что именно повергло ее в ступор – Лора уловила запах ванили и заметила крохи табака на полу.

Почти мгновенно в ее руке оказывается карманный вальтер, как если бы она все время держала его наготове. От страха в моей голове образуется пустота, заполняемая самой идиотской мыслью, которая могла прийти на ум: и где только

Лора достала такую винтажную вещицу, с гравировкой по всему корпусу и костяной рукояткой? Уж точно не в магазине, в который ходила за сигаретами, и который стал последней остановкой по дороге в небытие.

– Заканчивай эту «игру в бисер». Она и так слишком далеко зашла. – Проговариваю с издевкой – давая понять, что ситуацию на этот раз контролирую я. Хотя это и не так.

Лора тем временем и не думает отступать – тушит сигарету о крышку пепельницы и берет пистолет двумя руками:

– Ты все равно выйдешь из машины, хочешь того или нет.

– Иначе застрелишь меня? – Пытаюсь казаться спокойным, но в глубине души понимаю – она вполне может выстрелить, пусть даже мы и находимся впритык к дорожному посту.

– Знаешь, что я сказала по телефону полиции? Что нахожусь в заложниках у «Ловца снов» и могу доказать это. – Ее руки дрожат, но это не помешает ей нажать на спусковой крючок. – Думаешь, я не сохранила чеки на покупку оленьих жил?

Держу руки на виду, продолжая сохранять хладнокровие. По крайней мере, наружно.

– Ты хотела сказать, в заложниках у его подражателя?

– Нет. Я сказала то, что хотела сказать. – Она выходит из себя, становясь похожей на лисицу с волчьим взглядом. – Мне «неизвестно всех тонкостей», поэтому я «считаю», что ты и есть тот самый психопат.

– И зачем мне держать тебя в заложниках? Ты придумала, что сказать полиции на этот счет?

Лора опускает взгляд, подыскивая аргументы. Наверняка у нее заготовлена целая уйма историй, и сейчас она просто выбирает, какую именно пустить в ход.

– Я видела, как ты выходил из кабинета Гарри, вот и все. – Говорит в следующий миг, заправив локон за ухо и снова схватившись за пистолет обеими руками.

Меня все больше поражает, насколько хорошо развита смекалка у мисс Дарлин. Мало того, что она придумала и провернула опаснейшее дело, так еще и устроила все таким образом, чтобы я оказался крайним.

– То есть, если я сейчас не выйду, ты сдашь меня постовым?

– Кажется, это называется милосердием. Ты мне нравишься, поэтому я дам тебе шанс выйти сухим из воды. Надеюсь, ты понимаешь, что это значит?

Вздыхаю, вроде как давая понять, что признал поражение. Затем делаю вид, будто собираюсь выходить, и как только она теряет бдительность, разворачиваюсь и выбиваю пистолет из рук.

– Конечно, Дарлин.

Дальше все снова пошло по сценарию, но уже моему. Никогда раньше мне не доводилось душить человека, поэтому получалось неуклюже – несколько раз она чуть не вырвалась, оторвав мне кусок рукава и поцарапав лицо. Казалось, это

будет длиться вечно, пока кто-то из проезжающих мимо водителей не остановится, чтобы разнять нас. Или пока постовые не подойдут и не поинтересуются, все ли у нас в порядке, испортив тем самым себе смену.

Почти вечность спустя, почувствовав, как силы окончательно покинули Лору, я отпустил ее шею и откинулся на спинку сиденья, чтобы перевести дыхание. Впервые за долгое время захотелось курить, как если бы минуту назад произошло что угодно, только не убийство. И лишь теперь я заметил, что проклятый нескончаемый дождь прекратился, а от синей цикады на стекле не осталось и следа.

0

Скрипнула дверь, и в техническом помещении запахло кофе. Женщина в сером поставила на край стола стаканчик, стряхнула с рукава пыль и подошла к парню в клетчатой рубашке, который копошился в датчиках:

– Что на этот раз?

– Все то же самое. – Парень поправил шапку, подключил экран и вывел проекцию на ближайшую стену, по краям которой свисала лапша проводов. Вдоль исцарапанной серой плитки забегали цифры и буквы, складываясь в нечитаемые (простому человеку) комбинации. – Он помнит многие де-

тали и даже знает, чем все кончится. Не могу понять, почему его память не сбрасывается целиком.

Женщина в сером присмотрелась к потоку данных, похожему на скопление светящейся мошкары:

– Но события разворачиваются по одному и тому же сценарию?

– Да, – проведя рукой по щетине, ответил клетчатый, – Лора Дарлин снова оказалась во всем виновата. Похоже, он не врал, когда говорил, что она решила его подставить. Хотя нельзя сказать наверняка, потому что...

– Потому что воспроизводство не началось с нуля. – Закончила женщина и вздохнула, взяв в руку стаканчик.

– Именно. Пока в его памяти проскакивают воспоминания, которых быть не должно, ни один суд не признает такое воспроизводство доказательством.

– И почему так? – Она посмотрела в сторону, будто в сотый раз задает один и тот же вопрос. – Почему он помнит то, чего помнить не должен?

Парень развел руками, задев полку и поймав едва не скатившийся с нее зонт:

– Может, произошла ошибка при переносе сознания в компьютер. А может, этот псих в самом деле был пророком и умел предугадывать будущее. – Он ухмыльнулся и облокотился на ручку, глядя, как коллега всматривается в монитор. – Как бы там ни было, ошибку я так и не обнаружил.

Оторвавшись от цифр и хлебнув кофе, женщина пожала

плечами и снова вздохнула.

– И что мы будем с ним делать?

Парень вернулся к мониторам, прокрутившись в кресле:

– Попробуем еще раз. Рано или поздно что-то пойдет не так, и тогда станет ясно, где именно система дала сбой.

Женщина посмотрела на потолок, словно давая понять, как ей все это осточертело. Меж проводов в паутине копошилась муха, и это навеяло ей мысль, будто они с коллегой находятся в точно такой же виртуальной реальности – в которой воссоздаются сложные жизненные события вроде преступлений или чертовых понедельников.

– Чувствую, он будет бесконечно крутиться по одному и тому же сценарию, пока суд не решит его удалить. – Сказала она, допив кофе и бросив стаканчик в корзину.

Клетчатый нажал кнопку перезагрузки, поочередно вынимая из системного блока провода и вставляя обратно:

– Не решит. Его случай исторически уникальный, поэтому правительство ни за что не сотрет его сознание из базы. Скорее, выставит в сеть как образец нетипичного случая, чтобы любой мог ознакомиться с феноменом.

Она улыбнулась, как если бы услышала то, что ожидала услышать. Или как если бы находилась в воссоздании, в котором тоже что-то пошло не так.

– Тогда его ждет целая бесконечность повторений, раз за разом, пока будут находиться те, кто будет нажимать на

«repeat¹⁹».

Экран снова загорелся. Поправив шапку, парень в клетчатом поставил пальцы на пробел:

– И даже дольше.

1

Не обязательно знать расположение каждого атома в пространстве, чтобы понять, что Лора что-то задумала. Мы остановились посреди ритмонтского шоссе, в пятнадцати милях от городка рудокопов, и минуту назад она вышла проверить, не пробито ли колесо. После этого время превратилось в тягучую серую массу, и мне кажется, будто уже прошла целая вечность. И еще – будто я знаю заранее, чем все это кончится...

---

¹⁹ «Повтор» (пер. с англ.)